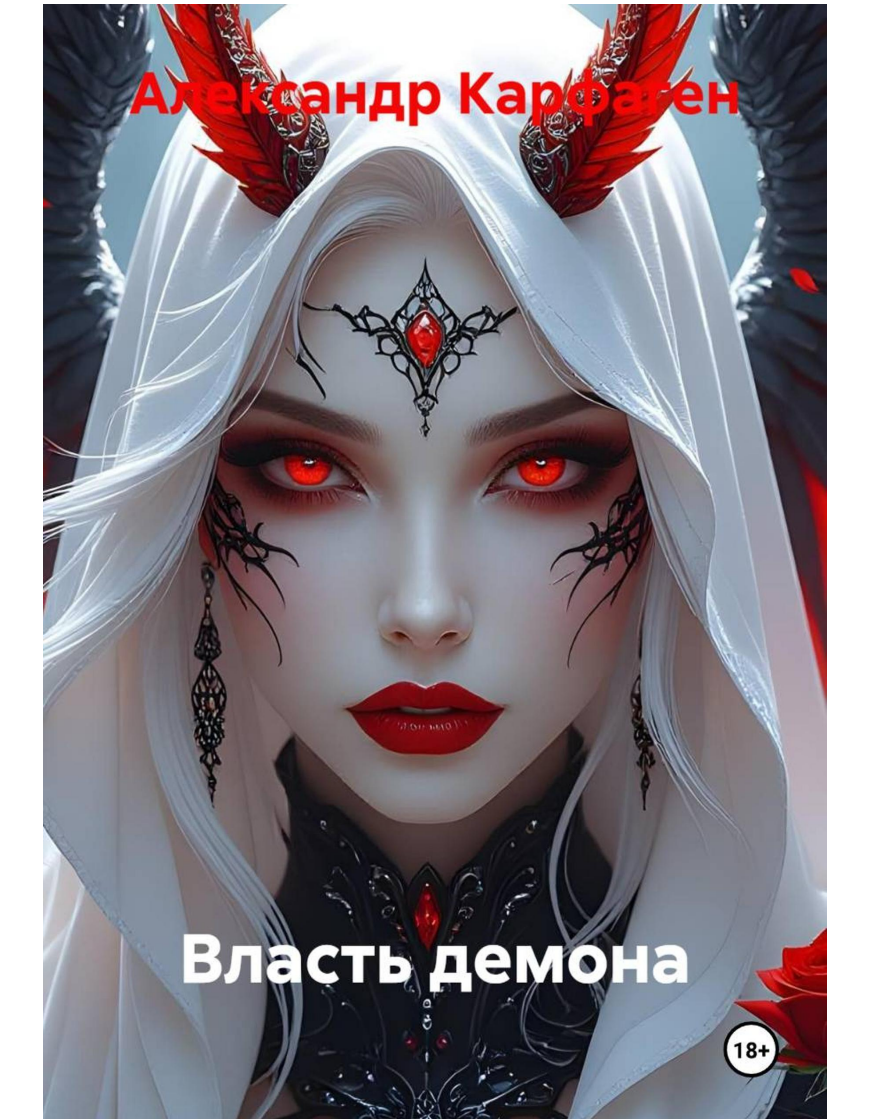

Александр Карраген

Власть демона

18+

Александр Карфаген

Власть демона

<https://litres.ru/74623549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её меч — война. Его — красота. Вместе они — катастрофа, которая спасёт мир или уничтожит его. Крылатые умирают, великие мечи не рождаются, мир людей сотрясают катастрофы. Единственный шанс на спасение — объединить врагов. Габриэль идёт напролом, круша традиции и подставляя спину под удар. Майлз плетёт сети из теней, не оставляя следов. У них разные методы, общие цели и тайная связь, которую нельзя раскрыть. Когда против них ополчаются все — и старые боги, и новые властители — остаётся только одно: сыграть ва-банк.

Содержание

Глава 1. Арманда. Не союзники	4
Глава 2. Майлз. Дикая невеста	12
Глава 3. Арманда. Поклоны и ритуалы	28
Глава 4. Майлз. Дитё	57
Глава 5. Арманда. Шторм	66
Глава 6. Майлз. Опасная донна	76
Глава 7. Арманда. Ласковая ночь	104
Глава 8. Майлз. Простые решения	113
Глава 9. Арманда. Брачный закон	132
Глава 10. Майлз. Признание	148
Глава 11. Арманда. Судить по справедливости	174
Глава 12. Майлз. Катастрофа	204
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Александр Карфаген

Власть демона

Глава 1. Арманда. Не союзники

1. Не союзники

Майлз тепло улыбается, ласково отводит волосы с моего лица и произносит:

— Что-то мне подсказывает, моя донна, что через пять минут сюда явится твой самый старший клятвенник. Тот самый, что перед всей академией и собранием оптимата на коленях обещал чтить тебя своей доминой, и ты снова подскочишь, как ужаленная, бежать за ним и извиняться, что опоздала.

Я, в принципе понимая намёк, вздыхаю, поднимаясь, но всё равно ворчу в ответ:

— А что, будет лучше, если он тут что-нибудь разнюхает? Эта ваша «домина» — крайне обделённое правами существо. Правду ни один взрослый дон отдать не может, а потому считает для себя возможным врать этой самой домине, когда вздумается. А Меч — вообще наиглупейшая из клятв. Послать клятвенника убить кого-нибудь я могу, а вот защищать или хотя бы не убивать — нет. Защищать он будет только меня. Причём от того, что сам считает опасностью. Бред!

— Ну, — мой демон хитро улыбается, — не во всём стоит опираться на магию клятв.

Не во всём. Вообще почти ни в чём нельзя. Но это я уже не начинаю обсуждать. С моим демоном мы не союзники. Ангел с демоном не могут быть союзниками. Хотя, как показывает практика, вполне могут быть любовниками. Вернее, это я считаю Майлза своим любовником. А он через предложение подчёркивает, что считает меня своей невестой и прямо безоговорочно верит, что когда-нибудь, максимум через четыре года, когда он закончит академию, мы с ним сольёмся в нерушимом брачном союзе.

Я оглядываюсь, призываю к себе свой вчерашний мятый костюм, вытягиваю из него материю одним мелким шариком-вишенкой, а потом ваяю из этой самой вишенки новый, немятый костюм, но точно такой же, как вчера.

Майлз смотрит на всё это, потом смотрит на нож, торчащий из стены справа от кровати, и тепло так мне улыбается.

И да, ему жутко не нравится, что я позволяю себе «быть небрежной к деталям своей одежды», ну то есть не ваяю новый костюм каждый день двадцать минут перед зеркалом. И нет, с чувством такта у него всё плохо, и просто оставить это своё мнение при себе он не может. Хорошо у него с чувством самосохранения. И да, этот нож я бросала не в него, а именно в то место на стене, куда он воткнулся, но сам полёт отлично объяснил моему демону «глубокую категоричность моей позиции». А нож я на всякий случай там и оставила.

Уже почти привыкла к нему.

Я отвечаю на улыбку Майлза абсолютно произвольно. В сущности, я и не представляю, как на неё можно не ответить. Лежит такой весь расслабленный в моей постели, руки закинув за голову. В синем взгляде искрится смех, толстая блондинистая коса растрёпана, разметалась по подушкам. Невероятно красив и притягателен. На губах улыбка...

Я наклоняюсь, целую эту самую улыбку. Он с удовольствием мне отвечает.

И нет, меня не отпустило. Я не привыкла, не переела и никак по-другому не сумела накормить свою страсть к нему, чтобы она хоть немного притихла. Я до сих пор напрочь теряю голову каждый раз, когда прикасаюсь к нему. Дурею от его поцелуев. Максимум, что мне удалось, — научиться днём держаться с ним холодно и не смотреть в его сторону. Но это умение основывается на понимании, что вечером я точно получу его столько, сколько захочу.

Наверное, уже стоит делать выводы? Начинать волноваться, что я буду со всем этим делать после окончания учебного года? Ведь учитывая, что нашим отношениям уже почти четыре месяца... полагаю, эта страсть меня и не отпустит. Личный глюк в моей голове или ангелам так и полагается влюбляться?

В гостиной слышатся голоса. Рик специально начинает громко разговаривать, когда наблюдает приближение дона Видара. И да, тот мой клятвенник... и учитель... а ещё он

взрослый дон, успевший разобраться в перипетиях этого мира, а я до сих пор девчонка, ни черта в этом самом мире не понимающая и считающая его чужим.

2. Сенатор Анаит

С трудом оторвавшись от губ Майлза, я выскакиваю из своих комнат в последний момент.

Дон Рагнвальд Видар стоит, в ожидании скрестив руки на груди, на самом краю взлётного парапета. Ему примерно тридцать пять, боец в каждом движении, стальной взгляд владетеля, плечи и руки, татуированные до самых костяшек пальцев. Он лучший тренер, который у меня когда-либо был. А тренеру по определению полагается быть жёстким и требовательным до не могу. И да, сейчас он просто смотрит на меня с укоризной, и под этим взглядом хочется извиниться. Это ведь моя вина. Глупо провалялась в постели. Но у проблемы есть и другая сторона: мне нельзя публично проявлять мягкость. Я могу извиниться наедине, но не здесь. Здесь, когда вокруг нас мои ликторы, этот такой разумный и мудрый для бескрылых поступок в дурацком восприятии крылатых меня почему-то унижает. Дурь какая-то!

Так что я усмехаюсь:

— Рагнвальд, ты снова решил лично привести меня на тренировку?

Он морщится, его сильно раздражает, когда я вот так вдруг зову его по имени. Но обычно всё-таки он старается хоть как-то тоже ответить колкостью. Обычно. Сейчас он

стирает усмешку с лица, становясь полностью серьёзным:

— Ночью напали на сенатора Анаит.

Вот как?

— Выжил? Опознали нападавших?

— Выжил. Но придёт в себя не раньше зимы. Естественно, про нападавших рассказать до этого времени ничего не сможет.

Не раньше зимы? Это кто же так хорошо блондинчика крошил? Мне он не нравился, прегадкий дядька, но это не повод крошить его в салат.

Ситуация в академии вообще очень беспокойная. Разборки между донами не прекращаются. Все старшие или те, кто заявляет, что претендует на власть, уже давно ходят только в окружении охраны. Малолетние доны с объяснением «упал с лестницы» с завидной регулярностью попадают в валетудинарий, иногда в крайне плачевном состоянии. Но ещё хуже выходит, когда в эти самые разборки встревают взрослые сенатские доны, которые крутятся в академии почти постоянно. Возможно, опыта у них больше, но старшекурсники явно лучше лавируют в обществе академии. А ещё сенатские обычно не связывают себя преподавательскими клятвами, отчего магия академии их не защищает. А значит, там, где студенту ломают кости, стараясь отправить к лекарям на как можно дольше, сенатских убивают. С начала года реально убили уже четверых.

— Ну, ладно, нападения не видели, но хоть подозрения-то

есть на кого-то?

Видар усмехается:

— Всем известно, что позавчера ты поругалась с сенатором Анаит и публично обозвала его «бесполезной канцелярской крысой». Все, кто присутствовал, уверены, что он сильно тебя разозлил, а значит, ты могла решить его наказать.

Я приподнимаю бровь:

— И что? Думаешь, это я его «с лестницы» спустила? Всем известно, что своих врагов я быю честно, при свидетелях в дуэльной башне. А ещё точно никогда не жду для этого сутки. А насчет наказать, то это как раз он там обещал, тоже, кстати, при свидетелях.

Видар явно хочет ещё что-то сказать, возразить, выразить своё недовольство тем, что я отказываюсь дружить с сенаторами своего оптимата, но передумывает:

— Я это знаю. И... Просто возьми с собой сегодня пару лишних ребят охраной.

3. Сила меча

Разбег по взлётному парапету — и прыжок. Свободное падение, буквально мгновение, а после я распахиваю красные крылья. Не знаю, как крылатые могли отказаться, пусть и только тут, в академии, от этого непередаваемого чувства — летать. Впрочем, сейчас до сих пор есть некоторое количество ретроградов, которые прячут крылья и ни при каких обстоятельствах не летают. Меньшинство, но есть. Большинство же, особенно низкородные, вовсю заново осваива-

ют этот способ передвижения. На площадках боевиков я даже видела тренировки в воздухе. Очень красиво.

Тропинка, словно выстеленная жёлтым известняком, вбок от галереи, дальше вираж над утёсом, и я ловко приземляюсь на площадку у моего зала. Теперь всё до самого обрыва — ровная базальтовая плита. Парни, пока меня ждут, частенько тренируются с материей, и любой другой камень быстро превращается в песок. Синяя ванна тоже изменилась: слегка уменьшилась и наполовину задвинулась в скалу, освобождая простор для манёвра. А вот рыбок больше совсем нет. Не выживают в такой близости от тренировок.

Выпад. Обманка. Удар. Ушёл. Тут же второй — и с ноги. Ушёл. Чуть ускориться. Прыжок. Разворот. Замереть — и удар. Есть!

Видар поднимается, отряхиваясь от каменной крошки.

— Ты цел, Рагнвальд?

Ругаясь вполголоса, он ощупывает своё плечо:

— Почти. Но спарринги на сегодня закончены. Немного передохнём и вернёмся к щитам.

Последние несколько недель я наконец перешагнула тот рубеж, когда мастерство Видара ещё без вариантов побеждало мою превосходящую силу. Теперь скорее ситуация наоборот. Каким бы мастером Видар ни был, сила малого меча всё-таки несравнимо меньше силы великого. Я быстрее, мощнее. И хотя до сих пор сильно уступаю в мастерстве, победа уже почти всегда всё равно за мной. Причём каждый

раз всё меньшими усилиями.

Видар сидит на осколке одной из колонн, внимательно ощупывая плечо и прислушиваясь к ощущениям. Я бухаюсь рядом на пол:

— Что будем делать, когда я начну побеждать тебя за первые три удара?

Он усмехается:

— Ну, даже при всех твоих талантах, которые я признаю, ещё пару недель я продержусь. А там, глядишь, и Сварожич до конца облысеет. Начнём тренировать тебя против двоих. Учитывая, что сила одного будет каждый раз неожиданно для него самого, отличное усложнение.

Всё это, конечно, не произошло само собой. Все эти месяцы, каждый день, по пять-шесть часов тренировок. Ну, и у меня однозначно лучший тренер. Ну и цель. Сенат так и не принял меня. Как Видар и предупреждал, они просто продлили каникулы. Теперь уже официально до моего выпуска. И честно, я не уверена, кто больше выиграл от этой отсрочки. Потому как благодаря ей я приду в сенат по-настоящему сильной. Непобедимым великим мечом. По крайней мере, пока в мире не появятся и не окрепнут другие. А сенатские старики? Их вон невесть кто с лестниц только так спускает в полный салат!

Глава 2. Майлз. Дикая невеста

4. Дикая невеста

Уже одевшись на тренировку, Габриэль не выдерживает и решительно снова шагает ко мне, купая в своём обожании и жадно целуя.

Мне досталась невероятно дикая невеста. Особенно в плане интимных отношений, где для неё просто не существует никаких границ и приличий. У меня названий нет для некоторых вещей, которые она позволяет себе в постели! А если добавить к этому, что она ещё и крайне ненасытна в этих самых отношениях... То я... честно, я уже не представляю в этой роли... роли моей невесты и жены кого-то другого!

И да, у моей Габриэль несметное количество недостатков, но и достоинства её неизмеримо велики. И, наверное... главное из них — честность. Она может промолчать, но не считает нужным даже пытаться сдерживать мимику, которая у неё крайне красноречива, если чуточку разобраться. И она абсолютно не умеет врать. За любым другим крылатым, мужчиной или женщиной, я всегда подозреваю, что он ведёт свою игру. Лжёт словами, взглядами, жестами. Моя невеста тоже ведёт свою игру. Невероятно рискованно, напористо, стремительно. Вот только в её игре совсем нет лжи. Крайне опасная тактика! С другой стороны, я точно знаю, что всё, что она говорит мне, — правда.

А ещё, такой маленький чисто мужской бонус: она абсолютно мне верна. Даже в мыслях! Да, она трогает руками всю свою охрану, называет, кажется, всю свиту личными именами, но ни на одного из них она даже не смотрит так, как на меня. И эту разницу заметит любой, кто хоть раз увидит, КАК она может смотреть на меня!

Поцелуй выходит одуряюще жарким. А Габриэль, как всегда, стрелой выскакивает за двери, лишь услышав голос Видара. Я, улыбнувшись, откидываюсь на подушки, стараясь успокоиться. Может, не тот меч назвали «страстью»? Я абсолютно измотан физически, но после её поцелуя готов продолжать. Хотя... у деда было пять жён, и, кажется, ни одна из них не считала себя забытой. Глядя на свою невесту, я не представляю, как он умудрялся это делать.

Я поднимаюсь и уже начинаю одеваться к моменту, когда появляется Сварожич. Эта немногословная гора мускулов — верный пёс моей женщины. Преданный и неглупый.

Подбирая перед зеркалом подходящий покрой рубашки, я произношу не поворачиваясь:

— Сегодня после обеда, скорее всего в северных переходах преподавательских галерей, постараются «уронить» Видара.

Коротко, только самое главное. Он всё равно по большей части не верит мне. А проверив, найдёт остальное.

Почему я не сообщаю об этом же самом Габриэль? По причине всё той же её честности. В настоящих тайнах ма-

ло смолчать, нужно создать иллюзию, что тайны нет или она несущественна и бесполезна твоим врагам. Моя дикая женщина так не умеет. И она полностью на виду, каждое её слово, действие, гримаса рассматриваются с великой тщательностью. За ней следят десятки глаз. И все эти следящие тут же зададутся вопросом, откуда она взяла информацию.

А вот Сварожич не настолько всем интересен. Да и как почти-почти малый меч уже обзавёлся собственными клятвенниками. Кто поумнее, это знают. Ему есть откуда получить сведения. И он нечитает. Мимика кирпича! Плюс для него проще подобрать слова, его мотивы я понимаю, так же как он понимает, в сущности, мои. Это для моей дикой невесты крылатые все «они, ваши, ваш». Она даже в речи называет себя человеком. И все её выводы и суждения тоже оттуда. Непонятные мне. А Сварожич — абсолютно нормальный крылатый сеньор, который знает, что любой мужчина будет защищать свою невесту от реальной опасности, кем бы она ни была. И небесный сенатор Видар пока важен для этой самой безопасности моей женщины.

5. Слухи

Как только я заканчиваю с одеванием, Сварожич молча выглядывает в гостиную и через мгновение машет мне выходить.

На крыльях от своей женщины я уже давно не летаю. Незаметная дверь в одной из ниш гостиной — и крутая, выющаяся серпантином лестница вниз. Все комнаты ниже, в кото-

рые она имеет выходы, до самого первого этажа принадлежат свите Габриэль, и эта лестница соединяет гостиные. Но самое интересное, что внизу, на самом первом этаже, она уходит ниже, под землю, и долгим переходом выводит в одну из беседок уже далеко за границей территории небесной башни. На этой лестнице и переходе всегда много бойцов и, скорее всего, стоит какая-то охранная магия великого меча. Удобно, когда материя всей академии в полном подчинении!

По лестнице меня провожает один из ликторов моей женщины. Невысокий, узкоглазый старшекурсник небесного, Хаоюй Пангу. Очень умелый боец, к тому же, в отличие от Сварожича, хорошо видящий свои личные интересы в любой ситуации. С этим сеньором у меня взаимовыгодный обмен информацией. Периодически я сливаю ему планы своих врагов или планы врагов Габриэль. А он в свою очередь частенько выкладывает передо мной попавшие к нему планы любых донов и сеньоров, не получивших защиту моей невесты.

— В глубинной башне болтают, что сегодня в полдень, в преподавательских галереях, сеньор Дагда с отрядом собирается напасть на какого-то небесного дона.

Причём в этой самой информации я достаточно честен. Напасть действительно собираются, как я уже сообщил Сварожичу, на Видара. И сеньор Дагда действительно числится в списке бойцов. Он, правда, там не главный. Но мне очень важно, чтобы этот персонаж максимально надолго покинул

сцену.

Паньгу кивает, с дежурной улыбкой благодарности, и тут же выкладывает в ответ:

— У меня есть несколько слухов, которые в отдельности ничего не стоят. Но вместе рисуют интересную картину. Говорят, сеньор Руда вдруг испытал настолько сильную страсть к своему дону, что даже взялся выражать её публично. А юный дон Эриний водит в свои комнаты по две-три смески разом каждый день и не спешит остановиться, даже несмотря на осуждение клана. Похожая проблема у дона Намму. А один из его сеньоров вообще попал в крайне сложную ситуацию из-за тех же причин, чрезмерной похоти.

Ничего по отдельности и очень даже много вместе? Все перечисленные доны и сеньоры — глубинные, а главное, все живут по соседству со мной. Последнее небесному вряд ли известно, но если слухи уже ходят, то любой глубинный соберёт их очень быстро.

Я стараюсь кивнуть как можно нейтральной, не выдавая, что информация меня так сильно озадачила. Это может быть очень большой проблемой. Потому как среди прочих в апартаментах, полагающихся моей свите, последнее время живёт Карим. И... Это стоит обдумать позже. Паньгу смотрит на меня слишком внимательно и может заметить мои переживания.

6. Сетх

В беседе меня уже встречает Диевас. Он быстро окиды-

вает меня обеспокоенным взглядом, а убедившись в моей целостности, тут же холодно хмурится. Мой ликтор на меня зол. Вчера я в очередной раз приказал ему проиграть, защищая меня на дуэли. Так было нужно. Общество очень не любит тех, кто ещё недавно был выше их. Так что успокоить нападки на себя мне удалось только обдуманно и добровольно заняв низкую позицию. Я признал вслух, что мой клан обескровлен, слаб и не претендует более на ведущие роли в оптимате. Не очень гордый выход. Дядя был в ярости. И да, у меня нашлись бы силы подраться за место повыше, пусть и не в первом ряду. Но я выбрал этот путь ещё и из-за Габриэль.

Моя невеста ведёт невероятно опасную политику. Легко идёт против сильнейших, ни на секунду не задумываясь, что её просто могут убить. И чтобы защищать её, мне требуется максимально быть в тени, персоной, которой никто не интересуется. А это включает в себя проигрывать дуэли и извиняться.

Обида Диеваса смотрится смешно. А учитывая, что она никак не влияет на качество исполняемых им обязанностей, последнее время он кудахчет надо мной чуть ли не больше, чем в первые дни в академии, ещё и бессмысленно.

Впрочем, сейчас меня больше волнуют слухи, которые принёс Паньгу. Так что, воспользовавшись моментом, пока остальная моя охрана находится далеко от нас, по периметру беседки, я спрашиваю:

— Эмилс, тебе не случилось последнее время испытывать к кому-то чрезмерную страсть, влечение?

Он усмехается:

— Боитесь, что меня занесёт так же, как сеньора Руда?

То есть слухи действительно уже активно ползут. Я не улыбаюсь в ответ, показывая серьёзность вопроса, и Диевас сначала задумывается слегка, потом пожимает плечами:

— Нет. Не то чтобы мне не хотелось, но я думаю в первую очередь о своём клане. И женщину собираюсь выбрать разумно, из сеньорит вашей донны. Вы ведь собираетесь что-то решить с помолвкой до конца года?

Я киваю:

— Конечно. Обязательно.

Правда, у моей донны в свите нет ни одной сеньориты. У неё там вообще с женщинами большой дефицит. А ещё она небесная.

И... Что получается? Даже если Карим, с его крыльями Асмодея, влияет на окружающих, пробуждая похоть, то первыми под удар попали бы я и те, кто живут в комнатах моей свиты. То есть Диевас и старший ликтор Карима, сеньор Рамзи Сетх. Я никакого влияния на себе не ощущаю. Хотя... с учётом насыщенности моей личной жизни, возможно, просто не понимаю этого. Но у Диеваса и Сетха женщин нет. И сейчас ситуация в академии такая, что они следуют за нами практически неотступно. А значит, они должны почувствовать.

— А за Сетхом ничего не замечал?

Диевас, кажется, уже понимает, о чём я волнуюсь:

— Нет. Единственное, что его волнует, — это то, что его дон повадился кучу времени проводить у бескрылых. Что там его сложно охранять. Ни единого упоминания страсти я не слышал. А молчать не в привычках Сетха.

Ликтор Карима, тот самый, которого ему подобрал Диевас, — крайне живой и разговорчивый парень, способный одними глазами выразить целую гамму эмоций. Впрочем, ничего, кроме его глаз, мы чаще всего и не видим. Сетх традиционно носит тагельмуст.

7. Слабак

Уже в галереях ко мне привычно пристраивается Лоренцо. А ликторы, увидев его, так же привычно отступают чуть дальше спереди и сзади от меня, давая нам поговорить.

Я усмехаюсь смеску:

— Ну что? Мойра убрал с доски сенатора Анаит?

Он морщит некрасивое лицо:

— Нет. Только сослал к лекарям на ближайшие восемь-девять месяцев.

— Слабак!

В академии идёт натуральная война. Причём на этот раз не столько между оптиматами, сколько между кланами, представленными среди студентов старших курсов, и кланами, играющими ведущие роли в сенате. Потому как оказалось, что это совсем разные кланы.

И в момент, когда четыре месяца назад Габриэль уверенно объявила лекцию для студентов, претендующих на власть, и даже пустила на неё глубинных донов, сенатские доны фактически проиграли все манёвры на территории академии. И нет, тогда они этого не поняли. Никто не понял! Но в головах всех высокородных старшекурсников возникла идея, что они могут легко, буквально через полгода пройти в сенат за спиной Габриэль. И те, чьи старшие родичи не имели в тот момент силы в кругах власти, вцепились в эту возможность железной хваткой. Постепенно переходя к всё более и более решительным методам.

Сенатские мастодонты в академии были изначально в невыигрышной позиции. Её законы и клятвы создавались для защиты детей. В первую очередь высокородных. Полные мечи, которые плели магию клятв, думали о безопасности наследников своих кланов. Ни один сенатор прошлого, из тех, что принимали законы по академии, и предположить не мог, что однажды им придётся в условиях этих самых законов воевать со студентами.

Посторонние могут находиться на территории академии только в дни объявленных празднеств или открытых мероприятий. В остальное время сюда могут войти только студенты и преподаватели. Причём какой-нибудь дон не может просто прийти в академию и назваться преподавателем. Нужен запрос от академии и ответное назначение от совета оптимата. А ещё в течение суток новичок должен пуб-

лично объявить расписание своих занятий, хотя бы на доске одной из кафедр, если предмет только для избранных. А низкородный преподаватель ещё обязательно даёт преподавательскую клятву, которая не позволяет нанести умышленный вред студентам и в принципе вмешиваться в дела за пределами своих занятий. Для высокородных преподавателей, правда, есть лазейка: закон также велит им давать клятву, но не предусматривает срок, в который они обязаны это сделать. С другой стороны, не дав клятву, они не попадают и под защиту академии.

А ещё, что в последнее время стало особенно ярко, преподаватели не могут привести с собой клятвенников. В смысле да, некоторые сенатские доны, конечно, привели с собой несколько ликторов. Но, во-первых, ради этого они освободили их от клятвы меча, потому как она не позволяла дать преподавательскую. Видар, Калиго, Дьяус. Во-вторых, это была мера скорее от других сенатских или от ответа глубинных, на крайний случай. Потому как все эти сеньоры в первые же сутки дали преподавательские клятвы и заменили тренеров на площадках боевиков. А значит, вступить в драку против студентов они теперь не могут. Ну, разве что только защищая свою собственную жизнь.

Итого, те сенатские, что всё ещё пытаются как-то обуздать здесь юный небесный меч, повлиять на саму Габриэль или формируемую ею свиту, как оказалось, не имеют никакой защиты от студентов. А последние, в своей решительно-

сти, уже благополучно добрались до кровавых разборок.

— Мойра — глупец! Через восемь-девять месяцев сенатор Анаит придёт в себя, и разбираться с ним нужно будет уже в рамках законов сената, а не академии. А там его позиция будет выигрышной. Этот дон публично обещал наказать Габриэль. Такими словами не бросаются! Свидетелей-то хоть Мойра не оставил?

Лоренцо усмехается:

— О свидетелях позаботился дон Агни. Там всё отлично.

Ну да, пятикурсник Якшит Агни хорошо понимает, что для его удачного вхождения в сенат Габриэль должна не только с помпой войти туда весной, но и закрепить свою власть. А ещё точно продержаться хотя бы год, пока он заканчивает учёбу. Юный асур — старший мужчина своего потрепанного клана. И в ином случае в сенате ему пришлось бы долго стелиться под старших, заключать невыгодные союзы и со всем соглашаться, чтобы хоть как-то дать клану окрепнуть.

Яннис Мойра же — тот редкий случай, когда клан, достаточно сильный в сенате, оказался силён и среди студентов. Правда, он вроде как официально претендует на роль жениха моей Габриэль. И потому старшие мужчины Мойра в академии вообще не появляются, а вот Яннис выкладывает карту за картой, отбивая Габриэль от её врагов. Не очень качественно отбивая. Подчищать за ним приходится всей свите Габриэль и мне.

— А о его племяннике Мойра позаботился? Тот вроде второкурсник?

Смесок пожимает плечами:

— Мне докладывали, что Яннис Мойра имел с юным доном разговор. Полагаю, юный Тигран Анаит дал слово не вмешиваться.

— Дал слово? Так просто?! А потом он получит приказ от клана и про это своё личное слово забудет. Да и за такие речи старшего родича неплохо бы извиниться. Публично! — Дальше я мысль не развиваю. Не то чтобы я не доверю Лоренцо, просто стараюсь не класть все яйца в одну корзину. Получая информацию от одного своего клятвенника, предпринимаю ответные шаги другими фигурами. — Присмотри за ним и Расскажи мне, если в этом вопросе что-то изменится.

8. Претендующие на власть

Интерьер моей личной гостиной в последние месяцы сильно изменился. Вместо строгой деревянной мебели теперь его заполняют мягкие низкие диваны и кушетки с бесконечным количеством подушек. Орнамент на каменном полу, стенах, диванах. Я не придираюсь. Потому как сам позвал Карима к себе жить, думая в первую очередь о его безопасности. И то, что мальчишка обустривает нашу общую гостиную по своему вкусу, — не такая уж большая уступка.

На красном узорчатом диване ожидает Ракшас. Завидев меня, мой клятвенник тут же подскакивает, кланяясь. Я ма-

шу ему проходить ко мне. С этим сеньором никогда не угадаешь, насколько сокрушительную информацию он принесёт на этот раз.

— Ну, что у нас нового?

Демон ещё раз кланяется:

— Сегодня ранним утром собирался совет небесного оптимата по поводу происшествия с сенатором Анаит.

Утром? Учитывая, что Габриэль вскакивает ни свет ни заря, а они успели это сделать раньше, то правильной сказать, собрание происходило ночью. Тайком!

— И что же уважаемые небесные доны нарешали?

Ракшас усмехается:

— Доны больше ругались. Большинство требовали призвать Габриэль к ответу.

За что? Она не умеет лгать, и на её лице сегодня все прочитают, что о данном происшествии ей ничего не известно. Нельзя кого-то призвать к ответу вообще без каких-либо доказательств. И очень сложно призвать к этому самому ответу великий меч.

— Ещё глава рода Мойра настаивал возобновить занятия «претендующих на власть» и начать договариваться с юными небесными.

Даже так?

Моя Габриэль умудрилась напугать собственный оптимат ещё при знакомстве, четыре месяца назад. С грохотом выставила донну Мойра за дверь, не пустила нескольких глав

кланов и как-то так надавила на сенатора Видара, что он, не сходя с места, дал ей клятву. Клятву при первой встрече! А пока оптимат отходил от этих ярких впечатлений, ринулась ломать дальше: задавать вслух неудобные вопросы и требовать от донов предъявить крылья. Уже на этом этапе большинство сенаторов решили покинуть преподавательские посты и не лезть в жизнь молодёжи.

Большинство, но не все. Почтенный небесный сенатор Наунет решил слегка пойти на уступки и ответить на часть вопросов юного великого меча. В результате состоялась та самая лекция «претендующих на власть». Значение этого собрания задала Габриэль своими вопросами и громким объявлением в обеденном зале, а содержание выдал Асмодей, по горячности вступив в спор. Результат этого неосознанного тандема двух юных великих мечей получился настолько шокирующим, что Наунет с трудом сохранил лицо и, боясь продолжения, предложил Габриэль особого учителя, чтобы разобраться во всех нюансах метафизики. Ну и пока Габриэль разбирается, естественно, все занятия «претендующих на власть» поставлены на паузу.

9. Красный дон

— Ну, а что говорил самый интересный мне небесный сенатор?

Ракшас разводит руками:

— Сенатор Видар объявил, что связан клятвами и не может ничего рекомендовать собранию. Но все предложенные

варианты плохи.

Я таинственно улыбаюсь:

— Вот как? Грубиян! Так с почтенной публикой...

У меня существует ещё одна проблема. Габриэль очень подробно связала меня клятвой по поводу тайны наших отношений, а сама совсем не сразу приучилась не оставлять на мне следов своей страсти. А хорошие тени, а мне служат только самые лучшие, по определению очень внимательны. И эти самые следы, не сходящие дольше, чем следовало, они конечно же заметили. Потому я юлю и изворачиваюсь, уводя мысли моих клятвенников от сохраняемой тайны. Например, проявляю в разговорах особый интерес к Видару.

Учитывая, что мне и Диевасу пришлось изначально подкинуть намёки, что моим любовником является именно этот небесный дон, то и остальной близкий круг пришлось направить сюда. Но только близкий!

Информация о ночном заседании небесного оптимата мне нравится. Старики в смятении и не пришли буквально ни к какому общему решению. Нужно закрепить успех. Не просто не дать обвинить Габриэль, но и потребовать извинений от клана Анаит.

Призвав крылатую тварь, я ваяю короткое послание:

«Красному дону. Дон Тигран Анаит заслужил ваш гнев. Не щадите его!»

Будучи в тени, я не могу ничего делать собственными руками. Задать неудобный вопрос, объявить во всеуслышание

о чём-то, вызвать на дуэль. Ничего! Я веду себя тихо и незаметно. А всё необходимое делаю своими фигурами.

Причём для столь глубокой тени мне понадобилось аж три абсолютно не связанных со мной высокородных фигуры в руках. Я нашёл трёх донов, максимально выброшенных обществом академии отовсюду, и дал каждому из них умного советника и сильного ликтора. Естественно, не объявляя себя.

В сущности, даже то, что приказы им отдаёт не советник, большинство этих донов пока не разгадали. Кроме красного. Красным у меня числится Йемайя.

После такого эпичного позора с недоразвитыми крыльями он был полностью покинут своими сторонниками и к тому же сильно избит. А когда поправился, несколько недель страдал от нового положения — ниже низкого. Пока в какой-то момент мне не понадобилась фигура из дэвов и я не вспомнил о нём. И я не зря и раньше выделял, что этот парень достаточно умен. Он сумел правильно разгадать происходящее и даже поставил условия. Что он послушно выполняет любые мои приказы, напрямую не вредящие его клану, но потом, после академии, я провожу его в сенат. Сейчас, когда о его крыльях знают все, это высокая цена. Впрочем, и отрабатывает её Красный дон качественно. Выполняет мои приказы с умом и задорной смекалкой.

Глава 3. Арманда.

Поклоны и ритуалы

10. Конфетно-букетный период

На обед я теперь хожу очень пунктуально в одно и то же время. А ещё обязательно пешком от самых своих комнат до обеденного зала. Это способ помогает однозначно хотя бы раз в день собрать всю мою свиту и иметь возможность спросить с любого из них. Ну и опять же дать любому из них возможность поговорить со мной по дороге без лишних свидетелей.

У приоткрытых дверей ведущих из моей гостиной в галерею я останавливаюсь, просигналив парням вести себя тихо. Там, за дверью, на площадке, которая теперь, для безопасности, ведёт только к моим комнатам, а следовательно, чужих на ней быть не может, разговаривают:

— Нет... Эстела, не стоит... ммм, это моё... ты невозможна...

У Эсты с Яннисом идёт затянувшийся конфетно-букетный период. Они целуются по углам, облизывают друг друга взглядами, с удовольствием часами спорят о чём-нибудь сугубо научном и тайком держатся за ручки. Затянувшимся его, правда, считаю исключительно я. Эста заявила, что секса в её жизни и так было немало, а вот такой глубокой ро-

мантики — считанные эпизоды. Так что лучшее, что могут ей дать эти изначально обречённые на провал отношения, — это именно такие сентиментальные мелочи. И она не собирается терять ни крупинки. А Яннис вообще оказался в этом плане жутко правильным и считает, что всё происходит, наоборот, слишком быстро.

Я тихо делаю пару шагов назад и, намеренно громко заговорив, уже снова неторопливо двигаюсь к выходу:

— Паньгу, тебе что-нибудь известно насчёт нападения на Анаита сегодня ночью?

Мой, так любящий собирать сплетни, ликтор тут же пристраивается ближе:

— Все говорят только о том, как сенатора уже нашли раненым. Про сам бой никто ничего не говорит. — Он, словно извиняясь, пожимает плечами.

В это время с другого бока ко мне тихо пристраивается Эста, и Паньгу отступает. А Яннис присоединяется уже совсем целомудренно через десяток шагов, на которые, как полагаю, успел отпрыгнуть за эту фразу, притворившись, что ожидал моего появления у самой лестницы.

— А ты, дон Мойра, что можешь сказать?

Яннис слегка растрёпан, но без подслушанного диалога я никогда бы не рассмотрела этой мелкой небрежности:

— К сожалению, мне не известно, кто именно напал на сенатора Анаит.

Паньгу снова высовывает из-за Эсты свой бритый лоб:

— Кстати, ещё говорят, что дону Тиграну Анаит стоит извиниться за родича. — Яннис на эту фразу удивлённо косится, и Паньгу чуть смущённо добавляет: — Об этом всюду болтают.

11. Женихи

За четыре месяца вокруг меня сложилась вполне приличная свита. Как минимум полезная в том деле, за которое я взялась. И нет, потенциальные женихи в ней, конечно, не перевелись. Просто отпали совсем уж бестолковые, а остались, наоборот, умники, способные делать выводы из своих и чужих ошибок.

Официальным фаворитом гонки за заветный брачный контракт со мной, конечно же, является Яннис Мойра. Сдержан, полезен, терпелив, и к тому же он отлично отгоняет от меня навязчивых типов. Ближнему кругу также известно, что этим доном очарована Эста и он даже, вроде как с моего озвученного согласия, крутит с ней роман. И абсолютно всем понятно, что ждёт Яннис, естественно, моего дня икс, за неделю до экзаменов, дня, когда я обязалась выбрать жениха. Надеется, что окажется самым приемлемым вариантом.

Вторым номером идёт Амон Наунет. Этот ангел-третьекурсник также ни разу не заявил мне напрямую, что метит в женихи. Флегматичный и не слишком разговорчивый, он был задвинут в мою свиту своим двоюродным дедом, сенатором. И первое время вообще периодически от меня шара-

хался. Потом я рассмотрела, с чем этого парня есть.

Амон — заучка. Фанат самых древних свитков из самых тёмных веков. Трепетный почитатель истории. Любитель найти какого-нибудь персонажа древности, про которого и имя-то мало кто помнит, и раскопать по нему какой-нибудь вдохновляющий факт. Естественно, вдохновляющий, да и в принципе понятный только самому Амону и его свите. Она у него под стать господину. Короче, отличный специалист прямо нужного нам с Эстой направления.

Завершает короткий список выживших в борьбе Гектор Калиго. Причём завершает с переменным успехом. Асурпервокурсник пока не выявил в моём понимании никаких талантов, кроме как упёртой способности снова и снова возвращаться, когда был уже послан далеко и безвозвратно. Даже у Янниса не получалось отделаться от этого парня. Гектор пытался вписаться в мои ухажёры ещё в начале учебного года, в то время когда мой меч для мира был ещё тайной. А уж теперь, поддерживаемый всем своим кланом, так стал просто неутомим. Особенно учитывая, что клан Калиго — ярый союзник небесных. А в академии к тому же окопался любимый дядя Гектора, малый меч Агенор Калиго. Который вместе со своими клятвенниками теперь тренирует боевиков восходного.

При этом стоит признать, Гектор обучаем. Первый раз он попытался показать себя знатным мачо и был выставлен мной за навязчивость. Через три недели вернулся. Извинил-

ся и почти месяц вёл себя тихо, женихом не объявлялся, под руки не лез. Потом грубо огрызнулся на Эсту и был мною показательно избит на дуэли. Провалился несколько недель в валетудинарии. Теперь уже недели две старательно сверлит меня взглядом с безопасного расстояния в поисках предлога вернуться.

Сегодня, например, он делает это с балкона западного крыла. Учитывая, что в качестве приличной одежды мужчины клана Калиго носят туники не сильно ниже попы, а день сегодня выдался ветреный, у меня есть шанс выяснить, имеется ли под туникой Гектора хоть какое-то бельё. Но... я его упускаю.

Амон Наунет буквально догоняет меня как раз у той самой западной галереи, сияя от радости:

— Я нашёл! Габриэль, я нашёл этот текст! И... всё даже сложнее, чем ты предполагала.

12. Всё сложнее

Всё оказалось сложнее, чем я предполагала?! Никогда такого не было, и вот опять!

Я пришла в мир крылатых с мыслью защитить людей. Спасти их от последствий войн оптиматов. Мне объяснили, что если не будет одной из сторон, то война прекратится. Я уничтожила эту самую одну из сторон, осталась вообще единственным великим мечом. Война закончилась. Даже мелкие стычки постепенно сходят на нет. Все драки только тут, в академии, подальше от бескрылых. Но... людям стало хуже!

Всё оказалось сложнее! Мир захлестнули стихийные бедствия всех мастей и процессы разрушения. Потому как, оказывается, великие мечи очень нужны этому миру. И не один, а как минимум четыре, а лучше все двенадцать.

Срочно нужен был новый план. Только проверка высокоуровневых на предмет узора на крыльях показала, что всё плохо и донов, способных сформировать когда-нибудь великий меч, очень мало. А главное, выяснилось, что собрать все двенадцать узоров в одиночку уже давно не может ни один оптимат.

Отлично! Наличие мечей у разных оптиматов — война. Один оптимат собрать все двенадцать не может. Нехватка мечей на Земле — стихийные бедствия.

Видар рычал, что чуть не поседел, когда услышал, что я понаписала в своём докладе по заданию с лекции «претендующих на власть». Кстати, кажется, она уже войдёт в местные учебники истории под этим наименованием. Тем более что второй не состоялось. И именно из-за того моего доклада.

А что я понаписала? Надо же было как-то выбираться из этой ситуации?! Если крылатые в сути своей один вид, абсолютно одинаковы и даже дополняют друг друга в вопросе формирования великих мечей, которые нам нужны все, то моя миссия в этом мире, состоит в том, чтобы упразднить оптиматы. Убрать вторую сторону в самом корне этого вопроса.

Естественно, если сделать это упразднение просто на сло-

вах, результата не будет. Потому мы с Эстой внимательно изучили методички по тимбилдингу в мире людей и вывели последовательный план в несколько пунктов. Начать планировали со студентов как самой не закоряченной пока части общества. Первым делом ввести единые лекции для всех донцов, претендующих на власть, независимо от оптимата. Причём преподавать на них должны не нейтралы, а ангелы и демоны по очереди. Второй этап — совместная работа. То есть составить пары ангел-демон и давать им на этих самых занятиях задания, которые никак не получится сделать в одиночку. Так чтобы, хочешь не хочешь, а пришлось работать вместе. Кто не сможет — вылетит из списка «претендующих на власть».

Дальше планировалось переходить на взрослое население, но там план мы подробно проработать не успели. Тогда за обедом я лишь слегка поделилась мыслями по докладу с Яннисом и Агни. И уже через полчаса ко мне прискакал сначала Видар, грозясь поседеть, а к вечеру попросил о встрече сенатор Наунет. Сенатор, надо признать, очень вежливо пожурил меня за то, что я тороплюсь с решениями, не разобравшись до конца, и предложил отложить доклад, потому как... Да-да! Всё сложнее, чем мне кажется.

Впрочем, в качестве жеста доброй воли, ну или взятки, старший Наунет также выдал нам особого учителя, деда ста двух лет от роду, дона Тоси. Так сказать, чтобы мы могли разобраться в упущенных вопросах. Тоси дал мне клятву

правды и действительно оказался жутко умным дедом.

Сейчас я внимательно смотрю на Амона, отчего его вос-
торженная улыбка слегка гаснет. После чего я демонстратив-
но оглядываю толпу, уже успевшую примкнуть к моему тор-
жественному выходу на обед. Далеко не всем из них стоит
быть в курсе наших изысканий. Потому я останавливаю от-
кровения:

— Уверена, твоя находка заслуживает обстоятельного
рассказа, дон Наунет. Обсудим её у дона Тоси.

13. Поклоны и ритуалы

Обед, как обычно в последнее время, нуден и чопорен.
Поклоны, приветствия, ритуальные фразы. Куча донов под
разными предложениями влезших в мою свиту, а ещё обяза-
тельно гости, жаждущие донести до меня что-то или опять
же присоединиться к моему кругу. Наследники небесных и
нейтральных кланов, метящие в большую политику, умни-
ки, прослышавшие, что я веду свои изыскания, некоторые
преподаватели, сенатские доны, донны. Да-да, периодически
мне представляют разных донн и даже сеньорит, считая, что
я могу найти их чем-то полезными в своём кругу. Чем? Все
они делятся ровно на две категории: бессловесные куклы и
интриганки. Даже не знаю, что страшнее.

Впрочем, смысл у такого обеда есть. Всего час в день —
и всё остальное время я могу отмахиваться ото всех, кого не
жажду видеть, банально тем, что занята.

Сегодня, кроме свиты, за моим столом двое гостей. Дон

Агенор Калиго, малый меч и преподаватель боевой у асуров. Тут особо гадать и не нужно, дон явно собирается хлопотать за Гектора, чтобы я позволила тому снова приблизиться. Вторым гостем нарисовалась ректор академии сеньора Идзанами. И вот тут всё более интригующе, обычно ректор избегает общения со мной.

Терпеливо отдав должное еде, я наконец перехожу к разговорам:

— Ректор Идзанами, я уже достаточно заинтригована, рассказывайте наконец, что за вопрос заставил вас вдруг желать моего общества.

Это маленькая, довольно хрупкая на вид женщина кукольной внешности. Хотя обманываться не стоит. Женщина, да ещё и низкородная, возглавляющая целую академию, столь важный центр мира крылатых, по определению не слабая личность.

Она ритуально кланяется:

— Пресветлая Габриэль, последнее время меня начинает волновать безопасность в академии.

Я, не особо проникнувшись её пафосом, киваю:

— Меня тоже. Признаюсь, тут и раньше был бардак, но в этом году полный беспредел.

— Я бы хотела вашего содействия.

О как!

— И какого же?

— Вы как фигура, наделённая некоторым влиянием, мог-

ли бы призвать студентов отказаться от драк.

Я смеюсь:

— А может, просто избавимся от причины этих драк? У меня есть сразу два волшебных решения. Первое: последнее время в академию пролезло огромное количество донов, чья цель совсем не в обучении юнцов. Эти доны крутят здесь свои интриги и создают конфликты. Давайте избавимся от них! Дадим возможность студентам подать заявление на замену именно этого преподавателя и удаление его прочь из академии. Конфликта не будет, не будет драк, будет нормальный преподаватель, занимающийся обучением, а не войной со студентами. Второе, вообще простое: давайте официально разрешим вызывать на дуэли в дуэльную башню даже тех преподавателей, что не дали клятву. Драка будет, но публичная и в рамках правил. Студенты просто отделают оскорбляющего их преподавателя на дуэли, и он принесёт извинения по всем правилам.

И нет, конечно, ректор меня не услышала. Да и вряд ли целью её прихода ко мне было решить ситуацию, скорее обозначить, что она обращалась ко мне за содействием, а я отказала. Впрочем, как и мои предложения ей. Она не имеет власти выгнать из академии высокородного, которого к тому же прислал сюда его оптимат. Но эту игру начала не я. Так что я указала ей решения публично, а она ничего не сделала. Бесплезная болтовня!

С Агенором Калиго диалог несильно интересней. Это до-

вольно молодой, яркий мужчина, не старше тридцати, прямой и бесхитростный. Паньгу рассказывал, что слухи рисуют его жутким сластолюбцем с кучей любовниц и даже любовников. Он слывет очень хорошим воином, но в интригах не видит дальше своего носа.

— Мой племянник скучает по вашему обществу, Габриэль.

Я усмехаюсь:

— Ну, Гектор Калиго большой мальчик и уже должен понимать, что поступки имеют последствия. За время, что он был допущен в моё общество, ваш племянник так и не сумел показать мне хоть какую-то свою полезность. Зато успел нагрубить и вызвать мою злость. Для него же лучше быть от меня подальше.

И мой собеседник, конечно, принимается оправдывать родича. Звучат эти оправдания смешно. Да я и не слушаю. Как раз в это время на обед прибывает Майлз.

Теперь у него нет шумной пафосной свиты. Да, теперь она у меня. А Майлза скромненько окружают буквально несколько преданных ликторов, Диевас, который явно готовит себе смену, индус-советник и демонёнок Иштар. Впрочем, как раз сегодня Иштара ещё нет. Видимо, задержался на очередном секс-турне по Парижу или Бостону.

У лестницы на антресольный этаж Майлз отступает, с поклоном пропуская мимо пафосного глубинного дона с большой свитой. Тот вместо благодарности окатывает его пре-

зрением. Но хотя бы общество академии перестало наконец проявлять к моему демону откровенную агрессию: толкать, вызывать на бесконечные дуэли, устраивать нападения. Майлза Драгона снова приняли в иерархию глубинных, пусть и на очень низкую ступень. С другой стороны, клан Драгон теперь не имеет бойцов и власти в сенате, логично, что занимать высокое положение Майлз не может. Иногда я жалею об этом. Чутьочку. Было красиво, когда он блистал.

Я возвращаю свой взгляд на дона Калиго. Я не слушала его, но он явно ждёт ответа на свою речь. Я усмехаюсь:

— Дон, вы же заранее знали, что я вам на всё это отвечу. Давайте не будем тратить моё время на эти слова. Тем более мне пора. У меня занятие с доном Тоси.

14. Звезда интернета

Уже свернув к сектору небесных, я останавливаюсь, поджидая Эсту. На мои чопорные обеды она не ходит. Иначе каждый сенатор норовит указать ей её место. Вместо этого обедает Эста теперь в секторе смесков, заодно общаясь с теми из них, кто помогает в наших изысканиях.

Чтобы починить сломавшуюся систему, нужно понять, как она работала. Не в пафосных речах и аллегориях древних книг, а в формулах и воспроизводимых результатах. И этого не получается. Компьютер и тот подавился. Параноик, которого Эста нашла в сети, оказался истинным гением и составил стройную программу, которая, казалось, учла всё. Смески вогнали в её таблицы данные обо всех великих ме-

чах, а с помощью Тоси и демонёнка мы вывели, какая пентаграмма или дельта как должна отражаться на картине общества. По периодам девятнадцатого — двадцатого веков вроде сходится идеально. Вроде выходит... примерно... почти. Очень примерно! Потому как за те периоды мы всё-таки могли что-то не знать. А как раз нынешний период, в котором мы и сенатские проверили крылья буквально каждого высокогородного в академии и можем точно утверждать, что сейчас на земле существует только один великий меч... картинка не сходится. Что-то мы до сих пор не учитываем!

Как только Эста подходит, гномы отступают на некоторое расстояние от нас, оттесняя заодно и всех остальных. Обычно по дороге к Тоси мы с ней разговариваем. Эста рассказывает мне об успехах изысканий у смесков и в сети. Но сегодня она лишь пожимает плечами:

— Параноик плюётся слюной и упорно доказывает, что его расчёт верный и в нынешний момент в мире существует минимум два меча. Прислал там кучу сравнений с разными периодами. Говорит, выпавший малый лик системой вычисляется с точностью девяносто семь процентов, и сейчас его нет. Я... не знаю.

Несколько шагов мы молчим. Потом, чтобы отвлечь по-другому от тяжёлых мыслей, я решаю сменить тему:

— Что-то демонёнка сегодня на обеде не видно было. С ним всё хорошо?

Она усмехается:

— Как минимум утром в блоге ругался, что у людей там паника из-за эпидемии и его, мужчину, пытались заставить закрыть лицо. Ну и опять обнимался с очередным парнем на фотографиях.

— Опять с парнем? Он решил окончательно сменить ориентацию?

Эста, смеясь, отмахивается:

— По-моему, он просто так доказывает мне, что я главная женщина в его жизни. Рано или поздно у него это пройдет. Уверена, он переспал уже с половиной женщин Парижа, и просто фотографируется с мужчинами.

Демонёнок Карим Иштар оказался жутко упрямым, но невероятно милым и, кажется, абсолютно безобидным мальчиком. Требования мои он слышал с первого раза и беспрекословно соблюдает. Дисциплинированно таскает с собой в обеденный зал Шатху, а с Эстой общается исключительно по сети, хотя и часами напролёт. А ещё он увлечённо изучает мир бескрылых и их технологии. Заводит там бесчисленное количество друзей. Искренне восхищается простыми людьми и их жизнью. И в своём фотоблоге в интернете подбирается уже к миллиону подписчиков.

— Он насчёт подарков-то придумал, что дарить мужчине? Эста хмыкает:

— О, это нескончаемая тема для шуток. Люди, тем более молодые, любят всякие гаджеты, которые крылатые как раз сваять не способны. А то, что Карим сваять может, да ещё и умноженное на его любовь к украшательству, вызывает у парней совсем не ту реакцию.

— Ну... есть вещи, которые, как ни украшай, не потеряют мужественность.

Подруга приподнимает бровь:

— Да? Какую это вещь узор из хрустальных лилий не делает женской?

Я пожимаю плечами:

— Оружие! Нож, например. Тут и ваяние в тему: композитное лезвие побьёт любое другое по всем параметрам. И материи не много надо — крупные ножи современные люди как раз не носят. И хоть целиком разрисуй цветочками, это всё равно не женский подарок.

Эста задумывается:

— Надо подкинуть ему идею.

15. Дедушка Смерть

Несмотря на более чем почтенный возраст, старик Тоси вовсе не немощен. Высокий и высушенный почти до состояния скелета. С очень цепким умом, быстрым взглядом почти уже бесцветных глаз, всегда прямой спиной и крайне доходчивыми в своей выразительности объяснениями.

Эста за глаза зовёт его «дедушка Смерть». Причём не только за внешний вид бывалого некроманта, но и за периодические вздохи, что бескрылых сильно испортила отмена человеческих жертвоприношений.

Мы не смогли выяснить, как старик Наунет заставил Тоси меня учить, да ещё и дать клятву. Но легко нашли причину, почему хранить тайны клана дедушке Смерть было уже незачем.

Род Тоси умирает. Старик остался единственным мужчиной в клане. А его последним потомком, ещё не вступившим в брак, была правнучка старика, второкурсница Зелцин Тоси. И не то чтобы крылатые были такими уж упёртыми ре-

троgrадами, что, не имея потомка мужского пола, не пытались продолжить клан по женской линии, но... по характеру Зелцин — тихоня-интроверт, совсем не жаждущая подвигов ради спасения когда-то легендарного клана. А узор на её крыльях не дотягивает до высокородной. Так что ждать, что какой-то юный дон вдруг возжелает перейти в клан без единого воина-защитника и в довесок получить жену-донну с крыльями низкородной, не приходится.

Впрочем, апатичнее или сентиментальнее это дона Тоси не сделало. Скорее наоборот. Когда мы впервые пришли к нему на занятие, он внимательно посмотрел в глаза именно мне, словно Эсты, Янниса, Амона и ещё почти десятка небесных старшекурсников рядом не существовало, и без всяких там приветствий спросил:

— Ты знаешь, зачем две тысячи лет назад наши предки привели к власти именно два оптимата?

Смотрел дон именно на меня, так что никто из моей свиты даже не попытался помочь с ответом. Пришлось самой:

— Насколько помню, там сначала к власти пришёл Суций, и его сторонники откололись в отдельный оптимат, назвав себя ангелами. А потом появился Дьявол, и за него встали демоны.

— Зачем? — Старик продолжал смотреть только на меня. — И ещё вопрос. До этого что, ни разу не собирали полные мечи? В эпохи дэвов, асуров? Ведь раньше крылатые не разделялись?

Что ж, я тоже внимательно смотрела в глаза дедушке Смерть усмехнувшись:

— Отличные вопросы, дон. Но я пришла учиться, так что с удовольствием послушаю вашу версию этих событий.

На этой фразе я уселась на пол, сложив ноги по-турецки, так как на террасе, которую Тоси обозвал своим классом, мебели нет, и сам он сидит на полу.

— Так зачем наши предки это сделали, дон?

Старик усмехнулся в ответ. Неспешно забил трубку, ожидая, пока все пришедшие со мной студенты-ангелы, а других в сектор небесных и не пускают, рассядутся так же, как я, на полу или сваляют для себя какие-то удобства. И только потом, издалека и негромко, начал рассказывать:

— Эпохи не имеют точных границ, особенно для тех, кто в них живёт. Когда закончилась эпоха дэвов, старые боги ещё долго считали себя истинными, пусть и свергнутыми, хозяевами Земли, а новые ещё долго доказывали свою мощь. Но смена эпох — это ведь не просто война между какими-то кланами. Это кризис, который стирает какие-то кланы богов бесследно и, самое главное, порождает новые. Новые сообщества бескрылых, продвигаясь в своём осознании, создают себе новых богов.

Я удивилась:

— Создают? Но... разве не наоборот?

Старик приподнял бровь:

— Наоборот? Боги создали бескрылых? И чем питались

те боги?

Я жестом признала что аргумент принят. Мне вообще нравится чёткость мыслей этого деда.

— Логично. Получается, новые народы создают себе новых богов?

Он кивнул:

— Да, если никто не принёс им веру в чужих. Вера — это определённая ступень развития сознания. Она обязательна, как любая ступень взросления чего бы то ни было.

— А... И какие они, эти новые боги? Бескрылые их сами придумывают?

Старик смеялся:

— Нет, конечно. Так же как не придумывают своих детей. Но они дают им имена.

Ситуация была какая-то сюрреалистичная слегка. Все пришедшие со мной студенты молчали, явно побаиваясь деда. А тот говорит так, будто их всех рядом и не было.

— И кто, например, был такими рождёнными новыми богами? Они оставили след в истории?

Старик резко ткнул в мою сторону указательным пальцем и произнёс:

— Тиния. Новые боги всегда рождаются вдвоём: мужчина и женщина, но при этом редко становятся парой друг другу. Тиния был таким новым богом, рождённым как раз в начале эпохи асуров. Он носил крылья Уриэля и смог основать свой род. — Старик развернулся, наконец замечая других

студентов, и так же резко ткнул пальцем в Янниса. — Мойра. Страшная женщина! Многим кланам пришлось склониться или погибнуть перед этой рождённой в начале эпохи асуров новой богиней. Она носила крылья Ориэля и основала свой род.

Старик тыкал пальцем в студентов одного за другим, то ли по чертам лица определяя, то ли заранее узнав их имена:

— Наунет. Стервятница! Одна из самых первых новых богинь в эпоху асуров. Носила крылья Цадкиила. Тиваз и Умай. Редкий случай новых богов, рождённых уже в начале нашей эпохи. Он носил крылья Уриэля, она — Михаэля.

16. Новые боги

Впрочем, перечислять кланы всех присутствующих студентов старик не стремился, вновь повернувшись ко мне.

— Но что самое неприятное, рождение пары новых богов — это ещё и выброс энергии, намного более сильный, чем смерть великого или даже полного меча. Это удар по равновесию мира. А ещё юные боги рождаются и растут в племени, их породившем, ничего не зная о своих крыльях и вообще о мире. В диком племени, только-только достигшем сознанием ступени веры. А потом просто однажды распахивают крылья, причём с узорами великих мечей. Они юны, сильны, но ничего не знают об этой силе и иных богах. И они огромное испытание для мира крылатых в целом.

Тоси замолчал, неспешно поджёг наконец свою трубку и с удовольствием затянулся:

— Асуры прошли это испытание с большим трудом. Великий потоп стёр множество народов Евразии, а следовательно, и кланы их богов. Засуха длиной почти в сто лет выжгла север Африки. Каждый новый бог поднимал своё племя уничтожать иные племена. Мир содрогался и полыхал много лет, пока не появился и не пришёл к власти полный меч, в чьих силах было остановить и стихию, и крылатых.

Старик сделал ещё одну затяжку, не торопясь и давая мне обдумать сказанное, прежде чем продолжил:

— Мы не сохранили знаний, были ли такие смены эпох до дэвов. Но асуры уже осознали важность истории и все свои катастрофы и выводы тщательно записали. И потому, когда их эпоха подошла к концу и история начала повторяться, те кланы, что хранили эти записи, поняли, к чему идут события, и говорили об этом, но их голос не был услышан.

Тогда снова шла большая война. Старые и новые боги доказывали свою истинность, все против всех. Клань металась, выбирая сторону. Пока в этой свалке однажды не погиб юный Ханиэль, совсем мальчишка. Вот только на его свеженьком узоре великого меча уже начал формироваться узор полного, Сущего. Полные мечи формируются только парой, один вслед за другим. Погиб один — формирование второго тоже прекратилось или даже не началось. А ещё эта пара никогда не приходит в мир просто так. Они всегда появляются, когда их мощь необходима. Когда для них есть задача. И вот именно это отрезвило тогда клань крылатых.

Мальчишка был из слабого клана и не имел хорошей защиты. Юные великие мечи часто глубоко включены в эмоции мира, и с ним было то же самое. Рванул наперекор старикам нести бескрылым любовь. И... оставил мир без защиты полного меча, когда точно был нужен. Бросил крылатых в период беспомощности. В период катастроф и безвластия, о которых они были предупреждены заранее.

Именно тогда, из-за этой ситуации, были прописаны новые правила и образован новый оптимат. А некоторые его кланы ещё и добровольно возложили на себя клятву стать безусловными сторонниками определённого полного меча, когда бы он ни появился. Часть кланов поклялась стать сторонниками Сохраняющего, сейчас мы зовём его Сущим. Часть — Изменяющего, у небесных принято звать его Дьяволом. Это было сделано, чтобы в следующих поколениях, в каком бы клане ни появился полный меч, насколько бы юн и порывист он ни был, у него нашлись безусловные защитники, которые бы сохранили его для более важных дел. Не дали погибнуть зря. Сберегли для той задачи, для которой он явился.

И тогда, конечно, никто не знал, что ждать этих самых полных мечей поклявшимся придётся аж два столетия. Клятва и её важность передавались с поколениями, ряды защитников множились. Мир сотрясаясь от катастроф. Часть из них удалось смягчить знаниями: по миру шли жрецы, разнося истории о своих богах, чтобы народы не создавали но-

вых. А ещё они же говорили, что не стоит убивать чужаков лишь за то, что они чужие, в попытках сохранить старые кланы. И новых богов в то время действительно народилось мало. Но иных сотрясений остановить было некому. Цунами стёрло юго-восток Азии. Везувий уничтожил Помпеи. И там, и там стирая кланы. Война со старым оптиматом продолжалась.

Именно в тот период мы перестали называть богами великие мечи, оставив этот титул только полным. Ведь, по сути, великие мечи не имеют силы над миром. Они влияют на него лишь как его чувства. Не целенаправленно. Влияют фактом своего существования и тем, как они понимают свою суть. Любовь бывает разная, правду можно понимать неодинаково, и называть заботой можно совсем неожиданные вещи. Это их понимание передаётся миру. В плане силы же в мире людей великий меч способен разве что подчинить себе небольшой кусок материи и творить чудеса. Но он не может остановить наводнение, отвести засуху или убрать летящее на Землю разрушительное небесное тело. Те самые задачи, для которых появляются полные мечи.

Так что, когда спустя два века юный Михаэль наконец только ещё начал складывать узор Сущего, когда на его крыльях впервые заметили новые белые перья, все кланы, чьи предки давали клятву именно этим крыльям, встали на его защиту, понимая важность его для мира, и фактически объявили себя отдельным оптиматом. Следом за ним, через

несколько лет, начал формироваться второй полный меч, и вокруг него сплотились свои защитники. Между этими новыми оптиматами разрасталась рознь, но далее в истории ни один полный меч не был глупо потерян, не совершив того, для чего явился в мир. История вошла в новую, самую спокойную свою эпоху.

17. Чувство мира

Самую спокойную эпоху? Хотя... может, я просто не знаю, что там было две тысячи лет назад, во времена асуров? Вернее, знаю не полностью, мифы о том, как олимпийские боги с фантазией расправлялись со своими и чужими, довольно многочисленны. А крылатый сенат явно построен по аналогии с римским, и значит, не мог появиться раньше. То есть в ту самую эпоху и его не было. И... я представляю того самого мальчишку, который на рубеже эпох собрал великие крылья и пожелал нести людям любовь. Мальчишку без сильного клана за спиной... а ведь ещё и вообще без какой-либо собственной свиты?! Сейчас доны собирают свою свиту в академии, но её создали только триста лет назад. То есть тот мальчишка в это своё «нести» вообще один отправился? Хм... нет, я не права, когда говорю, что крылатые не развиваются. Развиваются, просто с огромным отставанием!

Ладно, я поняла, деление на оптиматы было для крылатых прогрессом. Они хотя бы научились защищать свои полные мечи ещё на этапе их формирования. И как я помню с занятия Наунета, всё значительное, что крылатые делают для

бескрылых, почти целиком результат работы именно полных мечей. То есть это реально было важно.

— Ладно. А сейчас у нас тоже рубеж этих самых эпох?

Тоси не ответил. Он неспешно снова набил трубку и закурил. Минуты тикали, он молчал. Как выяснилось позже, он поклялся не лгать мне, но отвечать на все вопросы он не обещал.

Впрочем, нам и тех вопросов, на которые старик согласен говорить, хватает. И да, очень многие из них доны небесного, вместе со мной взявшиеся посещать уроки старика, явно уже знали. Скорее всего, этому их обучали ещё в родном аллоде. Но есть и те, которые знали не все или не знали как минимум большинство. Тоси — хороший рассказчик и настоящая бездна знаний:

— Великий меч — это чувство мира. Как человека может охватить любовь, или любопытство, или восторг, или жажда справедливости, и, охватив, это чувство полностью меняет его, так и мир поддаётся влиянию великого меча, собравшего крылья. И так же как человек без чувств мёртв, даже если ещё продолжает дышать, так и мир вообще без великих мечей обречён на гибель.

Дедушка Смерть полностью раскритиковал наш с Эстой способ определять суть мечей по аналогиям с эпохой асуров:

— Носители мечей прошлого были живыми крылатыми, со своим характером, воспитанием, образованием, семьёй. И в историю они часто входили совсем не в юности, где вли-

ание меча на носителя наиболее сильно. Или совсем иными деяниями. Потому Артемида, например, вписана как в том числе поборница целомудрия и брака, но крылья у неё были Аракуэль — сила живой природы. Просто с годами донна сильно озаботилась нравственностью. Или Гермес, он вошёл в историю вором и торговцем. Но крылья носил Аарина — сила страсти. Просто в то время ещё не было правила, что крылатый потомок от абсолютно любой женщины должен быть признан и воспитываться в аллоде отца. И Гермес, будучи сыном Зевса, жил в нужде, в семье своей низкородной матери среди людей. И вошёл в историю как вор и ловкач задолго до того, как раскрыл золотые крылья.

Также у Тоси нашлись темы, которые он всё таки не знает. Или предпочитает от них по-стариковски отмахиваться:

— В мире стало меньше развитых крыльев? Это просто нынешнее поколение невероятно лениво. Всем лишь бы пить нектар да за спины ликторов прятаться.

18. Синоним женственности

Впрочем, сегодня разговор у дедушки Смерть мы начинаем вовсе не с вопроса Тоси. Первым я поворачиваюсь к Амону:

— Прошу, дон Наунет, рассказывай, что ты там нашёл.

Амон усаживается поудобнее и, придав себе гордый вид, начинает рассказ:

— Как я и говорил, я исходил из точки зрения, что маловероятно, что такое падение количества развитых крыльев

никто до нас не заметил. Тенденция давно очень явная, и последние два столетия кто-то должен был обязательно обратить на неё внимание. И я действительно нашёл упоминания о проблеме в мемуарах известных сенаторов девятнадцатого и двадцатого веков. Но до сегодняшнего дня во всех этих дневниках не было даже предположения о причинах происходящего. Вернее, они были... но высказаны настолько обтекаемо, что я не понял. Сегодня же я наткнулся на очень чёткую формулировку и объяснение в дневниках своего предка, всю жизнь посвятившего магистратам. Он увлекался бескрылыми, читал их философов: Вольтера, Монтескье, Гельвеция. И вообще считался немного странным... Но логика, которую он приводит, кажется мне очень чёткой. Он писал, что природа с одинаковой вероятностью одаривает крыльями сыновей и дочерей крылатых. Но в каждом поколении мы принимаем только половину её подарков и не развиваем женские мечи. При этом давно установлен факт, что присутствие великого меча в клане подталкивает к развитию крыльев всех детей в аллоде. Но если в каждом поколении мы развиваем только половину крыльев из того, что могли бы, то получаем и меньшее количество аллодов, где дети растут под крылом великого меча. А следовательно, в сумме дети растут с менее развитыми крыльями.

Хм... Звучит как-то очень логично. Я разворачиваюсь к дедушке Смерть:

— Дон Тоси, а почему высокородные женщины не разви-

вают крылья?

Он выпускает колечко дыма и усмехается:

— Сколько тебе пришлось приложить усилий, чтобы собрать свои крылья? Чтобы потом освоить силу меча? Любой великий меч — это состояние, чувство и, главное, действие. Это упорная работа с полной самоотдачей. Нельзя собрать меч, потому что хочешь его собрать. И нельзя собрать просто потому, что жаждешь силы и власти. Нет, все мечи — это состояние и чувство, совсем не тождественное желанию власти. Мечи янь — это обязательные упорные тренировки, много лет до седьмого пота. Мотивация разная, но действие одинаковое — ежедневно через боль и усталость. С мечами инь ещё сложнее, они требуют железной воли, самоотдачи, внутренней собранности и идеального соответствия сути. Янь ставят цель и идут к ней через любые преграды. Инь определяют идеал и становятся им. Ну и зачем в нашем обществе, где доннам полагается спать до обеда и развлекать себя праздностью, где эти качества считают чуть ли не синонимом женственности, девушкам проявлять такие усилия? Как я и говорил, всему виной лень!

Хм. Сам же подчеркнул, что эти качества — синоним женственности. А значит, донна, которая попробует повести себя иначе, будет осуждена. Где же тут лень?

Я разворачиваюсь ни к кому и ко всем сразу:

— А кто-нибудь проверял вообще крылья у женщин в академии? Боевиков сенатские всех проверили, часть сильных

кланов тоже, а женщин, хотя бы часть?

Отвечает мне Яннис:

— В этом нет необходимости. Донны, не связанные брачным контрактом, с высоким уровнем развития крыльев примерно выше восьмидесяти пяти процентов всегда объявляются на совете оптимата перед началом учебного года. Иногда даже объявляется узор. Я могу достать тот список, что объявлялся этой осенью.

Вот как? То есть... у девиц нет необходимости скрывать эти самые свои крылья? Они же и так всем объявлены ещё в момент поступления девицы в академию. Тем более теперь, когда многие доны свои крылья уже продемонстрировали. Это уже почти модный тренд.

— А давайте-ка тогда объявим, что я приглашаю в свою свиту высокородных девиц с высоким уровнем развития крыльев. — Я ещё раз внимательно осматриваю мужчин моей свиты. — Громко объявим!

Глава 4. Майлз. Дитё

19. Дитё

Со мной на завтрак Карим почти никогда не ходит. В столь ранний час он почти всегда ещё пропадает в своих прогулках по бескрылым, то есть, скорее всего, спит, но в чужой постели. А вот обед он пропускает крайне редко. И если такое случается, старается меня предупредить. Так что сегодня я уже немного волнуюсь, не наблюдая его за своим столом.

Карим приспособился вести крайне беззаботный образ жизни. Почти каждый день бегаёт в мир бескрылых, а ещё часами переписывается с Эстелой через их технологии. На занятия ходит только обязательные, да и то откровенно там зевая. В интриги и политические течения не вникает.

Впрочем, я его не корю. И даже иногда добавляю общест-венности сплетен о том, какой дон Иштар ещё совсем ребёнок. Потому что такой имидж просто идеальное прикрытие для юного Асмодея.

Среди высокородных-первокурсников не часто, но случаются вот такие «дети». Юнцы, которые, вырвавшись из-под надзора старших, вовсе не бросаются зарабатывать собственный авторитет, а тратят время на женщин и развлечения. Таких «детей» другие доны стараются не замечать. Их не вызывают на дуэли и не втягивают в интриги, пытаясь доказать своё превосходство. Также их обходят женщины, кро-

ме совсем продажных смесок. Да и сеньоры, кроме совсем уж пропащих, стараются с такими не связываться.

А если у такого юного дона ещё и есть в академии старший родич, который немного его прикрывает, то и использовать «дитё» в интригах как глупый инструмент тоже становится накладно. Роль старшего родича Карима исполняю я. Также всем, кто интересуется, известно, что ликторов Кариму приставил тоже я, причём даже первого, того юнца, что был с ним с сентября. Слух об этом пустить было совсем не сложно. А ещё о том, что приличную девицу-смеску, которую мальчишка прилежно, но без энтузиазма таскает с собой обедать, ему тоже навязали старшие, в отчаянной попытке хоть как-то остепенить.

Карим появляется, когда я уже думаю заканчивать трапезу. Он спешно идёт по залу угрюмый и чем-то сильно расстроенный, волоча за собой Шатху, которая с трудом успевает за его широким шагом. В какой-то момент смеска всё-таки запутывается в своих одеяниях и падает. Иштар оборачивается, ругается, подхватывает девицу на руки и с тем же угрюмым видом двигается подниматься ко мне. После такого публичного поведения ему без вариантов придётся брать её в жёны. И ведь он, скорее всего, хорошо это знает.

Карим опускает девицу в кресло:

— Цела?

Она испуганно кивает, и он тут же фактически забывает о ней. Садится за стол, с сомнением рассматривая блюда, по-

сланные для него сюда Сетхом. Я решаю начать разговор сам:

— Дон Иштар, что-то случилось?

Он кивает:

— Да, у бескрылых просто апокалипсис какой-то творится!

20. Искушение

Мимика и жесты Карима говорят, что он сейчас в том состоянии, когда вполне способен наговорить лишнего, не подумав о свидетелях. Потому я велю:

— Ешь, дон Иштар!

А к разговорам возвращаюсь после, когда мы уже идём через галереи и ликторы точно отодвигают от нас лишние уши.

Иштар подавлен и даже, наверное, зол:

— У них там по городу идёт эта болезнь, правители запретили людям выходить из домов, требуют всех закрывать лица. У моих друзей отменили все учебные занятия. Но главное — страх! Они боятся заразиться. Я видел милого парня, который испугался познакомиться со мной, потому что я похож на иностранца и мог привезти болезнь. Парочка очень хороших моих друзей жутко боятся остаться без работы. Потому что все рестораны и дискотеки закрыли, и непонятно, как надолго. А они работали после учёбы в кафе. И это только из рационального. У меня ощущение, что страхи складываются и преумножают друг друга, срастаясь во что-то понастоящему ужасное. Когда я сегодня проснулся, ласковая

девушка, у которой я спал, молилась. Молилась, Майлз! Ей было страшно, и она просила помощи! Я чувствовал искреннюю благодать в воздухе! Но... я ничем не мог ей помочь. Они любят свой мир, а он разрушается!

Мы останавливаемся в беседке на самом краю обрыва. С моря дует сильный ветер, да и волны второй день существенно больше обычного. Того и гляди разразится шторм. Причём теоретически в академии не может быть штормов. По году аллода контролирует ректор. Вот только сейчас тут постоянно живут два великих меча, и как минимум Габриэль может, например, проводить на море какие-то тренировки и провоцировать стихию. С неё станется!

Иштар, глядя на буйство волн, постепенно успокаивается. А мне нужно обсудить с ним ещё один вопрос:

— Карим, по глубинной башне ползут слухи про наших с тобой соседей, донов Эриния и Намму, которые как-то совсем потеряли контроль на почве вожделения.

Карим косится на меня слегка виновато, потом задумывается:

— Они же высокородные? Эстела показывала мне списки крыльев глубинных донов, они числились там с приличным процентом. Обманули?

Габриэль за эти месяцы провела кропотливую работу, проверив крылья буквально каждого высокородного студента, так или иначе. И мне точно известно, что во многих случаях её при этой проверке обманули. Например, некоторых

особенно упрямых глубинных проверял по её заказу Лоренцо. И он про многих донов, чьи крылья реально не дотягивают до высокородных, показал «примерно 75%». За такую защиту от позора ему эти самые доны очень хорошо заплатили.

Впрочем, в некоторых случаях Габриэль с Эстелой обманули себя сами. Например, с Каримом. Его крылья никто не проверял. Поверили мне на слово! Да и Эстеле всё-таки, видимо, Иштар не так уж и безразличен. Она совсем не хочет его смущать.

— Карим, вокруг нас и низкородные живут. И про них тоже ползут слухи.

Иштар опускает голову:

— Прости, я забылся... все эти страхи у бескрылых... они всё портят. Это ужасно, когда меня боятся! Мне нужно было сбросить это чувство! И я... раскрывал крылья в академии. Пару раз. — Он виновато поднимает на меня глаза. — Это ведь не катастрофично? Ты ведь сможешь это решить?

Я вздыхаю:

— То есть, когда ты раскрываешь крылья, находящиеся рядом низкородные теряют разум от похоти? Но только они?

Карим немного смущается:

— Ну, не каждый раз, но в некоторых ситуациях... И не то чтобы вот так сразу теряют разум. Окружающие просто чувствуют некоторое искушение. Но мне казалось, что они должны быть способны с ним бороться. Они же не смески! И

у высокородных точно должно хватать сил бороться. Испытывать искушение и поддаться ему не одно и то же. Я просто не подумал, что вокруг нас живут низкородные и они окажутся настолько слабыми волей. Я... больше не буду.

Плечи его при этом опускаются, и вздох получается какой-то совсем отчаянный. И я, поддавшись порыву, беру мальчишку за руку. Мы совсем не родня, и даже брачный договор, который мог бы связать наши кланы условным родством, разрушен, но я упорно ощущаю этого мальчишку своим младшим братом:

— Карим, мы со всем разберёмся. Всё исправится. Я решу со слухами. Просто... предупреждай меня в следующий раз о таких рисках. Заранее.

Он печально улыбается, потом в глазах мелькает хитринка, и он быстро с невероятной нежностью прижимает мою ладонь, которой я всё ещё держу его руку, к своей щеке.

— Хорошо. Буду. Я не подумал просто...

Ребёнок!

21. Место для чтения

От беседки по тропинке у самого края скалы вдоль беснующейся морской стихии я спускаюсь уже без Иштара.

Странно как-то выходит. По словам Карима, соблазн должны чувствовать все. Но я не чувствую за собой ничего такого. Ну ладно я, в моей жизни действительно сейчас очень много страсти реальной и удовлетворённой. Но Сетх и Диевас? Тем более Диевас не может мне солгать, а он сказал,

что не замечал в себе вообще никаких странных желаний.

Мой путь по этой самой тропинке лежит в сектор асуров. Там высоко на скале, под прикрытием активно цветущей сейчас мимозы, я облюбовал отличное место для «чтения».

Плюсов у этого места огромное множество. Во-первых, тропинка к нему очень непопулярна и в то же время неудобна для наблюдения со стороны, поэтому там крайне комфортно встречаться с теми моими клятвенниками, контакты с которыми я не афиширую.

Так, сегодня, пока добираюсь до места, я успеваю дать распоряжение поднять все слухи о проявлениях похоти в башнях иных оптиматов и иных уголков глубинной башни и хорошенько их раздуть, чтобы активность вокруг наших комнат не бросалась в глаза.

Во-вторых, к сожалению, как бы я ни старался, следы любви на мне заметили не только служившие мне сеньоры. А ещё больший интерес породили братья Ушас, которым однажды пришлось встать на мою защиту в одном из особо преуспевших нападений.

Сварожич, который приставлял ко мне эту дополнительную охрану по приказу Габриэль, явно ничего не мыслит в скрытности. Нет, братья действовали очень аккуратно и являются асурами. Вот только их клан уж очень демонстративно подчёркивает свою приверженность небесному оптимату, а значит, я никак не мог нанять себе такую дополнительную

охрану. В итоге: одно нападение, где Диеваса выводят из игры, братья вступают в бой — и все интриганы академии задаются вопросом, кто и за какие заслуги меня охраняет.

В этом и состоит вторая польза моей скалы. Прямо под ней, внизу, если немного раздвинуть раздавшиеся сейчас в цветении кусты, видна одна из тренировочных площадок восходного.

Последние месяцы мало кто из боевиков находит время на тренировки. Большинство из них целиком и полностью перешли во взрослый режим, оберегая своих донов неотлучно. Валетудинарий полон ранеными и поломанными. Студенты делят власть, места возле Габриэль, под шумок убирают старых врагов.

Потому на площадках боевиков всех оптиматов по большей части занимаются лишь или совсем ещё никак не зарекомендовавшие себя первокурсники, или доны-боевики, тренирующиеся вместе со своими лекторами.

В часы, когда я прихожу на свою скалу, как раз идут тренировки таких донов. Разных донов, но с одним и тем же преподавателем. Лучшим из высокородных боевиков асуров даёт уроки лично второй малый меч Калиго.

Очень удобная персона для отведения слухов. Агенор Калиго славится своей любеобильностью, а ещё привычкой не вникать в интриги. Просто боевик, исполнитель воли главы клана. И если своих клятвенников я аккуратно вывожу мыслями на то, что встречаюсь с Видаром, то чужакам вот таким

вот образом намекаю на второй меч Калиго. Свои отлично видят, что с Калиго я не встречаюсь. Да и на скале этой общаюсь с информаторами по большей части. А чужим совсем не стоит подкидывать настолько революционную мысль, что я могу иметь какие-то связи с небесным оптиматом.

Обратно Диевас заставляет меня опять идти вдоль моря. Возможно, на тропинке через лес действительно было что-то подозрительное, но, честно, последнее время мне всё чаще и чаще кажется, что он реально перегибает, опекая меня. Одного меня сейчас он оставляет буквально только у Габриэль и в моих комнатах. Привлѐк к моей охране уже пятерых своих кузенов, в данный момент учащих в академии. Я застаю его спящим в кресле перед моей дверью. В кресле! В моей же гостиной! Кто может напасть на меня в моих комнатах?!

На все мои вопросы по этому поводу Эмилс поступает, как и раньше, ещё в первый год моей учёбы: обещает исправиться, начинает вести себя ещё вежливей, но поступает абсолютно так же.

Море бушует, и на одном из мокрых камней я почти поскользываюсь. Почти! Уверен, вполне бы удержался на ногах сам. Да и падать тут серьёзно некуда. Но Диевас пользуется ситуацией, чтобы, не спрашивая, поймать меня за руку и, как ребёнка, переставить на другой камень. Вот он специально это делает?! За то, что я заставил его проиграть?

Глава 5. Арманда. Шторм

22. Шторм

Объявление получается крайне лаконичным: «Пресветлая Габриэль приглашает в свою свиту высокородных девиц с высоким уровнем развития крыльев». Я даже на глубинную донну, если подумать, согласна. С донной там же всё проще. Выдал замуж за нейтрала — и вот она уже легко может сменить сторону без конфликта белых и чёрных.

Это объявление Эста собственноручно, при свидетелях, прилепляет на ту самую доску, где вывешиваются новостные листки. Все знают, что это моя смеска, а значит, объявление точно от меня.

Впрочем, особого энтузиазма не следует. И не особого тоже. Если доны рвутся в мою свиту всеми правдами и неправдами, причём не только как женихи, но и такие, кто просто метит в будущем в сенат, то донны как-то вообще не проникаются. Ни перед ужином, ни во время его никто даже не пытается приблизиться. Ну и ладно.

Ужинаем мы совсем в узком кругу: я, Эста, Рик и гномы. Обсуждаем тренировки, а ещё то, что разбушевавшаяся под вечер стихия залила все тренировочные площадки дэвов, так что заниматься на них теперь невозможно.

Эста отвлекается от телефона, в котором что-то записывает:

— Я вообще раньше считала, что в аллодах не бывает штормов. Это же изолированное и подчинённое пространство?

С ответом, как всегда, влезает Паньгу:

— В том-то и дело, что подчинённое. У высокородных, например, если в семье есть полные или близкие к полным крылья стихийной направленности, бывает, что стихия реагирует. И шторма, и ураганы случаются.

Рик хмыкает, сегодня вечером он красуется крупной ссадиной на скуле. Говорят, сразу после обеда, когда я уже была вместе с высокородной частью своей свиты у Тоси, прямо здесь, в галереях, напали на Видара. Правда, Рик с парнями оказались рядом и моего наставника отбили без потерь, ответственно сдав нападавших лекарям, а заодно и ректору на взыскания. И это правильно, потому как Рагнвальд у нас не какой-нибудь залётный сенатский, которого в академию никто не звал, а мой собственный, официально принятый. А мы своих в обиду не даём!

Впрочем, геройский пыл Рика уже прошёл, и сейчас он даже немного задумчив:

— Вот только аллод академии подчиняется администрации, а в ней вроде все низкородные.

Парни пожимают плечами. Других версий у них нет. Выяснять такие вопросы скорее стоит у Янниса или Амона. Это они могут что-то знать. Здесь же финал рассуждениям, как всегда, подводит Эста:

— Ну, или то, что творится у бескрылых, пролезло уже и сюда, в академию. Нестабильный микрокосм и всё такое. Так что меня крайне радует, что со стороны небесного сектора берег достаточно высокий.

23. Бутылка благодати

Решив, что донны могли просто испугаться публичности, после ужина я отказываюсь посмотреть находки Амона в библиотеке и удаляюсь к себе, показательно позвав с собой только Эсту. В конце концов, высокородные девицы по правилам могут ведь и ко мне в комнату прийти поговорить. Просто постучаться. Вполне в рамках приличий будет.

Но, кажется, и этот расчёт неверен. В итоге мы сидим вдвоём с Эстой у меня. За распахнутыми окнами бушует стихия. Море сходит на землю, казалось бы, со всех сторон. Где-то там внизу — в виде волн, а тут, на высоте четвёртого этажа, — в виде дождя стеной.

Эста роеется у меня в баре:

— А это что за вино?

Она поднимает белую матовую бутылку. Я отмахиваюсь:

— Это благодать. На всякий случай. Вдруг вон сегодня какая-нибудь донна всё-таки заглянет на огонёк. Не французским же вином мне её угощать.

Подруга усмехается:

— Прячешь?

С благодатью у меня действительно получается немного комичная ситуация. В первый же день, будучи в моих ком-

натах, Майлз заметил стандартный графин благодати из обеденного зала и демонстративно так его вылил его в окно. Да, вылил, а саму материю графина смял в загогулинку под потолком. Демонстрация сия, естественно, происходила не при мне — я же и вспылить могу, — а при Рике. И было ли это толстым намёком, что его невесте хранить выпивку в комнатах неприлично, или ещё что, я не поняла. И спросить не получилось. Мы там следующие дни много раз сильно ругались, а потом жарко мирились, тоже много раз.

И я в какой-то момент решила побыть чуточку мудрой и не придираюсь хотя бы к тому, что мне не сильно важно. Ну считает он, что имеет право уничтожать мою выпивку, — всё равно я вкусно пить эту дрянь не умею. Считает, что может по мелочам переделывать интерьер моих комнат: то узорчики сбоку зеркала наваяет, то край столешницы изменит. Оно красиво, конечно, но это же мои комнаты. С другой стороны, что мне, жалко, что ли? Вполне возможно, что он это воспринимает как элемент заботы. Мы очень по-разному с ним смотрим на многие вещи. Почти на все! Потому я решила, когда оно мне не особо критично, идти на компромисс. Нужны ему эти узорчики и загогулилки — пусть лепит. Зато, когда для меня что-то по-настоящему важно, — вынь да положь.

— Скажем так, я мудро избегаю конфликта. Спасая любовника от травм и потрясений!

Эста хмыкает, потом всё-таки выбирает бутылку вина,

жестом показывая, чтобы я слепила бокалы. Материя моих комнат ей не подчиняется.

Вино сухое, терпкое. Подруга делает маленький глоток, исследуя вкус, и проговаривает задумчиво:

— Знаешь, мне кажется как-то невероятным, что просто из-за лени ни одна девица за две тысячи лет не построила великий меч. Даже суммарно из-за лени, навязанной обществом позиции, что она это делать не должна, и скорее всего, полного отсутствия информации, всё равно сомневаюсь. Две тысячи лет — это очень много!

— Считаешь, что женские мечи были, но просто их держали в тайне?

Эста делает ещё один глоток и решительно кивает:

— И тогда модель параноика просто по определению сойтись не может.

24. Мокрая сова

Бутылка вина заканчивается. Эста продолжает рассуждать вслух:

— Вообще, я думаю, надо подкинуть Амону идею покопать на предмет переломного момента. Этот нароет! Ведь у асуров было множество богинь. Множество гордых женщин — носительниц великих мечей. Собирали крылья нормально! А значит, где-то в истории был первый умник, который взял и выдвинул гениальную мысль не развивать больше женские мечи. Аргументировал её как-то. Не могли же они просто так от половины силы своих любимых кланов отка-

заться? Взять на раз-два и похоронить долгую историю женских великих крыльев? Как не было! Должна быть хоть какая-то логика. Ну вот такая могла быть аргументация к идее отказаться от женских крыльев?

Я пожимаю плечами. Но, не думаю, что Эсте вообще нужен мой ответ. В такие моменты она скорее нуждается просто в слушателе. Сейчас она тоже кивает скорее сама себе:

— Вот у меня тоже ни одного, даже самого идиотского варианта...

В этот момент через раскрытое окно в комнату влетает и с брызгами плюхается на пол моя сплюшка. Эту мелкую, а главное, очень самостоятельную сову мне запрограммировал Майлз. Не то чтобы я не умела сама, просто мне кажется ущербным этот способ связи. Вот сейчас на улице гроза, сплюшка мокрая абсолютно, на меня смотрит, как на врага, но всё равно прилетела и ждёт записку для Майлза. И это при том, что вообще-то полагается, чтобы это я её звала, когда хочу отправить письмо. Но этот экземпляр почтового сервиса крайне настойчив в своих услугах и прилетает по вечерам самостоятельно.

В сущности, многое неправильно... Наши встречи с Майлзом сложились так, что приглашаю всегда я. Это прозрачнее для безопасности и удобнее для дел, которые я веду. Закончила всё запланированное, хочу видеть — зову. Впрочем, я всегда хочу его видеть.

Этот парень — моя мания, наркотик. Прикасаться к нему

немыслимо приятно, и ощущение не замыливается. Каждый раз — как глоток свежего воздуха. Причём дело даже не в сексе, хотя секс на фоне такой жажды тоже невероятный, но мне нравится и просто гладить его, держать за руку, укладываться спать ему на плечо. Я мечтаю о том, чтобы когда-нибудь просто позавтракать с ним вдвоём или пойти гулять вон по тому же летнему Парижу. Так чтобы роман был не только в постели.

Я умею признавать очевидные вещи. На этого парня я уже подседа и отказаться от него не смогу... не захочу. А значит, у меня всего пара месяцев до конца учебного года, чтобы как-то соединить оптиматы. Найти аргументы, что ангелы и демоны не всегда враги. Что мы можем в чём-то сотрудничать. Что нельзя друг друга убивать... А то даже представить не могу, что сделают с ним, да и со мной, если о нашем романе кто-то узнает.

Эста с жалостью смотрит на птицу:

— Ты ведь не будешь в такую погоду посылать животное? Это издевательство.

— О, поверь, она сочтёт намного большим издевательством, если я не дам ей эту самую записку. Помнишь, на прошлой неделе мы с Видаром вечером на спор щиты раскрывали? Я пришла вымотанная и легла спать. Так этот комок перьев дятла на моём окне изобразить пыталась!

Эста усмехается, разглядывая мокрую птицу:

— Может, твой демон подкармливает её чем-то особен-

ным? Дозу за письмо выдаёт?

В итоге птице мы даём высохнуть и с запиской посылаем, когда дождь вроде чуть поменьше уже становится. А вот дальше что-то идёт не так. Вечер уже совсем переходит в ночь, Эста уходит к себе, а мой демон всё никак не появляется.

25. Потеряшка

Я бы, наверное, давно плюнула и легла спать, но этот дурацкий шторм не даёт. Буквально как по нервам напильником! Какой-то грохот, скрежет, вот реально хочется пойти и исправить. Какой халтурщик у них тут погодой управляет?! Найти и к чертям открутить ему голову!

Майлз является уже к одиннадцати, наверное. Рик, видимо, слышит, что я не сплю, так что пускает его ко мне без дополнительных предупреждений. В результате моему демону приходится резко прижаться к стене, пропуская летящий нож. Ну да, я сбрасываю напряжение!

Я спрыгиваю на пол, быстро подхожу к моему потеряшке. Ну и где он пропадал? Под дождём явно не был, так ветром косу растрепало. В остальном цел, а ещё... взгляд какой-то испуганный. Из-за ножа? Да ладно! Он вроде стойкий к таким вещам. Да и далеко летело, было бы ближе, я бы успела преобразовать нож во что-нибудь мягкое.

К чёрту! Взять за ворот рубашки, притянуть к себе и поцеловать. Удостовериться на вкус, что он наконец здесь. Плотнее прижать к стене, забираясь ладонью под ткань одежды.

Сегодня даже больше обычного хочется всё и сразу: сжать, зацеловать, уронить на кровать, высвободить из-под всех этих тканей, но... что-то не так. Майлз отвечает на мой поцелуй жарче, а ещё обнимает за талию. Сам! Крепко, двумя руками. Через минуту после пролетевшего мимо ножа и когда я по всем признакам на взводе?

Я прерываю поцелуй:

— Что-то случилось?

Он явно задумывается, прежде чем ответить. То есть точно случилось. Что-то такое, что заставляет его до сих пор удерживать меня за талию, жадно прижимая к себе, а ещё смотреть как-то... испуганно.

Мгновение спустя мой демон мотает головой:

— Ничего серьёзного. Прости, что задержался. Иштар... давай я потом расскажу?

Демонёнок сегодня что-то там писал про меры против эпидемии в Париже, и его не было на обеде. В историю вляпался? Ну, может быть. И я даже испуганный взгляд объяснить могу — мальчишка выкинул что-то, что мне не понравится. Мой демон опасается, что спрошу я за это с него. Но обнимать меня вот так... это что-то новое.

Я, задумавшись, мягко провожу рукой по щеке моего любовника. Он изворачивается и ловит мои пальцы губами. А ведь он возбуждён. Сильно! Демонёнок в процессе объяснений своих проблем поделился с ним подробностями секс-турне? Этот мог. А Майлз — он в интригах смел и ловок, а в

спальне сдержанный, очень в рамках правил и даже стыдливый. Он привык прятать чувства глубоко, держаться внешне спокойно. Но по-настоящему внутри очень чувствительный! Я знаю. Я сама люблю выводить его из этого спокойного состояния, чтобы пожар пробирался наружу. Но такого, чтобы он уже пришёл ко мне в этом состоянии, раньше не было.

— Хорошо, пусть будет потом. Но сегодня!

Я тяну его с собой на кровать. Надо подсказать демонёнку Иштару, чтобы он почаще делился своими приключениями. Мне нравится эффект. Особенно то, что первой на кровать падаю я. А мой демон висит надо мной, долгое мгновение всматриваясь... как-то особенно внимательно, а потом целует... требовательно, жарко. Да! Я уже даже почти готова простить Кариму, что он там натворил, за такой сногсшибательный эффект.

Глава 6. Майлз. Опасная донна

26. Опасная донна

За окном уже совсем стемнело, и я перед зеркалом ваяю себе одеяние для встречи с Габриэль, когда в нашей гостиной слышится крик:

— Карим!

Причём больше меня удивляет даже не сам крик, а голос. Халида?

Отложив не до конца доработанный сюртук, я выхожу из своих комнат. В центре нашей гостиной, спиной ко мне, действительно стоит донна Иштар, и поза её выражает гнев. Она смотрит на дверь в комнаты Карима и откровенно рычит:

— Карим, маленький безответственный негодник, а ну-ка выходи!

Наши ликторы, естественно, ей никак не препятствуют. Кто же встанет на пути донны?! Тем более она сестра одного из проживающих здесь донов.

Двери в комнаты Карима немного приоткрываются, и оттуда показывается один глаз мальчишки:

— Оу...

— Карим, выходи по-хорошему!

Из дверей вылетает сначала Сетх. А уже следом, пытаюсь спрятаться за спиной ликтора, Карим. С учётом того, что Иштар немного выше своего охранника, смотрится совсем

смешно. Особенно вкупе с живой мимикой Сетха. Который сначала явно не готов к такому резкому выходу за дверь, а потом и вовсе поворачивается к Кариму обескураженно:

— Дон, но это же ваша сестра?!

Карим снова пытается спрятаться за его спину:

— Ну и что? Она очень опасная!

Впрочем, Халида уже как раз берёт себя в руки и становится больше похожа на ту женщину, которую я всегда в ней видел. Она оборачивается на нашу охрану и машет рукой:

— Пошли все вон! Мне нужно поговорить с братом.

На это дело первым реагирует Сетх. Он, сделав большие извиняющиеся глаза Кариму, разводит руками и быстро шмыгает прочь, чтобы не стоять между братом и сестрой. Один из кузенов Диеваса смотрит на меня вопросительно — странно, что мой ликтор сам не вышел на эти крики. Я делаю знак всем уйти. Карим же, поняв, что между ним и Халидой уже нет защиты, испуганно оглядывается, а потом, с невероятной ловкостью одним прыжком перемахнув через диван, перемещается ко мне за спину.

Донна разворачивается к нам. Нет, в глазах её до сих пор злость. Причём я никогда и предположить не мог, что эта женщина способна на такое.

Она смотрит на брата, потом на меня:

— То есть вам, дон Драгон, он всё рассказал? А я-то думаю, что это вы так легко взяли его под крыло. От сестры родной скрыл! Дед там с ума сходит, последние волосы те-

ряет, понять не может, почему единственный наследник всё никак крылья не соберёт. А он тут секреты от семьи придумал?!

Взгляд донны рвёт и мечет. Она смотрит мне прямо в глаза, яростная и неукротимая. Вот только... На меня последнее время столько раз смотрели всякими такими вот яростными взглядами. И к тем взглядам ещё и прилагались крылья и вся сила великого меча. А ещё иногда летящие в мою сторону ножи... так что. Я очень спокойно и тепло улыбаюсь:

— Добрый вечер, донна Иштар. Мы с вашим братом тоже рады вас видеть. Присаживайтесь. Обсудим так беспокоящий вас вопрос в конструктивном диалоге.

Под этим моим взглядом и улыбкой гнев с лица Халиды слетает в одно мгновение. Потом она переводит взгляд на брата и слегка закусывает губы. Я видел этот жест у неё и раньше, но как-то не замечал, как они с братом в нём похожи.

27. Правила приличия

Я оборачиваюсь к Кариму:

— Дон Иштар, тебе я тоже советую сесть.

Мальчишка боязливо глядит в сторону сестры и произносит шёпотом, впрочем, всё равно довольно громко:

— Майлз, она реально дерётся. Больно!

Я указываю ему на кресло справа. Халиде делаю приглашающий жест на кресло слева. И произношу, не обращаясь ни к одному из них:

— В моей гостиной никому не позволено нарушать пра-

вила приличия. Ни донам, ни доннам. — И, ещё раз приправив свои слова самой солнечной из своих улыбок, занимаю кресло между ними. Выдерживаю паузу и обращаюсь к Халиде. — Итак, донна, раз уж вы позволили себе устроить столь громкую сцену, — я слегка морщусь, выражая своё отношение к подобным методам, — то, скорее всего, имеете причины испытывать здесь и сейчас бурные чувства. Поделитесь с нами. Будет проще развеять ваши опасения.

Да, мои слова и эмоции, с которыми они сказаны, производят правильное действие. Эта женщина умеет держать себя в руках. И сейчас она спешно вспоминает об этом. Я снова вижу перед собой ту самую идеальную донну, какой видел её целых два года до этого.

— Да, дон Драгон. Простите мою излишнюю горячность, но, признаться, вы абсолютно правы, я действительно просто очень напугана. Вам хорошо известно, дон, что я совсем не склонна собирать слухи, но даже до моих ушей они добрались в недопустимо большом количестве. И все исключительно из этой части глубинной башни. Дикая похоть вдруг, необъяснимым образом, охватившая многих благородных мужчин! — Она резко разворачивается к брату. — Всякий, кто чуточку образован и способен мыслить, легко сложит теперь картину, и секрет моего маленького брата будет раскрыт.

Карим вжимается поглубже в кресло:

— Я не специально. Так получилось. И Майлз обещал всё

исправить, никто ничего не поймёт.

То есть если до этого момента Халида была в чём-то не уверена, а она вполне могла блефовать, то теперь брат сам ей всё подтвердил. С другой стороны, сестра Кариму не враг и склонности разбалтывать секреты окружающим за ней тоже не замечено. Нужно, конечно, проговорить важность тайны, но она и раньше хорошо понимала разницу между своими, например, женихом, с которым уже можно чувствовать себя достаточно свободно, не сильно контролируя разговоры, и чужими персонами.

Я киваю, принимая её объяснение и поощряя спокойный диалог:

— Что ж, соглашусь, меня тоже взволновали эти слухи. Так что вопрос практически улажен, и уже завтра как-то выйти через них на Карима будет невозможно.

В мою сторону донна Иштар кивает с глубокой благодарностью, а вот брата спрашивает со строгостью в голосе:

— И как давно ты собрал крылья, Карим? Судя по прыжкам по комнате, вовсе не неделю назад.

Мальчишка отводит взгляд и ещё глубже залезает в кресло, но всё-таки отвечает:

— В ноябре.

Халида вскидывается:

— В ноябре?! Ты пять месяцев морочишь деду голову?! Издеваешься над стариком?! Он уже решил, что ты что-то натворил и твой узор остановился. — Тут же извиняясь в

мою сторону: — Простите, дон Драгон.

Но теперь завёлся уже Карим:

— Я издеваюсь? Я бы ему всё рассказал. Я уже думал об этом. А он сразу после гибели Творца прислал мне письмо, требуя, чтобы я бежал к Габриэль и напрашивался в любовники. Он требовал! К этой дикой женщине, которая грозила меня избить?! Просто источала желание напасть на меня и сделать больно!

В комнате повисает пауза. Теперь зол Карим. Зол и решителен. Халида же явно не в курсе таких приказов старейшины и сейчас смотрит на брата глубоко шокированная. Впрочем, я тоже сильно обескуражен:

— Станный какой-то приказ, Карим. Мне казалось, твой старик ещё в своём уме.

Иштар морщится, обняв себя за плечи:

— Он в своём уме. Просто ему очень хорошо известны особенности великих мечей. А все великие мечи чувствуют потребности мира невероятно глубоко, как свои собственные. Мои крылья стабилизируют Малый лик, а следовательно, мир в них очень нуждается. И если бы они были ещё не собраны, но находились буквально на грани, как я ему тогда говорил, все существующие великие мечи чувствовали бы потребность приблизить меня к себе, чтобы помочь эти крылья собрать. Причём потребность, мотивированную на уровне чувств. А в какой мотив сознание «решительности» может облечь необходимость приблизить к себе «страсть»?

Однозначно любовник. Вот только обо мне при этом никто не подумал. Дед и слушать меня не хочет. Эта женщина явно получает удовольствие, причиняя другим боль. И он знает, как глубоко я ощущаю отношение всякого, кто ко мне прикасается. Меня от прикосновений местных смесок выворачивает, а они всего-то полны ко мне корыстью и презрением. Если дед меня в таком не слышит, в чём он меня вообще способен услышать?! Я не ребёнок и сам решаю, что мне делать!

Халида смотрит на брата с сочувствием. А я... А я старательно держу на лице спокойную маску. Потому что ситуация, которую описал Иштар, очень напоминает то, как я сам сошёлся с Габриэль... Её мотивация... на уровне чувств... Факты, которые, как всегда забывшись в споре, Карим выкладывает со всей щедростью, не скупясь... Потом! Я обдумую это потом!

28. Истинно верный

— И ты не тренируешься. — Халида произносит это тихо, почти без упрёка, просто констатируя факт.

— Тренируюсь! — Карим тоже немного сбавляет тон, но теперь всем своим видом выражает обиду.

— Я была в твоём зале. Там явно давно никто не появлялся.

Мальчишка отводит взгляд:

— Я тренируюсь в землях бескрылых. Это безопасней.

— Безопасней?

— Да! Майлз предоставил мне своего смеска, который умеет решать все вопросы по поводу денег и документов. А мои друзья-бескрылые нашли бескрылого, который умеет решать любые вопросы в их мире при наличии денег и документов. И единственный крылатый, которому известно о моих занятиях, — это мой ликтор, который дал мне настоящую клятву.

— А твой тренер?

— Тренер у меня тоже бескрылый. Но он выдающийся у людей мастер и учитель танца. А ещё влюблён в меня как в своего бога и не бросит, даже если его вознамерятся убить! А тот «истинно верный» учитель, которого мне нашёл дед, трусливо сбежал ещё до заката в день, когда был убит Творец! И ликтор, которого он мне нашёл, тоже сбежал!

Гнев Халиды отступает. Её явно очень обрадовало, что брат не настолько беспечен, как это выглядит для всей академии. Она даже кивает мне с благодарностью, явно приписывая эти достижения мне, а не брату. Впрочем, я тоже, наверное, испытал бы настоящую гордость, что мой юный Асмодей в действительности не теряет времени зря. Обязательно испытал бы, если бы смог отойти от предыдущего его заявления.

— И как твои успехи в освоении меча, брат?

Карим вздыхает:

— Немного... хуже, чем должно было быть. Я пропустил некоторое время, когда тут всё было совсем опасно... Но сте-

ны уже не ломаю. — Карим вскидывает глаза на сестру. — Но если я скажу деду, он тут же потребует вернуть меня в аллод и этим выдаст всем. Меня убьют, не успею дойти до ворот, прямо в академии!

Халида фыркает:

— Дед не станет объявлять о тебе всем, только главам глубинного оптимата.

Карим криво усмехается:

— Ага, Майлзу докладывают все решения, принимаемые на собраниях всех четырёх оптиматов, в тот же день. Как думаешь, сестрёнка, он один такой в академии? Четверых сенатских донов здесь уже убили. И Майлз уверен, что дикая Габриэль к этому непричастна. А значит, это сделал кто-то из взрослых малых мечей. Ведь чтобы убить крылатого, нужен меч. А теперь подумай, что будет, если вдруг выяснится, что этот самый меч всё это время был у глубинного оптимата? Дед ничего не понимает в происходящем! А Майлз понимает. И я останусь с ним. — Он ловит мой укоризненный взгляд и добавляет с меньшим напором: — И ты должна будешь дать мне клятву тайны, до того как уйдёшь отсюда.

Халида удивлённо приподнимает бровь:

— Карим, я женщина! Женщины не дают клятв.

Он фыркает в ответ:

— А ещё они не врываются с криками в мужские комнаты. Даже к младшему брату.

Донна Иштар примирительно улыбается:

— Хорошо, я дам тебе клятву, брат, но ты позволишь мне рассказать о твоих крыльях деду. — Карим хочет возмутиться, но сестра останавливает его жестом и добавляет: — Я лично схожу домой и смогу убедить его никому не раскрывать твою тайну. Просто успокою. Он послушает меня! Я буду очень убедительна.

Перед тем как ответить, мальчишка глядит на меня, и я киваю ему одними глазами. Старейшина Иштар нам нужен в союзниках, а не в противниках.

В это время справа у окна громко падает на пол какая-то ваза. На карнизе сидит знакомая мне сплюшка с запиской. Птица абсолютно мокрая. Не знаю, что там такое Габриэль делает, но за окном творится настоящее буйство стихии.

Я встаю, забираю у птицы письмо, разворачиваю его. «Сейчас» — одно слово без подписи. Но она и не нужна, эту птицу Габриэль подарил я. И я аккуратно заблокировал сознание птахи не даваться в руки никому, кроме нас двоих. Так что... меня уже ждут.

29. Младший брат

Халида очень внимательно смотрит на записку в моих руках. Ну да, я не смял её в какую-нибудь пуговицу или бусину, присоединив к своей одежде, как обычно делаю это с любыми посланиями. Даже не пытаюсь, потому что знаю, что не способен изменить материю, несколько минут назад изменённую великим мечом. И если я сожгу эту самую записку на глазах внимательной донны Иштар, вопросов только

прибавится.

Впрочем, вслух она ничего не говорит. И требуемую бра-
том клятву произносит без возражений. И к моим объясне-
ниям о том, как важно хранить тайну, в которую сейчас по-
священы буквально только мы и наши центральные ликторы,
тоже, кажется, прислушивается.

А вот потом, чуть смущаясь, спрашивает:

— Дон Драгон, ваша матушка уже два месяца как написа-
ла мне, что вы решили вопрос безопасности аллода вашего
клана. Собственно, я и не сомневалась, что так будет, просто
меня всегда учили, что донна должна беречь себя и отходить
в сторону при опасности. И... — она опускает глаза, прикры-
ваясь ресницами, — я понимаю, что ваши договоры и союзы
секретны и, возможно, обществу знать о них пока не следует.
Но всё-таки, когда вы уже начнёте вновь ухаживать за мной?

Это плохая тема для разговора. А учитывая раздрай, ко-
торый до сих пор стоит во мне из-за услышанного, я даже не
сразу соображаю, какими картами всё это крыть. Да, я ска-
зал маме и бабушке по секрету, что на наш аллод небесные
нападать не будут, что я заключил сделку втайне от дяди.
Но сказать что-то по секрету женщинам... тем более Халиду
мама считает почти своей. И только я знаю, что у меня уже
есть другой договор с другой донной. Чем бы она там себя
ни мотивировала к нему, для меня она моя невеста. Почти
жена! Потому...

— Дело в том, донна, — я старательно ищу выход, — что

вы чуть небрежно подобрали слова и ситуацию, отходя в сторону. Я не стал рассказывать об этом женщинам в клане. Тогда был период траура, и они и так были глубоко опечалены. Но сказанное вами... В таких выражениях и такое обвинение я не имею права простить. Так что, к моему большому сожалению, начать вновь ухаживать за вами я не могу. Клан не простит мне такого унижения.

Халида смотрит на меня с удивлением. Впрочем, Карим тоже. Сестра приходит в себя первой:

— Но ведь, дон, вам очень нужен союз с моим кланом?

Я улыбаюсь:

— Да, донна. Но, к счастью, ваше оскорбление можно считать личным, касающимся исключительно меня. А значит, ухаживать за вами не могу только я. А вот мой кузен, который придёт в академию буквально ближайшей осенью, может. Учитывая, что он очарован вами ещё со времён вашего визита к нам в аллод, уверен, он приложит все усилия, чтобы добиться вашего согласия. И это было бы отличным решением для наших кланов.

Понятия не имею, что там думает Оливер о Халиде, но я уже отвёл от аллода опасность быть вырезанным. Пудрю дяде мозги, рассказывая каждый месяц, как готовлю новый план по отравлению Габриэль, чтобы он не вздумал что-то решать сам и не втянул нас в большие неприятности. А ещё со временем получу для клана обратно влияние в сенате. Так что пусть кузен тоже послужит семье и хотя бы закрепит со-

юз с кланом Асмодея.

Не знаю, видела ли сама Халида Оливера, знает ли о нём что-то, или ей просто не понравилось, что от неё отказываюсь именно я, но взгляд её готов метать молнии. Впрочем, ответить она ничего не успевает. Вмешивается Карим:

— Да, сестрёнка! Нельзя кричать на мужчину, выставляя на всеобщее обозрение его слабости. Потому что эти слабости после могут использовать его враги. Очерняя благородный образ самыми нелепыми слухами. Даже я слышал имена как минимум трёх мужчин, которым донна Драгона после твоих криков приписывают в любовники. И эти слухи настолько правдоподобны, что, не держи я его хоть раз за руку, поверил бы.

Какие бы слова ни вертелись на языке Халиды, она их проглатывает. А я стараюсь наконец завершить её визит. Меня давно ждут.

— Донна Иштар, полагаю, на сегодня достаточно откровений. А сейчас, думаю, вам пора. Я очень надеюсь на вашу убедительность в общении со старейшиной Иштар.

Халида уходит. Карим смотрит на закрывшуюся за ней дверь насупившись, а потом произносит, не поворачиваясь ко мне:

— Знаешь, у меня есть ещё одна сестра. И она тоже в следующем году придёт в академию. У твоего кузена будет выбор. Но только из них двоих!

Сказав это, мальчишка всё-таки поворачивается ко мне.

Он серьёзен. Впрочем, вопрос действительно не шуточный. Чтобы доверять друг другу, нам нужна связь между нашими родами. Я одобряюще улыбаюсь:

— Да он счастливчик! — Потом, помолчав немного, всё-таки спрашиваю: — А что ты чувствуешь, когда держишь меня за руку?

Карим тоже расслабляется, снова дурашливо усмехается:

— Что ты видишь во мне исключительно младшего брата, как и говоришь. И не испытываешь в мою сторону ни капли вожделения. В моём случае это возможно, только если ты в принципе вообще не воспринимаешь мужчин как партнёров в сексе. Меня все хотят!

30. Моя женщина

Я ещё нахожу в себе силы поговорить с Каримом о том, что, возможно, всё-таки стоит помириться с дедом и привлечь его содействовать нам. Мягко намекаю, что не стоило даже пытаться втянуть низкородного клятвенника в конфликт с сестрой. Тем более что, согласно правилам своего клана, Сетх в принципе не допускает, что мужчина может в чём-то возразить старшей родственнице.

Я нахожу одну причину задержаться за другой. Мне нужно всё обдумать... В итоге к Габриэль отправляюсь уже совсем поздно.

Вокруг бушует стихия, очень созвучная тому, что творится во мне самом. Хаос, боль, страх...

Может ли быть, что то невероятное желание, которое ис-

пытывает ко мне Габриэль, — это как раз вот такая потребность мира в моих крыльях? Может! Это вообще, если подумать, самое логичное объяснение.

И что тогда будет, когда я эти крылья соберу? Или наоборот, когда развитие моего узора окончательно остановится? Потому что за последние два месяца он не добавил буквально ни одного пера. Я не понимаю, почему, и очень стараюсь не анализировать. Но это «не анализировать, будь что будет» удавалось, когда сами по себе эти мои крылья ни на что, по сути, не влияли. Вернее, влияли — на положение моего рода, место в сенате... но они не рушили мою жизнь. Не вырывали из неё нечто абсолютно необходимое мне самому. А тут...

Что, если это её отношение ко мне — только потребность мира? Если в какой-то момент она просто охладает? Просто посмотрит в мою сторону, и в её глазах ничего не вспыхнет? Узор остановится или сложится, но потребность мира в любом случае иссякнет, и я сольюсь для неё со всей остальной массой крылатых? Их? Я... я абсолютно не согласен с таким поворотом. Эта мысль в принципе вгоняет меня в панику. Она словно пытается выдрать из моей груди меня самого!

И дело не в положении и не в политике. Не в разумном расчёте, из которого бы стоило исходить.

Потому что в этом самом разумном расчёте как раз союз с небесной донной очень непрост для меня, он буквально выкачивает все ресурсы и возможности. Не только Мойра, но и я выкладываю на игровой стол уже последние кар-

ты, вгоняю себя в рамки, которые ещё полгода назад счёл бы абсолютно неприемлемыми. Я прячусь в тени, перед всеми извиняюсь и показательно проигрываю, я даже одеваться стал так, чтобы меньше бросаться в глаза. Я сам создаю очень убедительные, как сказал Иштар, слухи, что путаюсь с мужчиной. Низкий и крайне постыдный статус. Но... я готов и дальше копать в этом направлении, без сожаления принимая себя, если за это мне достаётся страсть Габриэль.

И вообще... Да, союзы в академии неокончательны, и меня всегда учили, что считать женщину своей, доверять, можно только когда она уже входит в твой аллод женой. Но с Габриэль мне всё давно казалось решённым. Она живёт со мной как жена. Почти каждый день жаждет видеть меня в своей постели. С удовольствием рассказывает о своём детстве и тех, кто её воспитывал. Они, правда, все были бескрылыми, но ведь всё равно родичами. Тётя была родной сестрой её матери-смески. А про остальных в городе она часто говорила, что они были «одной семьёй». У неё просто не было другой родни.

И рассказы о моей семье она тоже слушает с интересом. Я, конечно, тоже стараюсь больше говорить о своём детстве, о кузенах и сестрах, иногда о маме, не задевая политики и связанных с ней старших мужчин. Но это всё равно абсолютно открытые разговоры с женой. Я даже про моих мышек ей рассказывал!

И... она ведь тоже доверяет мне. Она почти всегда первая

засыпает на моём плече, маленькая и в таком состоянии абсолютно беззащитная. Разве кто-то станет в своём уме засыпать в руках чужого мужчины без всякой охраны?!

Да, она дикая. Но это моя дикая донна! Моя!

Я... мысли во мне путаются и бьются, почти как те самые волны, что сейчас с грохотом накатывают на каменный берег, каждый раз разбиваясь вдребезги.

Я не согласен! Никакие силы и потребности хоть всего мира не имеют права отбирать её у меня! Не отдам. И... только как мне защищать это моё право на эту женщину — просто ни одной мысли в голове. Габриэль — донна дикая, её ни подписанными договорами, ни другими условностями общества не удержать. Да и я сам не просто рядом её хочу, мне жизненно важно, чтобы она любила меня. Вот этой своей ненормальной, безумной любовью...

31. Бедный демонёнок

Я едва успеваю отпрянуть от просвистевшего буквально перед моим носом ножа. И... кажется, дикость моей женщины заразна. Потому что этот самый нож не возмущает меня, а наоборот. Мне этот нож и последовавший за ним довольно чувствительный удар затылком о стену говорят о том, что меня ждали. Что если я и увижу в её глазах холод, то не сегодня. Сегодня она теряла терпение и злилась, потому что жаждала меня видеть.

Её ладони под рубашкой, поцелуи... Мне это нужно как никогда. Именно сейчас! Вернее, уже давно, постоянно нуж-

но... просто именно сейчас я осознал насколько... настолько я врос в эту женщину. Мою женщину!

Габриэль останавливается и смотрит на меня вопросительно:

— Что-то случилось?

Вот разве это может быть просто потребность мира? Нет, она волнуется за меня. Не только за то, чтобы я пришёл к ней, но и за то, что у меня на душе. Она любит меня! Дико, жарко, но это не «мотивация решительности», это стремление её души.

И да, я, конечно, стараюсь успокоить её волнения и, по сути, уйти от ответа. Но это же Габриэль, уже после всего урагана страсти, которым нас накрыло, когда она лежит у меня на груди и, казалось бы, вот-вот заснёт, она всё-таки вспоминает об этом разговоре:

— Так что там натворил Иштар, что тебя так проняло?

И... Я стараюсь ей не врать, даже по мелочам. В первую очередь, чтобы исключить возможность запутаться. Потому что боюсь, если она заметит несостыковки, даже в мелочи, у меня будут большие проблемы.

— Не натворил. Просто очень близко к сердцу принял то, что происходит у бескрылых. Сильно расстроился. Очень.

Она вопросительно приподнимает бровь, требуя продолжать. Я поправляю её волосы. Короткие... И я привык уже к тому, что они именно такие, и совсем не считаю такую длину мужской.

— У них там болезнь и страх. Женщина, в постели которой он сегодня спал, утром молилась своим богам. И Карим глубоко проникся её мольбой и в то же время осознал, что ничем не может помочь. Растерялся, запутался и невероятно расстроился.

Габриэль смеётся, но как-то по-доброму:

— Бедный демонёнок! Но знаешь, именно так и должны чувствовать мир настоящие боги. Ощущать свою ответственность за людей! Хотя, с другой стороны... Знаешь, моя бескрылая тётя всегда говорила, что люди ходят в храм и молятся не для того, чтобы кто-то решил их проблемы. А для того, чтобы поверить в себя и решить их самостоятельно. Если переиначивать это для крылатых — для того чтобы в них поверили мы. В отдельно взятого человека или в человечество в целом. В целом они очень сильные. И с болезнями справляться умеют. И просто страхом их не возьмёшь... и их проблема сейчас — это не болезнь. Это вершина айсберга, имя которому война. Просто потому что единственные крылья, расправленные над их миром, — мои! Движение без цели, разрушение, бунт...

Она замолкает. Взгляд её сейчас абсолютно серьёзный и твёрдый. Потом она снова вдруг смотрит на меня, требовательно спрашивая:

— Ты вот свои крылья чего не собираешь? Миру нужны мечи инь. Хоть один. Хоть одно чувство, кроме «разрушить всё до основания». Ну-ка покажи, сколько у тебя там пёры-

шек осталось докрасить!

32. Девять пёрышек

Моя Габриэль заставляет меня перевернуться на живот, а потом, усевшись верхом на мои бёдра, с особой внимательностью принимается рассматривать мои крылья.

— Хм... Девять пёрышек добавилось. Ну... нормальная скорость, конечно. Только... А это что? Вот тут пёрышко не целиком закрасилось, пятнышко осталось... Хотя закрасится, думаю.

Я слушаю её очень рассеянно, не особо вникая в слова, а просто млея от её прикосновений, её внимания, её отношения ко мне. Потому что да, она очень обеспокоена этой самой ситуацией в мире, в её взгляде читается, что всё это для неё крайне важно.

Но я в этих самых важных вопросах, в её картине, словно выпадаю из политики. Не являюсь доном враждебного оптимата. У меня какое-то совсем особое место. С большими возможностями, но и с большей ответственностью. Муж?

Когда это произошло? Почему я не заметил этого раньше?

Моя женщина водит тонкими пальчиками по моей спине от самых крыльев и до ягодиц. В какой-то момент её ладонка по-хозяйски укладывается на мою попу, а потом она шустро сползает ниже и прикусывает эту самую попу зубами.

Я выражаю протест:

— Ай! — Сворачивая крылья и роняя её рядом с собой на кровать.

Впрочем, даже упав в мои объятия, она продолжает рассуждать:

— Тоси говорит, что недостаток мечей должен сам по себе мощно форсировать развитие крыльев у тех, кто знает путь и уже двигается в этом направлении. Один меч над миром с точки зрения стабильности — это просто катастрофа. Новые мечи должны развиваться невероятно бурно. Почему тогда твои крылья развиваются медленно?

Я всё-таки притягиваю её к себе, обнимаю, легко касаясь губами её плеча и шеи.

Меч над миром не один. Их два. Что не особо существенно, потому как второй тоже янь. И этот второй меч действительно развился очень быстро, буквально как в нём появилась потребность. Рассказать моей Габриэль всё это я, правда, не могу. Это не моя тайна, а Карима. И выплыви она наружу, очень вероятно, расплачиваться придётся жизнями. То, что он прячется, — не каприз. Да и меч янь моя женщина сейчас не ищет, наоборот, ей нужен меч инь для равновесия...

И... состояние моё странное. Решительность, благодарность, радость. А ещё очень хочется доверия. Хотя бы в той части, что принадлежит только мне:

— Я не знаю секрет развития своих крыльев. Род Драгон никогда не собирал узор Люцифера. Несколько моих старших родичей пытались, у них не получилось. Я не понимаю, от чего он развивается или не развивается. Мир не может

меня ускорить, потому что я не знаю путь.

33. Сила воды

Габриэль замирает, глядя на меня очень внимательно и серьёзно. Потом задумывается:

— Ну, я из Тоси про сборку мечей выбила только общие слова. Что янь — это тренировки до упада, а инь — создать идеал и стать им. У крылатых жуткий бардак в основополагающих знаниях. Даже суть некоторых мечей неизвестна. Я тут вроде как наловчилась через известных асуров её разгадывать, но Тоси ткнул меня носом, что те тоже были живыми персонами и в истории часто отличились другими, никак не связанными с крыльями поступками. Но если сравнивать, рыженько-бордовые крылья вроде же носила Венера?

Её прямота поражает и пугает, ни один крылатый никогда не стал бы с кем-то говорить на такие сугубо личные темы. Это очень интимно! Хотя... наверное, для мужа и жены в постели это как раз тема допустимая. Для абсолютно своих!

— Да. Венера, Афродита, Фосфор, Аурвандил — все эти великие мечи эпохи асуров носили мой узор.

— То есть, — моя женщина слегка запинается, смутившись, — получается, что суть этого узора любовь? Венера вроде числилась богиней любви?

Я смеюсь:

— Нет. Это, видимо, из её личных качеств. А суть, несколько мне известно, — красота.

Она подмигивает:

— То есть тебе просто надо придумать идеал красоты и стать им? По-моему, у тебя очень даже хорошо выходит.

О да, хвалить мою внешность моя женщина умеет и любит. Мне даже иногда кажется, что это доставляет ей особое удовольствие. Впрочем, она нашла во мне уже и довольно большое количество других достоинств, которые тоже часто и очень прямолинейно возносит. И иногда это действительно приятно, а иногда вгоняет меня в краску. Очень сильно.

Я аккуратно обнимаю её:

— Если бы всё было так просто. Там же три условия: состояние, чувство и действие. И, насколько могу судить по тем наборам, которые моему клану известны, всё не так прозрачно. Например...

Я на мгновение задумываюсь. После того как на моих крыльях за месяц не окрасилось ни одного нового пера, дядька поддался моим уговорам и выдал информацию по тем узорам, которые нашему клану известны. Выдал под тайну, что делиться этими знаниями можно только с семьёй. Но ведь эта женщина и есть моя семья? Я не позволю никому разорвать нашу помолвку. Я буду драться за неё! А значит, она в любом случае моя жена.

— Например, узор Валефара, у небесных он называется Цадкиил, по своей сути это «сила воды». У моей мамы он развит более чем на девяносто процентов, и в аллоде, где вся материя подчинена семье, море отвечает на все её переживания. Если мама сердится, это отлично слышно даже в

горах. Кроме того, этот узор входит в микрокосм, является стихийным мечом и мечом янь. То есть, если рассуждать логически, чтобы его построить, нужны тренировки и вода. Но секрет в том, что чтобы построить этот меч, нужно о ком-то заботиться. Полностью посвящать себя этой заботе, искренне беспокоиться, переживать. Это, по сути, чувство матери к своему ребёнку. Как оно связано с водой?

Габриэль задумывается:

— Мне говорили, что глубинные уже триста лет не собирают Цадкиила именно потому, что не знают секрета сборки.

Я пожимаю плечами:

— Кто-то не знает секрета, а у кого-то, как в моей семье, этот узор не хочет приживаться. За последние сто лет мой клан пять раз брал в жёны женщин с сильно развитым узором Валефара, но у них или рождались дочери, или, как со мной, сын наследовал другой узор, который в семье уже прижился. Логика и условия этого приживания узоров, если она, конечно, есть, моему клану неизвестны. Женщина с узором Люцифера была только одна, моя двоюродная прабабушка. Прадед выбрал её наперекор семье, по любви. А её узор взял и не просто передался сыну, а прижился в клане, начал появляться даже не у прямых потомков. Так что мой клан бережно хранит секрет Валефара и ждёт, когда этот узор тоже однажды приживётся в семье. — Я стараюсь тепло улыбнуться и спрашиваю как бы в шутку: — Моя невеста ведь не станет сорить тайнами моего клана?

Впрочем, Габриэль всё равно, кажется, воспринимает этот вопрос серьёзно. Даже не фыркает, как всегда, на то, что я назвал её невестой:

— Нет. Я обещаю не болтать никому о том, что ты мне рассказываешь, если ты напрямую предупреждаешь, что оно является секретом. Мне важно, чтобы ты был честен со мной, а как можно быть честным, если опасаясь за свои тайны?!

Честным? Для этого этих самых тайн у меня слишком много. Да и не болтать — это совсем не всё, многие излишне внимательные прочтут многое в её глазах и в прямых по-

ступках.

34. Купить секрет

Моя неугомонная женщина снова активно вертится в моих объятиях:

— Слушай, но ведь есть другие глубинные кланы, которые явно знают секрет Люцифера? Иштары! Двадцать лет назад Люцифер был именно из их клана. Я точно знаю. Твой демонёнок должен быть в курсе неочевидных условий сборки этого меча. Ты же дружишь с ним? Спроси.

Я усмехаюсь:

— Дон Иштар, конечно, периодически ведёт себя как совсем ребёнок и шокирует общественность, выдавая секреты рода, но на самом деле это очень редкое его состояние. В спокойной обстановке, не увлечённый спором, он хорошо помнит, что юный дон обязан беречь секреты семьи и лишнего не болтает.

Я даже мог бы добавить, что в момент, когда осознал, что развитие узора явно затормаживается, немного впал в панику и пытался разговорить Карима, ввести его в это самое увлечённое состояние, но... не смог. Возможно, ему этот секрет старейшина и не рассказывал, ну или взял личную клятву. Не вышло. Даже больше, я с трудом тогда свёл всё в шутку, чтобы не рассориться с Иштаром. Потому как все приличные доны знают, что такие вопросы — это очень важные секреты клана, и спрашивать про такое подло. Это только моя дикая донна может вот так лежать на мне, поглаживая

пальчиками по плечу, и хмуриться:

— Дерьмовая у крылатых дружба! Доберусь до сената, поставлю умников написать учебники по всем двенадцати узорам и ввести их в обязательную программу на первом курсе. А то и сам не ам, и другим не дам. Сами вымрут, мир в могилу сведут, лишь бы тупо секреты сохранить!

И хорошо, что в этот момент она не видит моего выражения лица. Потому как это одна из тех гениальных идей моей женщины, за которые её когда-нибудь попытаются убить уже небесные. И я очень боюсь, что не имею внутри ангельского оптимата достаточно сил, чтобы защитить её в такой момент. Надо, наверное, хоть какого-то белого дона себе в колоду завести.

Моя решительная женщина снова разворачивается:

— А если купить? Ну да, дружбы у крылатых нет, но вы всё равно не враги, можно, наверное, подобрать что-то ценное взамен и купить этот секрет у демонёнка? Уверена, что-то можно предложить. Ты умный, придумаешь.

И я даже задумываюсь об этой идее. Купить у Иштаров секрет? Не у Карима, конечно, для такой сделки он пока слишком не уверен в своём праве, а вот у старика Иштар...

Но в это время Габриэль, вздохнув, продолжает:

— Периодически у меня складывается впечатление, что мне достался самый простой меч. Никаких странных секретов, просто тренировки до упада и чёткое понимание цели.

И все мои размышления останавливаются. Я просто об-

нимаю её, прижимая к себе:

— Давай уже спать. Опять же с рассветом подскочишь.

Потому что секреты построения узора Габриэля, вернее Самаэля, в тех самых записях, что мне дал дядя, тоже были. И кроме всего прочего — тренировок до боли и медитаций, сосредотачивающих сознание на цели: защите или уничтожении, — там было ещё одно обязательное и, на мой взгляд, невероятно сложное условие. Искренняя и полная готовность умереть в этой драке. И... как-то я, когда читал, не сопоставил это с моей Габриэль. Вернее, сопоставил, но не прочувствовал. А вот сейчас, после её идеи раскрыть секреты построения мечей абсолютно всем, взглянул на это условие совсем по-новому. Она ведь реально его выполнила?! У неё действительно чувство самосохранения работает крайне избирательно. Она поставила себе целью стабилизировать мир для бескрылых и, шествуя к ней, неадекватно бесстрашна... Мне стоит это учесть, оберегая её.

А ещё ей, скорее всего, никогда не говорили, что это чувство — обязательное условие её меча. Потому что такое нельзя построить по заказу. Нет, её привели к этой мысли мягко. Учитель. Хаос! А это ещё и означает, что купить секрет моего меча может быть недостаточно. Мне нужно купить учителя!

Глава 7. Арманда. Ласковая ночь

35. Ласковая ночь

Эта ночь выходит невероятно жаркой и ласковой. Словно мы расстались на долгое время и мой вредный демон успел соскучиться. Причём даже не столько телом, хотя и им тоже, сколько сердцем. Он постоянно невероятно тепло меня обнимает, словно это для него крайне важно. А ещё... И это вообще фантастика — признаётся в собственной слабости.

Мы и раньше часто болтали, довольно откровенно. Но Майлз всё-таки рассказывал мне всё в эдаком возвышающем его ключе. О том, какая у него хорошая семья, каким он был послушным и очаровательным ребёнком, растил цветочки и разводил мышек. Очень идеализированно, глянцево, рафинированно. Не поверю, что он в жизни ни разу не подстроил какому-нибудь кузену большую пакость, за которую был выпорот. Но я понимаю, что слабости и неудачи — это другой уровень доверия, и не всё сразу. А тут...

— Дело в том, что я не знаю секретов сборки своих крыльев. Мой клан никогда ещё не собирал этот узор. Все, кто пытались, потерпели неудачу. Я не понимаю, почему новые перья окрашиваются или не окрашиваются.

И... вот, на мой взгляд, это и есть тот самый другой уровень доверия. А значит... Я так долго откладывала этот вопрос, но время решать его уже давно пришло. Что я буду де-

лать в итоге с этой влюблённостью? Особенно учитывая, что она даже при всей своей ненормальности, кажется, как и положено, постепенно перерастает в нечто спокойное и очень тёплое. Любовь? И да, мой демон вредный, но это только если с ним соперничать. С другого же ракурса, со стороны своих, он невероятно семейный. Это чувствуется даже в его рафинированных рассказах. Он очень любит их всех, заботится, беспокоится. Я легко могу представить его с маленьким ребёнком на руках. Эта картинка кажется мне очень гармоничной. И... это пугает меня.

И дело даже не в том, что он демон. Я и раньше догадывалась, что, по сути, между крылатыми разных оптиматов никакой разницы нет. А дед Тоси мне вообще всё по полочкам разложил. Просто исторически, ради защиты полных мечей, они поделились на группы. Всё! Вся разница! С точки зрения крылатых Майлз — самый обычный парень, с обычными реакциями на ситуации, ну, может, чуть интриганистей большинства. Хотя, вспоминая, как легко Яннис разогнал от меня всех женихов, неизвестно, кто ещё тут больше интриган. А значит, нет чёрного и белого, все одной масти, остальное — условности.

Вот только эти условности невероятно сильны в обществе. Мои гномы привыкли к тому, что ко мне приходит демон, да и низкородным тут по определению полагается принимать решения доминуса без возражений. Но даже по их отношению видна разница к донам небесного или нейтральных оп-

тиматов и к нему. Это вбито в их головы с рождения: демоны — враги. Могут предположить, то же самое вбито в головы демонов.

И... пока у меня нет решения. Только понимание, что эту рознь нужно убирать, как-то объединять оптиматы... и у меня буквально пара месяцев, чтобы изобрести способ и со всей дури ударить им по жутко консервативному местному обществу. Видар, правда, уверен, что меня за такие нововведения точно убьют. Но до сих пор не убили ведь, а я тут уже много что поломала. Так что и тут, думаю, покричат и привькнут.

36. Список

А вот утро складывается на редкость гадостное. И даже чётко определить, что в этом утре не так, не получается. В смысле, всё тот же шторм тараном мне по нервам, чёртов дождь мелкой моросью, а ещё ощущение... гадкое, невероятно давящее ощущение, что всё разваливается... что я не успеваю!

Из неожиданного: возле моего зала меня поджидает Яннис. Отсалютовав приветствием, он протягивает мне листок с именами. Донны. Восемь персон. Как понимаю, это те самые, что имеют развитый узор.

— Это тот список, что объявляли в этом году?

Он улыбается:

— Нет, это все из списков последних шести лет. То есть все, кто сейчас ещё учатся.

— За шесть лет в этих списках было всего восемь девушек?

— Девять. Но собственное имя тебе без надобности, так что его я сюда не включил.

Я немного зависаю. Моё имя было в списке высокородных девиц с развитыми крыльями? Тех самых, что каждый год буквально одна-две? И я бельмом на глазу шесть лет подряд. Смешно!

Я ещё раз прохожусь глазами по списку. Три небесных, две глубинных, три асуры, ни одной дэвы. До небесных доберусь до всех, хотя этих кланов у меня сейчас в свите нет. Одна из асур — Калиго. Тоже достать легко. Одна из глубинных, судя по фамилии, родственница демонёнка. Ну... хоть узор можно попытаться выяснить. Хотя...

— А случайно узор не знаешь какой у них?

Яннис задумывается, потом извлекает из складок фустанеллы обычный смартфон и, ловко потыкав по экрану, сообщает:

— Донна Намму — узор Воланд, Иштар — Сатанаил. Процент, к сожалению, точно не знаю. Донна Шакти — процент более девяноста, узор стихийный-янь. Точнее не скажу, сужу по характеру. У стихийников довольно ярко проявляется. Донна Калиго — что-то из малого лика, точнее не знаю...

Видар появляется взмыленный, и Яннис поспешил исчезнуть. И я ещё смотрю, удивлённая, ему вслед. Надо же, чистокровный небесный с телефоном в кармане, и ведь явно

привычен им пользоваться, пусть и как записнушкой. Это Эста его приобщила или он и раньше был тайно продвинут?

Мой наставник набрасывается на меня с вопросами:

— Ты ведь проверила всех студентов? У кого из них был развитый узор Цадкиила или Валефара?

Я пожимаю плечами:

— Ни у кого. Нашла бы у кого-то, он бы давно вкалывал со мной на площадке, пока не соберёт крылья.

Видар не унимается:

— Ну, может, не очень развитый? Процентов восемьдесят пять? Восемьдесят?

Я мотаю головой:

— У сенатора Наунета, но он стар. У всех остальных самые развитые синие крылья у дона Тиваза — семьдесят пять процентов. Ты подозреваешь, что море бунтует не просто так?

Он задумывается и отмахивается:

— Просто хочу удостовериться.

37. Майя

Моросящий дождь не прекращается ни на минуту. Бесконечно, словно дёргающее за нервы состояние, требующее что-то исправить... Впрочем, разумом я понимаю, что просто как всегда тороплю события. Всему нужно время. Пусть и маленькими шагами, но я иду вперёд.

Одним из этих маленьких шагов становится Майя Шакти, выплывшая на меня в одной из галерей по пути моего офи-

циального шествия на обед. Небесная донна Шакти, как и я, шестикурсница. Маленькая, смуглая, гибкая. Правда, на мой вкус, донна скорее раздета, чем одета. Потому как, согласно нормам своего клана, носит очень короткий топ, плотно усыпанный драгоценными камнями, и длинную юбку на очень-очень низкой талии. Да и словом «топ» я тут сильно польстила этому предмету одежды. Правильнее верхнюю часть наряда Майи следовало назвать бюстгальтером. Богато украшенным бюстгальтером.

Она является на моём пути, наверное, в одной из самых уединённых галерей. Её многочисленная свита, явно по приказу, отстаёт метров на двадцать, и я тоже делаю своим знак отступить.

С Майей мы хорошо знакомы. На первом курсе она пыталась затянуть меня в свой круг. Но я как-то очень быстро поняла, что слишком далека от этого общества. Не понимаю его. Особенно жестокость, когда интригами одна девица подставляет другую. После как раз одной из таких интриг я от Шакти и ушла. Высказав, конечно, всё своё негодование. Так что то старое знакомство скорее делает нас недругами, чем приятельницами.

Но Майя есть в утреннем списке, поэтому я киваю, приветствуя её. Она же обходится без реверансов:

— Правда, что ты расскажешь тем доннам, что пойдут в твою свиту, секрет, как женщине собрать великий меч?

— Секреты зависят от узора. Но я расскажу всё, что знаю,

и помогу найти то, чего не знаю.

Она немного мешкает, словно сомневаясь в своём следующем вопросе:

— А... за два месяца можно успеть?

Я пожимаю плечами:

— Зависит от того, насколько он развит у тебя сейчас, от того, какой узор ты носишь, и, конечно, от твоего усердия. В принципе сейчас ситуация в мире такая, что мечи могут собираться очень быстро. Что, не хочешь в аллод жениха?

Брачный контракт Майя подписала практически сразу, как пришла в академию по велению семьи. Жених тогда уже заканчивал обучение, и по тому, как она радовалась на втором курсе, что его наконец-то нет в академии, — союз этот ей совсем не нравился. Правда, говорить такое вслух доннам не полагается. Так что и сейчас Майя просто фыркает на меня, холодно добавляя:

— Я приду к тебе вечером, в твои комнаты, и мы всё обсудим.

На этой фразе она разворачивается, явно собираясь удалиться. Как я не люблю все эти их танцы!

— В семь! — Она всё-таки притормаживает, обернувшись на меня. И я добавляю тише и даже с некоторой улыбкой: — В другое время меня может там не оказаться.

38. Куколка

Вторую донну из списка мне, можно сказать, сдают родственники. А точнее, как я и подозревала, Гектор радост-

но притаскивает сестру буквально за руку, используя её как пропуск к моему столу.

Десма Калиго выглядит фарфоровой куколкой. Светлокожая зеленоглазая брюнетка в целом ворохе тонких тканей и с цветочками в волосах.

За весь обед она не произносит ни слова. Даже когда я, пытаюсь хоть как-то разговорить девушку, задаю ни к чему не обязывающие вопросы именно ей, отвечать на них бросается Гектор. Дурацкая ситуация!

К концу обеда, видимо специально, чтобы добить последние капли моего терпения, ещё и является Тигран Анаит. Нарисовывается, чтобы бухнуться на колени прямо тут, в обеденном зале, в самое посещаемое время, и громко так просить у меня прощения за слова дяди.

Так, выдохнуть. Я и сама понимаю, что больше всего меня нервирует погода. Никогда не думала, что могу так раздражаться из-за каких-то волн и мелкого, почти невесомого дождичка. Но у меня есть цель. Остальное — к чертям.

Я поворачиваюсь к девочке-куколке:

— Донна Калиго, я приглашаю тебя сегодня в мою гостиную в семь часов. К тебе, дон Калиго, это приглашение не относится. Сегодня вечером у меня будет чисто женское общество. Мужчинам в него вход закрыт.

Даже не знаю, что хуже: имеющая на меня зуб Майя или вот такая вот средиземноморская Барби. С Майей хоть торговаться можно. А с этой как? Мне ведь, если подумать, ме-

чи адекватные нужны. А то даже не знаю: лучше от такого меча будет миру или он станет чьим-то послушным инструментом и откроет новую войну крылатых.

Отвечать Анаиту я тоже не собираюсь. Я не знаю, что отвечать парню, который стоит в общем зале на коленях, произнёс пару фраз типа извинений, при этом злобно на меня зыряка, и теперь чего-то ждёт. Ну, пусть ждёт дальше. Аппетит у меня уже пропал, так что отличное время объявить, что я наелась, и тупо свалить.

Прочь, в морозящий дождь. Ждать Эсту и идти к Тоси, искать, что там за секреты женских крыльев. Я вытягиваю руку, собирая капли. Пропускаю их между пальцами...

На голову статуи справа приземляется знакомая мне мокрая сова: «Появились дела. Сегодня буду занят». Ну вот, ещё и Майлз куда-то ночью намылился. Бесподобный день!

Глава 8. Майлз. Простые решения

39. Простое решение

Утром я полон решимости. Ночь развеяла сомнения, и выход стал прост и прозрачен. Ну да, возможно, моя женщина выбрала меня, повинувшись потребностям мира. Но какая разница, что заставило её сделать этот шаг, относится-то она к нашим отношениям абсолютно правильно. Как к самым настоящим. А значит, нужно просто позаботиться, чтобы к тому времени, когда потребность мира исчезнет, она любила меня сама по себе. Да! Мою Габриэль нельзя привязать ни договорами, ни клятвами, только её собственной любовью. Она у неё невероятно сильная. Того, кого она любит, она сама не отдаст. Как свою смеску. Захочешь — не отберёшь! Надо, кстати, уже познакомиться с этой Эстелой. Очень уж во многих колодах она фигурирует.

Удивительно, но на выходе из подземного хода, в той самой беседке, меня встречает не Диевас, а опять один из его родичей. Странно. Вчера ладно, то, что его не было в гостиной, не говорит, что он не видел Халиду. О сути нашего разговора можно было догадаться. И в этом случае он вполне мог незаметно остаться после моего ухода в глубинной башне, чтобы присмотреть за донной Иштар и для моей безопасности убедиться, что она не стала следить за мной. Поэтому провожали меня его кузены. А сегодня что? Ещё что-то при-

думал? Мог бы и предупредить. Появится — выскажу!

Лоренцо, как всегда, присоединяется ко мне, выскользнув из-за колонн. Я улыбаюсь ему. Природа вокруг хмурится, но внутри меня солнце.

— И что у нас хорошего этим утром?

— Дон Агни изловил того боевика, который защищал сенатора Умая в драке со студентами в начале недели.

— И кто этот предатель?

— Сеньор Ингви. До лета от врачей он уже не выйдет.

Я усмехаюсь:

— Мало. Такое нужно пресекать жёстче, иначе сенатские наберут себе здесь армию. Родичи у этого Ингви в академии есть?

— Да, пара братьев и, кажется, одна женщина.

— Отлично.Пусти разговоры, что клан Ингви предал молодую власть. Просто пусть об этом говорят.

Остальное я сыграю другими фигурами. Кстати, насчёт фигур:

— Не знаешь случайно, дон Кадеш уже выбрался из вальтудинария? Выздоровел?

Мой смесок удивлённо приподнимает бровь:

— Выбрался. Но исцелён ещё не полностью, ходит с фиксирующей материей. Впрочем, он почти нигде не появляется. Общество не любит тех, кто когда-то был наверху. А дон Кадеш ещё и был грубоват с клятвенниками.

— Отлично. Можешь добавить немного разговоров о его

грубости, чтобы небесные посильнее от него отвернулись?

Лоренцо кивает, наконец понимая, к чему я клоню:

— Хотите взять его под крыло?

Я просто улыбаюсь в ответ. Да, мне нужен белый дон. Моя женщина излишне бесстрашна из-за своего меча. Просто пу-
гающе бесстрашна. И мне нужен тот, кто сможет действовать
даже в небесной башне.

40. Кинжал

Ближе к обеду я уже начинаю волноваться за своего лик-
тора. Его кузены упорно молчат, разве что повторяют, что
Эмилс скоро вернётся. Домой он, что ли, ушёл? Глава кла-
на вызвал? Или, может, сеньориту себе нашёл? Устал ждать,
когда я определюсь с донной? И то и другое мог бы сказать!

В нашей гостиной я сталкиваюсь лишь с Сетхом. Тот за-
думчиво крутит в руках какой-то богато украшенный цвета-
ми кинжал. Ещё один ликтор без дона. Учítывая, что я по-
просил Карима не уходить из академии, пока не выяснится,
как прошёл разговор Халиды с дедом, и тот обещал, что бу-
дет сидеть весь день у своей смески Шатхи, читать новости
в сети бескрылых, — он его там одного оставил?

— А где твой дон, сеньор Сетх?

Боевик вскидывает на меня удивлённые глаза, будто толь-
ко что заметил, что я появился рядом. Потом спешно убира-
ет кинжал за спину:

— Дон Иштар у себя. Переодевается.

Сказано это тоже как-то задумчиво. Обычно он отличает-

ся большей эмоциональностью и в принципе живостью. Дело в кинжале?

— Решил обзавестись оружием на всякий случай?

Сетх снова глядит на меня удивлённо:

— Я? Нет... Это подарок.

Подарок? Нож? Это что-то ритуальное? Символ? И что означает такой подарок? Никогда не слышал.

Карим действительно находится у себя. Он старательно уговаривает меня пойти обедать пораньше. Его сильно раздражает сегодняшняя погода, проблемы у бескрылых и необходимость оставаться в академии. Говорит, что очень устал от Шатхи, она до сих пор его боится. А в своей комнате вообще находиться не может, мешает шум моря. На что я советую ему присмотреться к библиотеке. Ему, как любому дону, там выделен личный таблинум. А если скучно, всегда можно почитать.

Задумавшись, я в который раз гляжу на двери комнаты Диеваса. Они запаяны. Так он обычно закрывает своё пространство, когда уезжает на несколько дней. А в другое время только спаивает верхнюю и нижнюю рейку. Куда его могло унести? И почему именно сейчас? Чтобы создать команду для белого дона, мне нужен ликтор. Хороший и верный боевик. Основное звено. А их мне обычно находит именно Диевас. Ему боевики верят на слово без всяких объяснений.

Я разворачиваюсь. Иштар ждёт моего решения.

— Иди без меня, Карим. У меня ещё есть дела.

41. Блистать

Я кручусь перед зеркалом, размышляя. Чтобы создать новую фигуру — белого дона — мне нужны советник и боевик. Причём подходящий советник уже имеется на примете. Сеньор Офион, тот самый дэв-старшекурсник, что прибилсь ко мне перед тем, как моя Габриэль перевернула крылатый мир. Он умудрился разгадать, что я совсем не ушёл с игровой доски. Слишком умён, да и неплохо успел изучить мои методы. Но разгадав, поступил ещё умней: поклялся, что не обнародует своих догадок в любом случае, но сильно просился под моё крыло. При этом он слишком нагл. Рядом мне такой клятвенник не нужен. А вот в качестве куратора над Кадешем... Да!

С самой фигурой белого дона, Игалем Кадешем, тоже проблем не должно быть. За несчастные три месяца, пока этот небесный был обласкан обществом за родство с Разиэлем, он успел наплодить огромное количество врагов. И не то чтобы я не понимал такого поведения. Приятно почувствовать себя особенным, едва шагнув во взрослый мир. Вот только даже если вскрыть только тот компромат, что уже есть у меня на этого юнца, его размажут по полу в дуэльной башне и надолго отправят к лекарям как минимум трое. Причём одна из них — моя Габриэль. Парень успел сильно обидеть смесок.

Дон есть. Советник есть. Команда почти готова. Вопрос остался только за боевиком. Как же не вовремя пропал Диевас!

Мой взгляд останавливается на отражении в зеркале. Я, как обычно в последнее время, сваял себе нечто неяркое и непримечательное, но... Если сегодня я решил, что мне нужно максимально влюбить в себя Габриэль, то от этой стратегии придётся отказаться. Эта женщина восхищается в первую очередь моей красотой. Ей это важно! Нельзя лишать её этого. Она самая главная из моих целей!

Продолжая смотреть на отражение, я шевелю пальцами, делая ткань рубашки мягче и тоньше, а высокий ворот заменяю на свободное жабо. Потом усмехаюсь, ещё добавляя на шнуровку ворота некрупные бриллианты в толстой оправе. А ещё пару покрупней — в перстни на правую руку. Их отблеск будет привлекать взгляд... Габриэль точно понравится. Остальным... с остальными я справлюсь.

Уже шагнув от зеркала, я ловлю себя ещё на одной мысли. Не стоит врать — мне и самому невероятно нравится блистать. Особенно когда этот блеск так ярко отражается во взгляде моей женщины. Я с упоением наслаждаюсь этим отражением.

42. Ношу белое

Встреча с Офионом получается короткой, но продуктивной. Высокий и худой дэв, одетый в один лишь алый саронг, невероятно яркий на фоне его чёрной кожи. Он практически сразу склоняется, желая принести мне клятвы. И да, даёт он мне их по-детски, без скрепления импульсом, но, думаю, конкретно этот сеньор уже хорошо понимает, что шутить со

мной не стоит. Тем более что официально победители у нас сейчас небесные и только они, а у этого сеньора остался всего год до выпуска, совсем мало времени, чтобы найти сильного доминуса и устроиться в жизни. И после явного присутствия в моей свите в начале года небесный доминус ему не светит. Вернее, светит — тот, которого дам я и на службе мне.

— Я уверен, дону Кадешу сейчас непросто. Он успел создать себе слишком много врагов и репутацию глупца, а после надолго вылетел из процесса раздела влияния. И я хочу, чтобы ты убедил юношу, что единственный его шанс не стать постоянным экспонатом валетудинария — это слушаться тебя. Вернее, правильней сказать, твоего высокородного доминуса, который передаёт через тебя свои приказы. В качестве кнута ты скажешь, что если он не пойдёт на сотрудничество, я донесу публике кое-что из порочащих его историй. У меня есть несколько. Например, про блондинку. Уверен, Габриэль по достоинству оценит мужественность нашего дона. — Я усмехаюсь. Забавно, когда окружающие так боятся твоей женщины. — В качестве пряника скажи, что твой доминус носит белое и щедро вознаграждает тех, кто ему предан, каким бы путём клятвенник ни пришёл к этой преданности.

Дэв удивляется:

— Белое?

Я вытягиваю ладонь, рассматривая перстни на пальцах:

— Видишь этот камень? Какого он цвета? Я его ношу? А какие выводы юноша сделает из этой фразы — это уже не

твоя ответственность. Тем более что я действительно буду оберегать его и награждать, пока он будет мне предан и полезен. И я не буду выставлять его против небесного оптимата. Это было бы неразумно. Я забочусь о своих фигурах. Будет предан мне — займёт уважаемое место среди небесных, войдёт в свиту Габриэль, а как закончит академию, перейдёт за мной в сенат. Ослушается хоть раз — и будет низвергнут на самое дно, с которого я не дам ему подняться. Я даю тебе сутки убедить дона мирно. Завтра в игру вступит силовой элемент.

43. Два магнита

В обеденном зале я, к своему удивлению, застаю Карима. Он явно уже давно закончил трапезу и просто сидит с одним бокалом благодати в руках, особо к ней не притрагиваясь:

— Не хочу возвращаться в комнаты. Эти волны... мне кажется, они прокатываются прямо по моим нервам. Болезненно так, неправильно. Я даже подумал пойти в библиотеку, как ты сказал. Эстела спросила меня о последних женщинах, собиравших великие мечи. Я вспомнил, что о них что-то упоминалось в дневниках претёмного Азазеля, того, кто основал академию. Хотел найти их для неё. Но твой сеньор Ракшас сказал мне, что этих дневников в библиотеке академии давно нет.

Ракшас кивает, подтверждая:

— Основатели действительно оставили изначально свои дневники здесь, в академии, откуда уже студенты унесли ко-

пии по аллодам. Но вот только оригиналов в самой академии давно нет.

Об этом стоит подумать. В кои-то веки мне интересна информация о смеске Эстеле, о которой Карим так любит говорить. И у меня есть то что ей нужно. Дневники основателей академии конечно имеются в аллоде Драгон... но в это время я замечаю кое-что невообразимое. В обеденный сектор глубинных поднимается дон Видар с несколькими студентами из охраны Габриэль.

Небесные поднимаются на антресольный этаж и, оглядев-шись, уверенно направляются к ближайшему столу глубинных, за которым, кроме четырёх высокородных братьев, обедают ещё с десятков их клятвенников. И, судя по лицам — по крайней мере, тех из них, что не особо обучены скрывать эмоции, — они все так же удивлены гостям, как я.

— Сеньор Ракшас, узнай для меня, в чём там дело.

Разговаривает Видар, конечно, со старшим из донов, но не скрываясь. И, судя по мимике, глубинному не нравится происходящее. Студент шарит глазами по залу, но вступать за него никто не спешит. Мы — проигравшая сторона, а за спиной Видара — бойцы победителя.

Небольшая часть глубинных начинает собираться прочь из обеденной залы. На них кажется которую никто не обращает внимания. И я спешу отправить вместе с ними Карима. Уходить мальчишка почему-то совсем не хочет, приходится воспользоваться тем, что материя академии мне послушна,

и просто опрокинуть на Шатху её напиток. Иштар сначала протягивает вскочившей женщине платок. А потом, вздохнув, тянет её прочь из обеденного зала приводить в порядок.

К этому времени возвращается Ракшас:

— Я теряюсь в сомнениях, доминус, как понимать то, что там происходит. Небесный дон Видар принёс игрушку, непонятный предмет, и настаивает, чтобы все присутствующие доны просто расцепили две её части.

— Игрушку?

— Да. Или я не знаю что это. Сенатор Видар принёс два магнита, тонкие такие цилиндры, примерно с ладонь длиной и толщиной с мизинец. Он на глазах донов соединил их концами и велел всем просто руками разъединить их обратно, после чего пообещал благополучно удалиться. Магниты довольно сильные, но не настолько, чтобы взрослый мужчина не смог их разъединить. Все глубинные доны и сеньоры легко это сделали, и он действительно пошёл дальше.

Я тоже ничего не понимаю. Но делать бессмыслицу или что-то просто ради унижения не в характере Видара. Он прямолинейный боевик, который с годами просто научился вовремя молчать и преданно стоять на стороне хозяина в любом вопросе. А значит, игрушка имеет смысл. Какой?

Сектор глубинных небесные не покидают. Оставив в покое один стол, Видар двигается со своей игрушкой к следующему. Причём разделить эту свою штуку требует не только донов, но и их ликторов. Правда, не всех... Лучших! Един-

ственное объяснение... что это какая-то проверка. Он идёт последовательно от одного к другому... Эта штука как-то что-то проверяет. Не понимаю как, но мне есть что скрывать. И небесный сенатор — последний, кому я бы хотел раскрыть свои секреты. А значит, это придётся остановить, причём именно пока основная масса проверку не прошла. Только вот как это остановить из тени?

Дон, к столу которого подходят небесные, пытается сопротивляться, но Видар — преподаватель академии, а главное, за его спиной бойцы «дикой Габриэль». Причём её самой в зале ещё нет. Она знает, что её тренер так использует её имидж и охрану? Ведь глубинные сейчас боятся именно Габриэль...

Бездна! Я ловлю взгляд среднего из братьев Тиамат и произношу одними губами:

— Вы ведь не позволите мне возглавить победу над этим унижением?

Тиамат меня понимает, и через мгновение все три брата со свитой поднимаются. Естественно, как только из-за стола явно собираясь противостоянить унижению поднимаются братья Тиамат, это делают и наследник Бакаба, и все их многочисленные доны. И я тоже как бы просто присоединяюсь к этой волне. Не скрываясь, указываю своим лекторам знаками, что желаю разобраться с небесными. К моей свите неожиданно молча пристраивается кузен Таранис. Без объяснений, но очень уверенно.

Небесных мы окружаем ровным широким кругом. И тут конечно первую скрипку играют лидеры: старший из Тиамат и наследник Бакаба.

— Дон Видар, вы, кажется, заблудились? Могу ли я указать вам путь на выход? Вы не наш преподаватель.

— А ещё вы не наш сенатор, дон. И такое самоуправство не останется безнаказанным.

В хвост этим словесным атакам я и пристраиваю свою:

— Габриэль вообще знает, дон, что вы прикрываетесь здесь её охраной?

Причём вопрос этот предназначен даже не к Видару, он для боевиков, которые так послушно стоят сейчас за его спиной. Они все знают меня. И сейчас этот вопрос, произнесённый именно мной, попадает точно в цель. Парни начинают переглядываться, после чего один из них уверенно произносит:

— Думаю, нам стоит уйти, дон Видар.

Небесный дон бросает гневный взгляд в его сторону, потом ещё раз оглядывает наши ряды и всё-таки принимает разумное решение удалиться.

44. Угрозы

Небесные ретируются быстро. Хотя Видар явно недоволен, но оставаться среди глубинных без охраны не решается. Странное поведение для сенатора, политика должна была научить его осторожности. И ещё один аргумент в защиту того, что его игрушка должна была найти что-то важное.

Очень важное! Причём найти он, видимо, хотел именно тут и публично...

Ко мне же неслышно подходит средний из братьев Тиамат, Дарьюш.

— Паук решил вылезти из норы?

Уверен, конкретно этот дон о том, что я вовсю играю фигурами, скрываясь в тени, даже, наверное, знает. Он слишком умён, у него в распоряжении лучшие тени, а ещё следить за своими, теми, кто живёт в той же башне, значительно проще. Своим о своих и просто болтливые сплетники многое рассказывают. Так что, уверен, он знает, что я просто сменил тактику и играю из тени. И спрашивает, не решил ли вновь выбраться на свет.

— Ни в коем случае! Но меня сильно беспокоит эта ситуация.

Тиамат усмехается, демонстративно проводит по мне взглядом:

— Ни в коем случае? Не похоже! — Намёк на мой внешний вид? Ну да... неудобное совпадение получилось. Никто не поверит, что оно случайно. Именно сегодня я вдруг решил начать вновь одеваться ярко и тут же привлёк к себе внимание как минимум теней как потенциальный лидер. — А ситуация... да, уверен, этот храбрый дон Видар, — слово «храбрый» Тиамат произносит явно с насмешкой, — вернётся. И на этот раз, видимо, с самой Габриэль. — После этой фразы дон оборачивается, кидая напоследок: — Мой совет:

не вылезай. Пожалеешь.

Бездна! Только угроз от нынешних лидеров мне не хватает.

О кузене Таранисе я почти забыл. А он при этом так и следует за мной, в толпе моих людей, к моему столу, и только там произносит:

— Мой отец захочет поговорить с тобой.

Сенатор Таранис? Ещё его здесь не хватало. Но он — самая маленькая из моих сегодняшних проблем. Так что я улыбаюсь:

— Я всегда рад пообщаться с дядюшкой.

Бездна! Уже сев обратно за свой стол, я неожиданно задумываюсь: вот интересно, Асмодей заражает окружающих вожделением, а Габриэль случайно не заражает желанием идти напролом? Глупым таким желанием.

Потому что сейчас, особенно после угроз Тиамат, я уже сомневаюсь по поводу своего выступления против Видара. Возможно, нужно было подождать. Сбежать, а потом просто убрать Видара ночью? Действовать как-то хитрее? Как? И главное, что он искал? И Тиамат прав, Видар вернётся. Не с Габриэль, потому что ещё утром она не имела никаких вопросов к глубинным, а если бы имела, никогда бы не послала вместо себя тренера.

45. Недостойный прощения

Моя Габриэль появляется ещё минут через двадцать, ровно в то время, в которое теперь всегда приходит обедать. А

значит, Видар точно знал, что её здесь не будет. Не пора ли убирать эту карту из колоды?

Толпа свиты, теперь всегда окружающая мою женщину на обедах, потоком вливается в обеденный зал, чётко выделяя в середине свободное пространство, в котором сегодня, кроме самой Габриэль и Мойры, очень довольный этим фактом, шествует Гектор Калиго. Рядом, но при этом отдельно.

Я ловлю себя на мысли, что нахожу прекрасным решительный шаг моей женщины и ледяную строгость на её лице. Особенно в сочетании с тем огненным желанием, с которым она умеет смотреть на меня... Единственное, теперь во мне есть неуверенность. Вокруг моей Габриэль всегда множество донов, открыто добивающихся её внимания. Тот же Мойра, ведущий себя так, словно получил благословение обоих кланов на эту женщину и ждёт лишь её согласия. Раньше их присутствие меня не задевало. Я ставил фигуры и готовился убрать Янниса Мойру с дороги буквально накануне как моя женщина объявит о своём решении. Она не смотрит ни на кого из них так... Но что, если к тому моменту она перестанет смотреть так и на меня... а тут они.

Перед такой угрозой все угрозы Тиамат, хоть всех троих, кажутся мелочью. Есть битвы, которые нельзя пройти, не на шумев, и эта — одна из них. И я готов в ней драться! Безумие, но за эту женщину готов. Потому как без драки тут не получится.

Тигран Анаит является к середине обеда Габриэль и вы-

полняет свою часть чётко, как я и требовал. На коленях, как признающий свою объективную слабость, громко и публично, чтобы подчеркнуть глубокую вину рода. Красный дон постарался.

Даже если Габриэль сжалится и поднимет дона Анаита с колен — всё-таки великий небесный клан, — у признания вины останется целый зал свидетелей. Все великие кланы, представленные сейчас в академии, услышат каждое слово. Если Габриэль коротко признает, что не будет мстить, это тоже скорее скажет о её благородстве, чем о слабости. Милость сильного. На то, что Габриэль ответит, что вина велика и требует расплаты, я даже не рассчитывал. Она не злопамятна и если бы желала наказать, сделала бы это сразу.

Но... моя дикая женщина удивляет всех. Она игнорирует стоящего на коленях небесного дона. Мало того, она окидывает его гневным взглядом, встаёт и уходит вместе со всей свитой. То есть извинения не приняты, извиняющийся недостойн прощения... Кажется, драка с небесными начнётся даже раньше, чем я думал.

46. Прилежная донна

Погружённый в осмысление ситуации, я поднимаюсь по лестнице. Я что-то пропустил? У Габриэль есть какие-то личные счёты к младшему Анаиту? Почему она отказала ему в прощении? Он обижал смесок? Сказал что-то про Эстелу? Чем ещё можно разгневать мою Габриэль так, чтобы она не размазала по дуэльному кругу, а именно затаила обиду? И

главное, как я это пропустил?

В этих размышлениях, в наблюдении за происходящим вокруг, я опрометчиво полагаюсь на охрану, в результате чего чуть не врезаюсь в Халиду.

— Дон?!

М-да. Она сестра Карима, и я лично ещё вчера принимал её в нашей гостиной, потому охрана и не подумала оттеснить её, когда она оказалась слишком близко. И мы на лестнице из обеденного зала, на виду у всех, кто вздумает поднять голову. Интересно, что она здесь делает? Впрочем, в самой нашей встрече ничего предосудительного нет.

Я спешу кивнуть, приветствуя донну, и отступить, пропуская её. Но она не пользуется предложенным. Вежливо кивает мне в ответном приветствии и тихо произносит, так что отставшая от неё на десяток шагов свита услышать фразу не может:

— Дон, я должна обратиться к вам. Думаю, вы и сами понимаете, ему нужен нормальный учитель.

Видимо, она специально искала встречи. Впрочем, её сомнения здесь я разделяю. Бескрылый — не учитель для великого меча. Иштару действительно нужен нормальный наставник.

Я чуть улыбаюсь, чтобы со стороны наше общение смотрелось лишь обменом любезностями. И чуть наклоняю голову, чтобы взгляды из обеденного зала не смогли прочесть по губам, что именно я говорю:

— Если у вас имеется надёжный кандидат, я готов устроить его вызов в академию. Только без привлечения посторонних. Возможно, старейшина сам возьмётся учительствовать?

Это было бы хорошим решением. Мне нужен выход на старейшину Иштар.

На мою абсолютно безобидную фразу Халида реагирует оригинально: резко отшатывается, вспыхивает, заливаясь краской смущения, вздёргивает подбородок и произносит фразу, никак не сопоставимую со всей этой бурей мимики:

— Думаю, дедушка согласится пойти на такое. Я сообщу вам.

После чего излишне спешным шагом, не глядя на меня, бросается прочь.

И... И вот только когда силуэт моей бывшей невесты уже скрывается за поворотом, я сообщаю, что это было. Бездна! Только что все, кто соизволили поднять головы в обеденном зале, увидели, как прилежная донна Иштар просто поздоровалась со мной, следуя правилам вежливости, а я ответил ей нечто, что вогнало девицу в краску. То есть все сегодняшние ухажёры Халиды получили сигнал, что я снова вступаю в борьбу за эту женщину. А припоминая мою тактику в прошлый раз, они постараются не ждать и ударить первыми. Кто там за это время успел вписаться в её круг? Паранцов и... младший из Тиамат. У!

Я не хочу эту женщину, но она только что втянула меня

в драку за неё.

И я не уверен, что это её единственный удар. Что она делает ещё? Женщины! Да, уверен, она использует своё близкое знакомство с женщинами моего клана и постарается донести до мамы и бабушки свою версию событий. И все мои оправдания не будут стоять ничего... Если только я раньше не объявлю семье, что точно не буду возобновлять ухаживания за донной Иштар... Почему? Ну... когда-то мне всё равно придётся им это рассказать. Потому что у меня есть другая донна! Да, и это нельзя изменить, потому что я безумно влюблён. Рассказывать о моих чувствах клятва мне не запрещает. Да. Не почётно, но зато после такого откровения женщины не поверят ни одному слову Халиды.

В итоге уже через пару минут две птицы несут свои послания. Одна — в родной аллод, что я хочу прийти прямо сегодня. Вторая — к Габриэль, что вечером она меня не увидит.

Глава 9. Арманда. Брачный закон

47. Брачный закон

Все уже давно собрались, а Тоси всё стоит на самом краю скалы и смотрит на глупо беснующееся море. Намереваясь как-то вежливо уже позвать старика заниматься, я подхожу ближе. Но он вдруг, не оборачиваясь, спрашивает:

— Как ты думаешь, что с Океаном? Что он чувствует?

— А океан может что-то чувствовать?

Старик всё-таки поворачивается ко мне, хмурясь:

— Мир может чувствовать! Ты — одно из чувств этого мира. Просто прислушайся к себе, что с Океаном?

Я пожимаю плечами. Не прекращающийся второй день шторм сильно треплет мне нервы:

— Думаю, ему больно...

Тоси вскидывается:

— Ему нужна помощь?

— Ну, разве что подзатыльник, чтобы не маялся дурью.

Старик усмехается, снова разворачивается к морю, но потом всё-таки добавляет:

— И ты ведь знаешь, куда идти, чтобы отвесить этот подзатыльник? Если отбросить всё, куда бы ты сейчас хотела пойти?

Я не отвечаю. Если отбросить всё, я бы хотела догнать Майлза. Записку мне принесли меньше получаса назад. Зна-

чит, куда бы ни собирался, он ещё в академии. Скорее всего, у себя в глубинной башне, увлечённо ваяет воланчики на рубашке. Он подолгу это делает. И если отбросить всё, я бы хотела просто зайти к нему буквально на минутку... поцеловать, взглянуть в глаза... Как дура малолетняя, прочитала, что не увижу вечером, и уже соскучилась!

И да... к Тоси и беснующемуся океану это всё точно никак не относилось. Старик уверен, что я должна что-то чувствовать? Может, и должна, но все мои чувства сейчас заняты другим. Целиком!

— Начнём занятие? У меня есть вопросы.

Он отмахивается:

— Я уже сказал тебе, что не знаю иных причин, кроме лени, того, что в этой эпохе женщины не собирают мечи.

Ну да, вся академия, во всяком случае все, кому это интересно, знают, какой именно вопрос я копаю сейчас.

— Я поняла это, дон. Потому сегодня хотела бы изучить тему из области законодательства. Какие преимущества в брачных вопросах даёт женщине великий меч?

Донны как-то не стремятся ко мне. Не видят смысла строить меч, его преимуществ. Но пример Майи говорит, что эти самые преимущества есть, просто я не знаю где, а потому не знаю, как привлечь женщин. Доннам не нужна власть над миром, но они могут заинтересоваться возможностью выбрать другого жениха, например.

И в этом тот самый мой вопрос. Я ткнула пальцем в небо,

предположив, что мотив Майи именно в том, чтобы избавиться от жениха. Вернее, это просто было первое, что приходило в голову в связи с поставленным сроком. Окончание учёбы для донны — это свадьба. И, судя по реакции, я угадала.

Но если подумать, Майя не глупа и понимает, на том же моём примере, что юный великий меч, не заслуживший ещё авторитета, не обладает возможностью нарушать законы. Даже мне ещё до этого драться и драться. А значит, она знает какой-то законный способ, будучи великим мечом, избавиться от заключённой помолвки?

Этот мой вопрос Тоси принимает. У него есть такое. Некоторые вопросы он принимает, задумывается, а после начинает издалека, подробно и очень доходчиво объяснять. А на некоторые отмахивается сразу или тупо молчит. И сдвинуть его пока не получилось ни разу.

Сейчас старик поднимается наконец на свою террасу, неспешно подходит к тому месту, где любит сидеть прямо на голом полу, так же неспешно усаживается, а потом, спустя долгую паузу, начинает рассказывать:

— В середине пятого века, когда большая часть крылатых семейств ещё жила среди бескрылых, таким образом обеспечивая себе почитание и поток благодати, молодой Самаэль из рода Ванов, Атил, пожелал забрать себе женщину из рода Калиго, Гонорию. Вот только в тот момент у Атила Вана уже было семь жён и как минимум одна из них — донна из

северных кланов. Атилу отказали, даже с учётом того, что Гонория Калиго была согласна. В результате Атил устроил войну. Множество уничтоженных или почти уничтоженных кланов крылатых, большой перераздел земель у бескрылых и тот самый толчок, который заставил крылатых перенести свои дома в аллоды. Но кроме всего прочего, когда горячка войны спала, именно по её следам был принят закон, усиленный магией полных мечей, повелевающий, что если какой-то великий меч, воспылав любовью, желает забрать себе «по праву силы» какую-то женщину или мужчину — в то время любовь между мужчинами считалась нормой, — то ему беспрепятственно должны отдать запрошенное. Потому как с великими мечами всегда непонятно, каприз это или потребность мира, за которую он упрётся и преодолеет любые препятствия.

Тоси ваяет себе трубку, уже забитую табаком, слегка приминает его там пальцем, щёлкает этими же пальцами, высекая искру, и, затянувшись, продолжает:

— В одиннадцатом веке, уже по инициативе небесных, этот закон был дополнен. Тогда Рафаэль из рода Шакти забрал себе женщину из вражеского клана Иштар. Забрал силой и, опасаясь, что она приведёт в аллод врага, не назвал женой, тем самым не дав власти над материей аллода. Женщина затаила злобу, и через пять лет её дочь, сочувствуя страданиям матери, открыла врагу двери в аллод, и клан Шакти был почти уничтожен. А потом этот самый Рафаэль ещё два-

дцать лет пытался вернуть своих «не жену» и дочь. И для мира это противостояние обезумевшего великого меча и обиженной женщины с вставшим на её сторону родным кланом также стоило множества жизней крылатых и целых народов бескрылых. Потому в конце одиннадцатого века в закон была внесена поправка, что если какой великий меч забрал себе женщину «по праву силы» и вступил с ней в связь как мужчина, то она тут же, безусловно, становится его женой. Это единственное место в данном законе, где указан пол великого меча. И это единственный закон, который как-то выделяет великие мечи на брачном и любовном поприще. В итоге, если применять его к женщине — великому мечу, то единственное, что ей позволено сверх обычного, — это «по праву силы» объявить любого мужчину своим. Но это «своим» не будет означать мужем. Оно вообще будет носить, по современным меркам, неясный статус. А чтобы назвать этого мужчину мужем, понадобится абсолютно так же договориться с ним самим и между кланами. Так что я бы сказал, что преимуществ нет.

— А разорвать подписанный предварительный брачный договор женщине как-то может помочь статус великого меча?

Тоси морщится:

— Нет. Все условия брачного договора прописаны в нём самом, и, кроме как по этим условиям, разорвать его абсолютно никто не может.

Хм. И как тогда Майя планирует с помощью великого меча избавиться от помолвки? Она ведь явно уверена в этом. В её договоре что-то такое прописано? Вряд ли. Непонятно.

Я оглядываюсь, обдумывая услышанное и решая, спрашивать ли ещё на эту тему или уже передать, как обычно, право задавать вопросы «от моего имени» Эсте, когда случайно натыкаюсь взглядом на Янниса. Он озадачен. Ну да, опасные ведь вопросы задаю.

48. Неожиданное решение

Мы сидим в гостиной втроём, как раньше — казалось, уже целую жизнь назад, — я, Эста и Рик. Впрочем, ностальгией страдаю только я. Эста строго выговаривает Рику:

— Молчун, то есть Видар пожелал проверить глубинных, и гномы просто пошли с ним?

— Ну, я же велел парням присматривать за доном. Его бы уже раз десять уложили к лекарям, если бы мы за ним не присматривали!

Дело выглядит запутанным. Видар не успокоился и после своих вопросов утром двинулся обшаривать академию в поисках, как я понимаю, вновь собранного великого меча. Судя по рассказам, перебрал все кланы, за последние триста лет собиравшие узор Цадкиила, а финалом пошёл проверять глубинных прямо в обеденном зале. Всех подряд! Всё это мне рассказал прямо перед ужином Агни, без экивоков резюмировав, что за такое Видара теперь точно убьют:

«Я знаю, он был лучшим боевым командиром у Разиэля.

Да и ты ценишь его в первую очередь как воина, а не советника. Но такими выходками он подставит и тебя. Да и за его собственную жизнь я бы теперь не ручался».

Я в задумчивости тру виски. Шторм, кажется, бьёт волной прямо в темечко.

— Рик, а что за штука, которой Видар проверял демонов?

— А, там не в штуке дело, домина, а в знании слабых мест нового меча. Дон Видар хорошо их знает. Он давал им просто два стержня, крепко примагниченные друг к другу. Нужно применить силу, чтобы разделить их. При этом стержни эти достаточно тонкие, если ты слишком силён, ты их сломаешь. У нового меча большая сила, и он плохо ею управляет. Полагаю, четыре месяца назад, когда дон Видар только начал с вами заниматься, вы бы тоже с этой задачей не справились. Она слишком ювелирна для молодого меча.

Я поворачиваюсь к Эсте. Она смотрит на меня с жалостью:

— Другому я бы предложила таблетку от головной боли. Но при твоей божественности, боюсь, не поможет. Так что я попробую просто резюмировать всё коротко и понятно. Видар и Тоси явно абсолютно уверены, что где-то в академии собрал крылья великий меч, стихийник воды. В эпоху асуров этот узор звался Нептун, Посейдон, Океан. В наше время: Цадкиил — Валефар. Причём ладно бы просто собрал, нет, этот гад устроил водопредставление на всю академию и тебе головную боль. Вспоминая твои первые дни после сборки меча, — Эста морщится, — вряд ли специально.

М-да. Начерта Видар бросился так рьяно искать этот самый меч? Собрался, значит, скоро объявится. Ну... или, если это глубинный, попытается подобраться ко мне поближе и убить. И именно у глубинных мой наставник и искал... Видимо, этого он и боится. Ну да... просто действует очень ту-по. Он не хитрец, а крылатые ещё и однобоки в хитростях. Обмануть, выследить, подставить — легко, вывернуть ситуацию так, чтобы с тобой сотрудничали, — немыслимо. После таких поисков этот меч только глубже спрячется.

— Как думаешь, за четыре месяца насколько вообще может продвинуться узор крылатого?

Она разводит руками:

— В данной ситуации, когда миру так нужны мечи, насколько угодно. Яннис добавил уже почти десять процентов узора. В среднем по полсотни перьев за месяц. При этом тот же Агни, насколько я видела, не прибавил ни одного пера.

— Тогда нужно снова подрядить Лоренцо проверить узор глубинных. Так же, как в прошлый раз, разрешаю врать в большую сторону про тех, у кого узор не дотягивает до восьмидесяти процентов. Они мне не нужны, пусть торгуется, как ему удобно. Мне нужен лишь точный список тех, у кого больше девяноста. Причём, как я понимаю, Валефар — это точно боевик?

Этот вопрос был Рику. До того как его крылья начали терять перья, он сам носил начало именно этого узора. Мой главный ликтор кивает, а потом добавляет:

— Дон Видар проверял и низкородных бойцов.

— Это возможно? Есть вероятность, что низкородный собрал узор великого меча? Такое было хоть раз?

Рик пожимает плечами. Зато отвечает Эста:

— Вероятность есть, хоть и очень-очень крохотная. Яннис со своими, по сути, низкородными крыльями крайне глубоко изучал вопрос. Говорит, откопал аж три случая за последнее тысячелетие, когда низкородные собирали великие мечи. В официальной истории их нет. Все трое были боевиками. И даже секрета сборки меча, скорее всего, не знали. Попали пальцем в небо. Ну и все трое, конечно же, быстро погибли вместе со своими семьями, потому как великие кланы совсем не жаждали пополнения.

Я задумываюсь. Низкородных Лоренцо мне не проверит. Это не тридцать донов со скалы скинуть, только глубинные сеньоры — это более шести сотен мужчин.

— Устроим олимпиаду? Молот покидаем. Канат поперетягиваем. Раздадим боевикам звания «самый сильный», «самый быстрый» и так далее. В этом дурацком мире вообще проводились хоть раз спортивные игры? В академии, так чтобы не одним оптиматом, а все вместе соревновались? Рик, как думаешь, парни заинтересуются?

Судя по взглядам моей команды, решение моё очень неожиданное. Рик собирается что-то ответить, но в двери просовывается беспардонная лысая голова Паньгу:

— Домина, донна Шакти прибыла. Говорит, вы пригла-

шали её.

Я машу Паньгу:

— Задержи её буквально на минутку. — А когда он выходит, говорю: — Рик, к Видару приставь парней, но только не из моих гномов. И обдумайте по поводу олимпиады. Завтра перед тренировкой обсудим.

49. Донна-куколка

Майя Шакти врывается в мою гостиную разгневанным метеором, оглядывается вокруг и фыркает:

— Вижу, ваять ты так и не научилась.

Я не отвечаю. Во-первых, это только приведёт к ругани, во-вторых, в мою голову до сих пор стучится море, и сил на лишние телодвижения нет.

Почти сразу вслед за Майей на пороге появляется Десма Калиго. Она кивает мне, вежливо приветствуя, и, следуя тем же правилам вежливости, дожидается моего жеста, приглашающего проходить. Именно этот жест замечает Майя, резко обернувшись:

— А она здесь зачем? Мы так не договаривались! Я не буду при ней ничего обсуждать.

Я пожимаю плечами:

— Тогда уходи. Я ищу женщин, которые смогут войти в мою свиту, дать клятвы: тайну и правду, и приносить пользу. А развивать мечи тех, кто мне не подчинён, я не имею никакого желания.

Майя разворачивается, прожигая меня глазами, но этот её

жест полностью обесценивает Десма:

— Я согласна дать клятвы. Будет удобно ссылаться на них перед всеми, когда не хочется что-нибудь рассказывать. Мало ли что Габриэль могла объявить тайной.

Майя фыркает:

— Ты хочешь собрать крылья?

Куколка в ворохе тканей мотает головой:

— Нет. Зачем? С мечом дед продаст меня дороже, но лично мне это никакой выгоды не принесёт. Причём даже более вероятно, что продадут меня тому же. В отличие от твоего жениха, мой и так наследник, и то, что мой меч автоматически сделает его главой рода, планов нынешнего главы не нарушит. С другой стороны, в свите Габриэль может оказаться очень даже интересно. Да и меня уже слегка подутомил мой младший братец, а здесь его снова в считанные дни Мойра подставит под какие-нибудь прегрешения, и он, с лёгкой руки Габриэль, отправится молчать в валетудинарий.

Замершая у дверей в вежливом полупоклоне Эста тихонько прыскает, сдерживая смех. Я тоже смотрю на донну-куколку с нескрываемым одобрением. Она вовсе не глупа и не труслива. Своеобразна, но вполне может оказаться полезной.

— Насчёт крыльев я не буду настаивать. Да, я хочу увидеть, в каком они сейчас у вас состоянии, расскажу, что знаю о развитии этого узора, но настаивать не буду.

Десма тоже аккуратно разглядывает мою гостиную, но

своих оценок даже в мимике не выдаёт. То же самое выражение глупенькой восторженной куколки:

— А чем мы можем быть тебе полезны? Ты дашь нам какое-то задание?

— Да, у меня всегда много заданий. Сейчас, например, — я задумываюсь, что можно поручить донне, эдакому цветку, далёкому от власти и политики, — мне нужно провести олимпиаду.

Выражение лица куколки делается очень заинтересованным:

— Олимпиаду? Согласно начальным традициям или тем, что сложились уже после сотого года? Или по первому регламенту Геры? Всё-таки регламент писался под бескрылых, и многие пункты там для крылатых бессмысленны.

Я поднимаю ладони, останавливая её:

— Мне нужно, чтобы абсолютно все доны и сеньоры всех четырёх оптиматов вышли и добровольно посоревновались хоть в чём-то, что требует силы, ловкости или точности. Это единственное, что для меня важно. Все остальные моменты я готова отдать на ваше усмотрение. Делайте, как хотите.

Десма увлечённо задумывается, а мне всё больше и больше нравится идея полностью свалить эту олимпиаду на них. Будет и соблюдение традиций, и этикет, и всё, что там полагается. А я просто посмотрю состязания и потом проверю тех немногих, кто отказался участвовать.

Я перевожу взгляд на Майю:

— Ну что? Уходишь?

Она сжимает губы, но потом с неохотой произносит:

— Я тоже готова дать клятвы.

У Майи узор Уриэля, серо-голубые крылья громовержца, развитые процентов на девяносто. Очень хороший уровень, но за два месяца достроить — вряд ли. Особенно если Тоси и Видар правы, и прямо сейчас где-то в академии уже собрал крылья Океан. А значит, мир может уже перестать активно подталкивать к сборке как минимум узоры микрокосма. А может и не перестать.

— Что ты делала, чтобы развить его?

— Полтора года вместе с братом занималась боевыми искусствами и медитациями. Узор у него тот же. Но у него за это время добавилось аж пятнадцать перьев, а у меня ни одного.

Ещё больше меня удивляет узор Десмы. Коричнево-медные крылья с витиеватой, словно надпись, бежевого цвета. Но главное, не закрашены в этот новый для меня узор только четыре пера. Четыре!

— И они тоже не развиваются?

— Нет. Они ровно такие, как были, когда я впервые их открыла в свои шестнадцать лет.

— А что это за узор?

— Вритиэль или Азазель. Имя Азазель мне больше нравится, но если пристраиваться под флаги небесных, конечно, будет Вритиэль.

50. Секрет крыльев

Когда донны уходят, Эста устало бухается в одно из кресел, рассуждая вслух:

— Всё загадочней и загадочней получается. Ведь выходит, что секрет всё-таки есть. Если Шакти занималась наравне с братом... пусть даже плохо занималась... хотя эта стерва упорная, если хотела меч, то занималась изо всех сил... и ничего? Я бы поняла, если бы брат раскрасил пятнадцать перьев, а она одно. Хотя бы одно! При том, что её брата мы проверяли, там еле-еле три четверти узора набирается. Да и пятнадцать перьев за полтора года тоже так себе результат. А с Калиго вообще... С такой полнотой узора мир должен сейчас тащить её за уши к финишу. Всего четыре пера — и заработает малый лик. Но... Есть что-то, что не даёт женщинам этой эпохи собирать мечи. И это не генетическое препятствие — две тысячи лет назад его не было. И ты его как-то обошла... Может, у них какой-то запечатывающий ритуал есть? Ну или, не знаю, мода перья для красоты девочкам подрезать? Карима надо поспрашивать.

Подруга переводит на меня взгляд:

— Ты как?

Я морщусь:

— Гадко. В жизни ничем не болела. А тут состояние... будто под носом катастрофа, а я её не вижу. Что там у людей, кстати?

Эста пожимает плечами:

— Всё то же самое. Война, эпидемия, ложь. Активное движение к разрушению. Причём оно явно набирает обороты. Как снежный ком увеличивается и ускоряется.

— И если Океан собрал крылья, то ещё ускорится. Он ведь тоже меч янь?

— Да, Цадкиил — Валефар это янь. Движение в никуда усилится. Зато он стабилизирует микрокосм — уменьшатся капризы природы. А то вчера в ленте опять ураганы были.

Я задумываюсь:

— Два меча янь, а почти готовый инь шесть лет не может докрасить несчастные четыре пера! Что это за узор такой у неё? Как он звался у асуров?

— Вритиэль? Египетский Тот, аркадский Набу, Афина, Минерва. Я, кстати, много раз встречала её в библиотеке. Хотя там, конечно, не разобрать, что именно она со всей своей свитой читает. Но думаю, ты и сама заметила, девица не так проста, как любит казаться.

Я просто усмехаюсь в ответ. Разговор с Десмой мне понравился уже тем, что она действительно оказалась умнее и самостоятельней, чем я решила в начале. Впрочем, есть ещё один момент, который я в этом разговоре не поняла:

— Ты разобрала, как именно Майя планирует с помощью великого меча отделаться от жениха?

Эста оборачивается на меня:

— Куколка Калиго же всё объяснила. Если у Майи будет великий меч, её жених автоматом станет главой своего кла-

на, а он на этом месте ни у кого не вызывает восторга. Так что красотка Шакти надеется, что стоит ей собрать меч, клан жениха пойдёт на переговоры и разорвёт помолвку. Ты из-за неё пыталась Тоси по брачному законодательству? — Я просто киваю. Она смеётся. — Яннис сильно напрягся.

— Ему полезно. Давно мог бы понять, что смотреть надо в твою сторону, а не в мою.

Эста хмыкает:

— Он не настолько свободен, чтобы решать такие вопросы. Вообще не свободен! Я могу сколько угодно его тискать, и это может вызывать в нём сколько угодно горячие чувства, но главная его цель — это крылья, которые возле тебя развиваются. А остаться в этом самом «возле тебя» клан, оптимат и вообще весь мир крылатых позволит ему только мужем, причём именно твоим.

— Но он должен бы уже заметить, что как муж и в принципе мужчина меня не интересует?

— О, это он заметил. Только скорее уверен, что тебя вообще ни один мужчина не интересует. И это, конечно, досадно, но ради крыльев...

Эста уходит к себе. А я ещё пару часов ворочаюсь, не в силах заснуть. И только где-то за полночь, наконец засыпая, осознавая, что шторм пошёл на убыль. Что бы там ни мучило стихию — оно отступило. Ну, или взяло своё.

Глава 10. Майлз. Признание

51. Влюблён

Застать маму одну не получается. В долине, у матери Оливера, сиделки, и все высокородные женщины дома там. Все сразу. Даже мои сёстры.

И это при том, что времени тихо подождать до утра у меня никак нет. Я роздал кучу поручений своим сеньорам, озадачил Лоренцо, своих донов. Мне нужно разгадать, что искал Видар, и, скорее всего, обезвредить для себя эти его поиски. Нужно не дать братьям Тиамат ударить первыми. А ещё понять, почему так прошло с младшим Анаитом, и как-то исправить в глазах общественности положение. Впрочем, в последнем пункте я слегка надеюсь на Мойру. За просто так ему что ли позволено крутиться почти целыми днями вокруг моей женщины?! Но, вернувшись, всё равно придётся выяснять, что он предпринял, и, возможно, доделать.

Мама замечает моё появление, улыбается, но тут же хмурится:

— Майлз, что-то случилось?

И в этом её вопросе, слышном абсолютно всем, столько переживания и заботы, что, попроси я её сейчас переговорить со мной наедине, все остальные женщины только больше испугаются. Страх породит слухи и домыслы, что мне абсолютно не нужно. Поэтому, как бы мне ни хотелось, гово-

ритель придётся со всеми сразу:

— Я хотел кое-что рассказать вам. Всем вам. Этот вопрос касается семьи, и я хотел бы, чтобы он остался в семье, но и в то же время не был ни для кого из вас тайной. Это очень личное... Но оно касается жизни клана. Дело в том...

Клятва запрещает мне рассказывать кому-либо об отношениях с моей женщиной. Я не могу ни сказать, ни намекнуть на то, что между нами. Но я могу говорить сколько угодно о своих чувствах, мыслях, надеждах.

— Дело в том... что я влюбился! — На это заявление в комнате повисает тишина. — Мне всегда казалось, что это чувство в его неразумной всепоглощающей стадии — удел глупцов. Что ему поддаются, подчиняются, меняя все свои планы, лишь слабаки, те, кто не контролирует происходящее. Но, выходя утром к завтраку, я неизменно думаю об этой женщине, ищу её глазами, ревную даже к тем, кого она обжигает холодом безразличия. Я начинаю скучать, стоит ей только отвернуться. А главное, я не вижу смысла в своей жизни, если в ней не будет её. Я всегда был осторожен, но за неё готов кидаться в драку. И... вчера я обсудил с Каримом Иштар, будущим главой клана, что не стану вновь ухаживать за его сестрой Халидой. Союз между нашими кланами очень важен. Но мы договорились, что его свяжет Оливер. В следующем году в академию придёт ещё младшая из сестёр Иштар, Оливер сможет выбрать любую. Я же... я буду добиваться мою донну. Я верю, что получу её публичное со-

гласие уже в конце этого года, и тогда вас познакомлю. Надеюсь, вы простите меня.

В молчаливых взглядах в мою сторону я читаю удивление, жалость, осуждение и даже восхищение. Последнее, правда, можно не считать, мои сёстры ещё не понимают, как устроен этот мир. Восхищаться тут нечем. Осуждать — да. Уверен, от меня ждали большего. И пока это не произнесено вслух, я спешу попрощаться и сбежать. То, что я хотел, я сделал.

О таком, не красящем меня признании посторонним рассказывать не будут. Даже Халиде. А не зная о нём, гладко солгать, так чтобы мама или бабушка поверили, она не сможет.

52. Помощники

Правда, избежать совсем разговоров с роднёй мне всё-таки не удаётся. Заскочив в библиотеку скопировать для смески Габриэль дневники основателей академии, я натыкаюсь на старейшину.

Он сидит в широком мягком кресле, укрытый пушистой шкурой. На небольшом столе разложены листки и дневники. Он поднимает на меня глаза:

— То, что ты сказал женщинам, правда?

Ему уже доложили? Я слегка изворачиваюсь:

— В том, что я им сказал, не было ни слова лжи.

Он с пониманием кивает. Потом снова то ли спрашивает, то ли констатирует:

— Наш новый глава дал тебе задание, с которым ты не справился.

Это скользкая тема. Мне неизвестно, насколько дядя посвятил старейшину в то, что мне поручил, а главное, насколько мой двоюродный дед приветствует этот план дяди.

— Это очень непростое задание. Я продолжаю искать способы его выполнить.

— И потому он полагает, что тебе нужна помощь на территории академии.

Я удивляюсь:

— Помощь? — У дяди нет по-настоящему сильных и преданных сторонников. Какая помощь? Кого бы он ни привлёк, высок риск предательства. Тем более на территории академии. Если он кого-то посвятит там в этот план... — Это было бы катастрофой. — Не нужно никакой помощи.

Старик пожимает плечами:

— Я сказал тебе всё, что хотел сказать.

В академию я возвращаюсь ближе к полуночи. Встречает меня всё то же беснующееся море, пара кузенов Диеваса и Лоренцо.

— Как успехи? Мойра как-то объяснил общественности, почему Габриэль не приняла извинения?

Смесок пожимает плечами:

— Невнятно. Намекнул, что там не всё так просто.

То есть, по сути, оставил разбираться мне?

— А с игрушкой Видара кто-то проболтался, что это была за штука и зачем?

— Нет, никто ничего не говорит. Но утром сенатор Ви-

дар активно проверял небесных и нейтралов и, кажется, был уверен, что где-то собрался или скоро соберётся новый великий меч.

Он вычислил Асмодея? Или ещё кто-то собрал крылья?

Возле моих комнат, на том самом диване, за который я выговаривал Диевасу, меня ждёт Карим.

— Что-то случилось?

Он морщится, пожимает плечами:

— Уснуть не могу. Море мешает.

Море... мне тоже мешает. Столько проблем сразу. Вот как я буду выкручиваться по поводу непринятых извинений Анаита? Только войны Габриэль с небесными мне сейчас не хватало. И... даже если я что-то придумаю, закидывать-то эти объяснения надо именно в среду небесных. А мой белый дон ещё только на стадии создания. Причём ему ещё даже ликтор не найден. Где, наконец, Диевас?

Я оборачиваюсь на двери в комнаты моего главного ликтора. Задумываюсь. Имею ли я право так вторгаться в жизнь своего клятвенника? С учётом, что он не дал никаких объяснений...

— Карим, откроешь для меня комнаты Диеваса?

Иштар смотрит на меня удивлённо. Потом пожимает плечами и щёлкает пальцами, испаряя нужную мне дверь.

53. Комнаты Диеваса

В следующий момент я спешно запрыгиваю на диван, взбираясь повыше. Потому как из открывшегося проёма на

нас устремился поток воды... кажется, просто воды. Но это невозможно. Потому что материя в комнатах студентов подчинена им, но не может покидать это пространство. А тут целая волна, почти по пояс, выплеснувшаяся из личных комнат Диеваса и разом заполнившая всю гостиную.

Что-то тут совсем неправильно:

— Карим, можешь убрать всё это?

Поток с пола собирается в среднего размера куб, который задвигается в угол. Я спрыгиваю на пол:

— Ну что ж, давай разбираться.

В комнатах Диеваса творится какое-то безобразие. Обстановка словно тает и течёт. Под ногами хлюпает вода. Если подумать, так ведёт себя материя под властью больного крылатого. Но зачем раненому лежать в своих комнатах? В вале-тудинарии воздух наполнен благодатью, и заживление идёт быстрее, а ещё материя там по одному приказу персонала перестаёт подчиняться больному и, как минимум, не устраивает вот такого бардака.

Впрочем, я знаю ещё одну «болезнь», которую как раз от лекарей было разумным скрыть. Один из моих дядек собрал свой малый меч, как раз когда я был дома на каникулах. И он действительно тогда почти двое суток был абсолютно не в себе, и материю вокруг него стабилизировал дед. Видимо, как раз от такого влияния. Вот только если это действие собранного меча, зачем было скрывать его от меня?

Я не знаю расположения комнат на территории Диеваса

и заглядываю подряд во все двери. Из большинства на меня обрушивается вода. Так что я мокрый по пояс, да и стою в воде почти по колено, когда наконец нахожу своего ликтора.

В этой комнате вообще всё в воде. А переступив порог, я проваливаюсь по пояс. А сам Диевас плавает во всём этом абсолютно бессознательный.

Мне требуется зайти в воду по грудь, чтобы ухватить его за ногу, вытаскивая на более-менее сушу. Он дрожит и невероятно горячий. Одежды на нём не сохранилось, так что я могу точно утверждать, что ран на моём упрямом ликторе нет. Значит, однозначно крылья?

Я ударяю мужчину по щекам:

— Диевас! Какой бездны ты тут заперся, ничего мне не сказав?! Как будто тебе неизвестно, что я строю планы и каждая мелочь имеет значение. Половина твоих родичей собирали малые мечи, ты должен был понимать, что это не на полдня занятие.

У входа в комнату тихо отзывается Карим:

— Майлз, это не малый меч.

Он разводит руками, показывая, что его собственная одежда тоже течёт. Его! Материя, изменённая им, великим мечом. Хотя... я и так уже догадался. Вода, покинувшая пределы личных комнат, пол, провалившийся куда-то вниз. Да и вообще просто по закону подлости... Если небесные кого-то так отчаянно ищут, что даже в обеденный сектор глубинных явились, то где он ещё может прятаться? Только у меня! Где

вообще может найтись великий меч? Возле меня!

— Диевас, очнись уже!

Я снова ударяю его по щекам. А в следующий момент со всего размаху отлетаю к стене, носом впечатываясь в твёрдую мокрую поверхность.

54. Смертный приговор

В носу что-то хрустит, разбитые губы, привкус крови во рту, но времени на всё это нет. Потому что с одной стороны от меня в воздух взлетают лезвия Диеваса, и движение их совсем не отличается той грацией и точностью, которой я привык доверять. А с другой стороны поднимается что-то типа золотого песка. И проверять боевые навыки Асмодея я тоже абсолютно не настроен.

— А ну-ка прекратили! Оба! — Я вытираю кровь под носом и пытаюсь подняться из той лужи, куда свалился после удара. — Вы ещё помните, что оба являетесь моими клятвенниками? Диевас, убери материю!

Мой ликтор явно не в себе. Он тяжело дышит, руки его дрожат, и даже сесть ровно на том диване, куда я его притащил, видимо, не получается.

— Эмилс, убери материю, ты не в себе, это опасно. Карим, тебя это тоже касается. Убрали оба материю!

Первым слушается Иштар. Золотой песок оседает на пол, впрочем, не потеряв формы, а значит, может быть в любой момент быстро поднят.

— Эмилс?

Лезвия Диеваса собираются возле его ладоней, но полностью на пол не опадают.

— Он убьёт меня, доминус. Меня и весь мой род... Сеньорам не полагается собирать великие мечи... Я — смертный приговор своего клана!

Лезвия возле ладоней Диеваса дрожат, и периодически одно-два вырываются, отправляясь в вираж по комнате. Одно из них втыкается в стену буквально в паре метров от меня на высоте примерно моего роста. И я решаю не вставать. Сидеть в луже в данный момент — самое разумное решение.

— Эмилс, он не будет ничего делать без моего приказа. — Я оглядываюсь на Иштара. — Да, Карим?

И да, чтобы ситуация сделалась ещё веселей, в этот момент мальчишка насупливается и упрямо закусывает губы:

— То, что его мать понесла от какого-то дона, не делает его клан великим. Сенат состоит из высокородных, чьи крылья по умолчанию, с детства уже близки к великим, и это позволяет им хоть немного чувствовать мир. А великий меч по закону входит в сенат без всяких условий, как и его потомки. Потому, да, таких, как он, выскочек, традиция и все книги, которые я прочёл, диктуют убивать!

Отлично! Это было самое неподходящее заявление в подобной ситуации.

Но надо отдать должное Диевасу. Лезвия дёргаются в его руках, но он их сдерживает:

— Моя мать, если судить по крыльям, более высокородная, чем большинство донн в этой академии. Как и мой отец. И дед! Мой род уже триста лет в каждом поколении собирает малые мечи, и все дети растут под их крыльями... только я один не справился. Я старался... — Он разворачивается ко мне, в глазах его стоит болезненный туман. — Но вы же, доминус, постоянно всё делаете не так! Снова и снова лезете в пекло всё большей опасности. Во всё большие махинации, за которые вас обязательно когда-нибудь убьют!

Я стараюсь сидеть в своей луже как можно непринуждённо:

— Ну, я же знаю, что у меня есть ты. Ты не дашь меня убить. И да, я тоже планировал, что ты соберёшь малый меч, чтобы оберегать меня, но если подумать, великий меня тоже устраивает. А по поводу выскочек Карим не прав.

Я слегка поворачиваюсь, чтобы видеть Иштара. Взгляд его упёртый, но мне уже чертовски надоело сидеть в воде, и вообще вся эта ситуация в шаге от драки. И смотреть на меня решительно не надо, у меня иммунитет к самым решительным взглядам. Я стараюсь улыбнуться снисходительно, но в то же время по-дружески:

— Книги, которые ты читал, Карим, писались до того, как Габриэль перетряхнула крылья всех высокородных в академии, и половина из них оказались фикцией. В сенат должны входить те, кто хоть немного чувствуют мир? И вот она уже получила доказательства, что половина высокородных кла-

нов этого недостойны. Учебный год закончится, и эта карта ляжет на стол. А значит, я вижу восхитительную возможность вывести из этого сената тех, кто мне не нравится, и ввести туда тех, кто мне предан. Эмилс, ты ведь предан мне?

Диевас несколько мгновений смотрит на меня. Просто смотрит, и даже это, кажется, даётся ему тяжело. А потом произносит:

— Да, доминус. Абсолютно! Я готов и дальше защищать вас, даже ценой своей жизни, в какую бы новую безумную авантюру вы ни полезли. И даже унижительно подставляться под синяки готов...

Мой ликтор опускает голову на диван, закрывая глаза. Лезвия наконец оседают на пол. А за его спиной, разбрасывая в стороны сонмы брызг, распахиваются синие крылья.

Капли окатывают абсолютно всё вокруг, в том числе моё лицо. Диевас лежит неподвижно, больше не пытаюсь защищаться, лишь тяжело дыша. Диван под ним словно потихоньку тает, растекаясь водой.

55. Очень полезен

Карим смотрит на меня в сомнениях, но тоже уже не бросаясь в драку:

— Ты думаешь, что нужно менять список великих родов? У бескрылых и так всё плохо... И да, я помню доктрину Творца о назревших необходимых изменениях. Но не слишком ли это? Список великих кланов не менялся с начала эпохи. Майлз, я доверяю твоему мнению, но... — Он с сомнением

смотрит на Диеваса и добавляет шёпотом: — Ты хочешь сохранить ему жизнь? Подумай, потом убить его будет очень трудно.

Я снова тепло улыбаюсь. Упрямый мальчишка! И что иногда неудобно — имеет свои убеждения.

И да, меня тоже учили, что высокородным следует оберегать свой круг от чужаков. Но! Хочу ли я сохранить Диеваса? Однозначно! Причём исключительно из эгоистичных соображений — жить хочу. У меня конфликт с Тиамат, возможно, война с небесными, а ещё дядя вот-вот гляди подставит. С Диевасом я уверен, что хотя бы кулаками меня не возьмут. Ни из-за угла, ни в открытой драке. Он прошёл со мной те месяцы, когда вызвать меня на дуэль было самым популярным развлечением, и выстоял. Я знаю, сколько он способен выстоять! Способен был тогда. Сейчас, если дать ему время на тренировки, моя охрана будет вообще непробиваема.

Да и я уже сейчас вижу, этот меч не заставит его считать себя мне равней. Он воспитан сеньором, чья судьба — служить дону. А он будет мне благодарен и предан.

А ещё, собрав великий меч, Эмилс, получается, становится главой своего клана. И если судить по кузенам, этот клан в курсе. Клан боевиков. Клан, великолепные бойцы которого многие поколения стояли за спиной моих предков и их сторонников. Да, я абсолютно уверен, что хочу сохранить этого ворчливого, но преданного мне бойца за своей спиной. И насчёт правил я вывернусь мягко, не нарушая. Ну, хотя бы

там, где эти самые правила не порушили до меня.

Надо только как-то с Иштаром договориться, убедить его, что Диевас нужен живой:

— Карим, разве ты ещё не заметил, у меня тоже есть принципы. Я ценю тех, кто мне служит. И тех, кто предан мне по-настоящему, всегда защищаю. Это мой способ владеть. Тебе, кстати, Эмилс тоже мог бы быть очень полезен.

Иштар формирует себе мягкий пух и наконец садится. Потом смотрит на Диеваса, кажется, снова впавшего в бессознательное состояние, морщится:

— Мне? Чем?

— Эмилс, сколько малых мечей сейчас в твоём клане?

Каким бы больным Диевас ни выглядит, он отвечает, причём хорошо понимая, куда я клоню:

— Сейчас только три, доминус. Но мои кузены, что сейчас вокруг вас, все способны сложить малый меч и без чужого крыла. А значит, под моим сложат его быстро. Плюс все остальные мужчины в моём роду — отменные воины. И их много.

Я снова улыбаюсь Иштару:

— Подумай, целый клан воинов. А у тебя как раз в этом вопросе проблема. Отличный зять!

Иштар смотрит на меня удивлённо, а я, не давая ему возразить, продолжаю:

— Ты ведь думаешь о будущем своего клана, Карим. Ты владеешь знаниями, но они мало что стоят без воинов за тво-

ей спиной. Эмилсу же нужна донна, которая сможет вырастить его сыновей донами, да и твой совет ему тоже не будет лишним. Я бы на твоём месте отдал ему Халиду. Она явно сильно скучает без мужского внимания и уже начинает делать глупости. Я при тебе объявил ей, что не буду снова за ней ухаживать, а она несколько часов спустя подставила меня перед своими нынешними ухажёрами, изобразив, что я какой-то фразой вогнал её в краску и возмущение. Знаешь, я верю, что она делает это не со зла. Просто, видимо, Оливер не нравится ей уже своим возрастом. Женщины любят мужчин постарше. Обдумай.

Я наконец поднимаюсь из лужи, в которой сидел. Оба моих клятвенника спокойны. Диевас всё так же лежит, постепенно погружаясь в лужу, в которую превращается диван. Иштар задумчиво морщит лоб. За окном тихая ночь. Я прислушиваюсь. Абсолютно тихая!

— Море успокоилось?

Карим пожимает плечами:

— Ну, он же принял наконец крылья. Глупо было сопротивляться. Не уверен, что это вообще возможно — не принимать узор.

Диевас ворчит:

— Я сделал всё, чтобы он не собирался. Прекратил тренировки, вообще не подходил к воде.

Карим смотрит на него уже совсем без агрессии:

— Вода-то тут причём? Вода настолько же суть Океа-

на, насколько какой-нибудь кирпич — суть замка. Истинная суть Океана — «колыбель жизни»: оберегать, заботиться, защищать. Ты собрал вокруг себя всех своих родичей и печёшься о них.

— Мне нужны были бойцы для доминуса!

— Да. И о Майлзе тоже печёшься... — Он усмехается. — А тренировки... Сколько дуэлей в неделю ты стоял последнее время? А ещё миру очень нужен был микрокосм... — Он поднимает на меня глаза в каком-то опять совсем жалком выражении. — Что-то я снова совсем запутался.

56. Женить не спрашивая

Диевас поворачивает голову так, чтобы, не поднимая её, видеть меня хоть краем глаза, и болезненно усмехается:

— Доминус, а кроме как женить, не спрашивая, вы со мной что делать собираетесь?

— Если ты о твоём мече, то он пока останется тайной. Объявлять о нём обществу нужно в правильное время и при правильных же обстоятельствах. А главное, тогда, когда я сам буду уже достаточно силен в сенате. Ты ведь понимаешь это?

— Да. И полностью вам доверяюсь.

Я на это киваю, ситуация наконец выходит в нужное для меня русло:

— А насчёт «женить не спрашивая»... Тебе не нравится Халида?

Он усмехается, косится на Карима, который до сих пор

сидит очень задумчивый:

— Что вы, доминус, донна Иштар божественна, только на меня она смотрит как на мусор под ногами.

— Не переживай, она просто чересчур следует правилам. И ещё ничего не знает о твоих крыльях. Узнает — будет смотреть уважительно. Хотя ей будет сложно, потому что в глазах окружающих ты пока останешься лишь сеньором и моим ликтором. А ты в любом случае останешься моим ликтором. Я бы даже предпочёл, чтобы ты повторил свои клятвы мне, связав их уже своим собственным импульсом.

Диевас абсолютно серьёзно кивает, хотя это движение явно стоит ему немалых усилий:

— Да, доминус, как только смогу встать на ноги, повторю. Меня это устраивает.

— Тогда у тебя полно работы. Пока ты тут плавал, я вступил в противостояние с донами Тиамат. И подозреваю, что в ближайшие дни они постараются меня по-тихому пристукнуть в каком-нибудь переходе, чтобы отправить до конца года лежать в валетудинарии. Очень надеюсь, что ты этого не допустишь.

Диевас хмурится, потом усмехается:

— Вы успели поругаться только с Тиамат, доминус?

Я фыркаю в ответ, вспоминая ещё об одной загадке, которая, скорее всего, касалась именно Диеваса. Из части ещё подчинённой мне материи края одежды у меня получается сваять ту самую игрушку, с которой Видар приходил в глу-

бинный сектор обеденного зала. Два тонких стержня, при-
магнитенных друг к другу.

— Сможешь это просто руками разъединить?

Диевас усмехается, потом сжимает одной рукой кусок ма-
териИ дивана, на котором лежит, и она моментально прини-
мается плавиться.

— Пока я не способен ничего взять в руки. И если прово-
дить аналогии с малыми мечами, про которые я знаю доста-
точно, даже после того как это закончится, мне понадобятся
ещё сутки, чтобы приспособиться просто ходить и не рушить
предметы прикосновением. А потом обязательно нужен на-
ставник, лучше всего мой старший дядька. Он учил моего
отца и брата, когда они взяли малые мечи. Он быстро заста-
вит этот меч мне подчиниться.

Старший дядька моего ликтора, Каюс Диевас, и сам яв-
ляются малым мечом. Среди воинов моего деда его и его от-
ряд считали главной военной силой. Кинжалом смерти. Это
Каюс и его воины уничтожили основные отряды Хаоса, и это
он, по большому счёту, убил Разиэля. После гибели деда мо-
ему дяде Каюс преданности не выявлял, как и большинство
бойцов деда. Но если клан Диевасов признает Эмилса главой
рода, а тот меня — доминусом, то Каюс станет моим кинжа-
лом. А что. Пусть даже не произнесённое вслух, смотрится
отличным подспорьем в момент, когда я решил выбраться
из тени.

Карим подходит, разглядывая копию игрушки Видара, ко-

торуя я сваял. Крутит её в руках, разъединяет магниты, соединяет, а на второй раз они просто у него ломаются.

— Тут требуется усилие, но не слишком сильное, чтобы не сломать стержни. Твой Валефар будет не способен справиться с этим заданием ещё как минимум несколько месяцев. Даже я могу не справиться.

Твой Валефар? Внутри я усмехаюсь. О да, я мокрый, часть моей одежды расползлась по ниткам, умиряю двух великих мечей. Моего Валефара с моим же Асмодеем. Главное, чтобы к драке не присоединилась моя Габриэль. Дядюшку Диеваса она может знать в лицо как лютого врага, да и с Иштаром, учитывая, что он так и не отбросил планы на смеску, за которую она готова бить и крушить, тоже всё может получиться кроваво.

Карим отдаёт обратно мне магниты, я возвращаю их материю на свою одежду и усмехаюсь:

— Тогда мне ещё нужно убрать Видара. Я и так подозревал, что с этой своей проверкой он покушался на моё, теперь знаю точно. И сделать это надо до наступления утра.

57. Убрать малый меч

Диевас удивлённо поднимает голову:

— Убрать малый меч? Убить?

Я задумываюсь. Мне нужно, чтобы этот упрямый боевик прекратил свои проверки. Причём не изменил тактику, начав делать это более скрытно, а именно прекратил. Убийство тут вообще не подойдёт. Да и это ослабит Габриэль. А ещё

она будет в ярости.

— Нет, убрать — значит отодвинуть, занять другим. Создать ему такую огромную и важную проблему, чтобы она полностью поглотила всё его внимание. Он ведь привёл с собой в академию родичей? Те его клятвенники, что учат небесных студентов? Можно использовать их. — Я разворачиваюсь к Диевасу. — Мне нужны бойцы, чтобы обезвредить взрослого боевика. — Потом к Иштару. — Карим, можешь послать Лоренцо восточку, что я хочу срочно его видеть?

Мальчишка выныривает из своей задумчивости, пожимает плечами и кивает, отправившись звать приручённого им вестника. Вообще, конечно, писать записку Лоренцо следовало самому, но я всё ещё не хочу оставлять моего Асмодея с моим Валефаром наедине.

Возле Диеваса тоже уже вовсю крутится его бес. Капуцин обеспокоенно трогает своего хозяина лапой и убегает выполнять порученное, только когда Эмилс на него откровенно рычит.

Мой ликтор поворачивается ко мне совсем уставший:

— Насчёт Тиамат я парней проинструктирую. И если ещё что-то такое наметится, что может грозить вам опасностью и о чём мне бы вы сказали, говорите моему кузену Йокубасу. Он обсудит со мной и сделает как надо. И надеюсь, больше вы не вступили ни в какие противостояния за эти два коротких дня?

Я усмехаюсь. Пожимаю плечами:

— К обеду узнаю точно, но, может, у меня ещё и намечается скрытое противостояние с небесными.

Мой ликтор не может скрыть удивления:

— С небесными? Скрытое? — Потом устало откидывает голову. Вздыхает. — Из-за неё, да? Невероятно, я дважды отказывался от донов только потому, что они были нейтрами. А значит, первым делом, впечатлившись крыльями и недоступностью этой женщины, взялись бы её завоёвывать. Я дважды дрался с ней на первых курсах. Оба раза после боя валялся с переломами несколько дней. Я специально искал себе глубинного дона, чтобы он ни в коем случае даже не глянул в её сторону. А вы... Как вы могли в это влипнуть?!

Он устало усмехается своим же словам и продолжает:

— Она небесная донна! Причём в её случае даже не женщина из клана врага. Она и есть ваш враг! Я видел мнемозаписи её боя с Творцом. Там не было боя. Она подошла, прикинувшись глупой студенткой, а потом просто одним ударом ноги в висок размозжила голову сильнейшему из воинов последнего столетия. Без сомнений, без сожалений. А в своём отходном прыжке поломала ещё двоих ликторов, один из них был ваш старший дядя. Не подумайте, я не осуждаю вас, доминус. Сейчас никто не знает, что делать, и я верю, что вы знаете больше других. Просто я не понимаю!

По всему выходит, что Диевас знает о моих отношениях с Габриэль. Именно не догадывается, а знает.

— Диевас, помнишь, мы договаривались, что если ты замечаешь утечку информации, в которую я вовсе не собирался посвящать посторонних, ты мне на неё указываешь?

Он хмыкает:

— Не было никаких утечек для посторонних. Я единственный, кто знает, что вы не приносили клятв Асмодею, только наоборот. И когда я принёс вам свои клятвы по-настоящему и обнаружил в себе отблеск силы великого меча, этого тоже никто, кроме меня, заметить не мог. И сделать выводы, сложив с вашими свиданиями под охраной Сварожича, боевой стиль которого я ни с кем не спутаю, тоже мог только я. — Он закрывает глаза. Явно не имея сил даже на то, чтобы держать их открытыми. — И я, конечно же, буду молчать, доминус. Просто... просто последние сутки я был уверен, что подохну, вот на радостях и разболтался. Предупредите, если решите драться ещё и с небесными.

Я встаю. Делаю несколько шагов по комнате. После чего добавляю:

— Любая информация, которая может хоть как-то связать меня с этой женщиной, является тайной, выдавать её можно только в крайнем случае и под полноценную клятву.

Именно в этот момент в соседнем помещении слышатся голоса. Прибыли кузены Диеваса. Йокубас и ещё двое помладше.

58. Спрятать

Услышав о том, кого именно из родичей Видара мы со-

брались похищать, Диевас настаивает, чтобы взяли Сетха:

— Доминус, вы же понимаете, что я приставил к Асмодею лучшего бойца. Пока этот юный дон вам нужен, он должен быть в полной безопасности. Используйте его.

А ещё мне приходится пойти с бойцами самому. Потому что я объявил, что мне обязательно нужен в этой операции Карим, не хотел его оставлять с Диевасом, а одного Иштара в такое точно отпускать не стоит.

В итоге до первых лучей восхода мы сидим в засаде. Нужный нам боец спит у одной из девиц-смесок и, как чётко указал Лоренцо, уходит рано утром через балконы. Красть его на территории смесок нельзя, там всегда оказывается куча свидетелей. А вот уже на улице, на некотором отдалении, да ещё и невозможно ранним утром — идеально.

Уже через полчаса ожидания Карим просто засыпает прямо на траве. И Сетх ваяет одеяло, устраивая своего дона поудобнее. У меня же сна нет ни в одном глазу.

Как мне из всего этого выкручиваться? Скорее всего, Видар не единственный, кто осознал, что где-то в академии собрался новый великий меч. Они не ринулись искать так грубо, но после того, как я ударю по Видару, лишь больше убедятся в своих выводах. Как минимум Мойра, который точно в курсе, что и как искал сенатор. Задумается и сделает выводы.

Как в такой ситуации спрятать Диеваса?

Ведь Карим не единственный дон, кому первой мыслью

приходит убить такого Валефара. К этой мысли придёт любой достаточно решительный дон. И глубинный, и уж тем более небесный. Например, Дарьюш Тиамат, который, уверен, теперь наблюдает за мной и моим окружением очень внимательно. Это мне нужен Диевас, это мне он предан, для всех остальных он лишь грубо нарушает правила мира, вторгается в то, что позволено лишь высокородным.

А ещё ему нужен тренер. Великий меч. Боец, не освоивший собственную силу, бесполезен. И да, если я смогу привести в академию Каюса как преподавателя, он сможет организовать тренировки для Диеваса так, чтобы этого никто не заметил. Наверное... Ну да, если предполагаемый великий меч перестанут искать... Если не перестанут — найдут. Нужно, чтобы перестали.

А ещё у меня новая тайна от Габриэль. Это всё снова усложняет. Но вот что она сделает, если я вдруг расскажу ей о том, кто именно собрал меч? Я почти уверен, что его низкородность у неё особой неприязни не вызовет. А вот его глубинность... Причём ведь Диевасы не какие-нибудь «почти нейтралы», как Таранисы, а самый что ни на есть авангард глубинного воинства. Вполне возможно, Габриэль поставит Эмилса в один ряд с дядей Каюсом и сочтёт опасным. Да и ладно, пусть не сочтёт, даст шанс ради равновесия мира. Но сможет ли она просто знать о нём и никак, вообще не выдавать своего знания? Вряд ли. А любой её шаг, изменившееся отношение, интерес, вопрос — под особым надзором Мой-

ры и остальных донов её свиты. Небесных и нейтральных донов. Которые однозначно убьют низкородного. Я не могу так рисковать.

С первыми лучами рассвета интересующий нас дон наконец показывается. Немолодой, но ещё очень крепкий боец. Мягкий шаг, внимательный взгляд. Видару он приходится дядей и, как утверждают источники Лоренцо, любимым родичем для личных тренировок и бесед.

Нападением командует Йокубас. С Эмилсом они чем-то очень похожи: чертами лица, цветом волос и глаз, но во всём остальном невероятно разные. Эмилс всегда спокойный, сдержанный, старался под меня подстроиться. Йокубас же кажется неимоверно скользким, с эдакой ядовитой полуулыбкой. Без Эмилса я бы никогда такого близко к себе не подпустил.

Всё нападение занимает буквально несколько секунд. Десяток тонких спиц со спины, ослабляя и замедляя противника, и мгновение спустя большая масса песка, поднятая с дорожки под его ногами, упаковывает мужчину в плотный, тут же превращающийся в стекло кокон. Четверо, да ещё с отблеском силы великого меча у Сетха, на одного даже очень опытного бойца — это много.

Кариму я велю запрятать пленника глубоко в камень огромного постамента прямо тут, на общедоступной террасе, на побережье. Даже если у Видара есть отблеск силы Габриэль, для отблеска будет слишком глубоко, слишком много

материи, которую нужно переподчинить.

Иштар зевает, но очень доволен. Потому что, как заявил сам, это его первый бой с небесными. Всю обратную дорогу он рассказывает нам всем, какими храбрыми воинами были его предки.

Уже перед тем, как лечь хотя бы на пару часов спать, мне приходит в голову ещё одна светлая мысль, и я посылаю моей Габриэль красивое письмо. Пожелания доброго утра, а заодно вопрос:

«Если не сложно, раскрой тайну, почему ты не приняла извинения коленопреклонённого небесного дона Анаита?»

На что довольно быстро получаю ответ, заставляющий меня поломать голову:

«А он хотел извиниться?»

А что он ещё мог таким образом добиваться? В её традициях доны публично становятся на колени по другому поводу? Да и он же выразил словами, что это извинения. Или... или тут весь смысл в слове «хотел»? Он встал на колени, произнёс слова извинений, но на самом деле вовсе не хотел этого делать? Ну... хоть какое-то приличное объяснение. Противостояния с небесными избежать поможет.

Потому следующее письмо уходит Лоренцо: «Габриэль обладает способностью определять, когда собеседник неискренен. Она редко этим попрекает, привычная, что все крылатые хоть немного лгут, но поступок Анаита — публичные извинения с полным отсутствием искренности — её очень

разозлил. Сделай так, чтобы об этом шепталась вся академия».

Глава 11. Арманда. Судить по справедливости

59. Роженица

Просыпаюсь я с первыми лучами рассвета. Море спокойное, и вообще всё пространство академии словно оживает после болезни. Хочется улыбаться.

А ещё очень хочется хоть раз за месяц явиться на тренировки раньше учителя. Но не складывается.

Сначала ко мне в окно стучится настойчивая сплюшка Майлза, притащив длинный свиток. Мой демон явно скучает, и его такое невероятно милое: «С добрым утром. Я думал о тебе» благородным кружевом слов аж на три страницы отлично дополняет моё настроение. Так что я тоже не ленюсь и даже царапаю полстраницы романтики в ответ.

Вторым задержавшим меня моментом оказывается Рик. Вернее, его отсутствие. Я как-то уже привыкла, что мой ликтор встаёт раньше меня и к моему выходу из комнат всегда встречает в гостиной, но сегодня его там нет. Есть Паньгу, который отчаянно зевает, сидя на краю нашей взлётной площадки.

— А где Рик?

Паньгу пожимает плечами и обратно откидывается в кресле. Ну да. Это же нормально для крылатых — пропадать и

не волноваться о тех, кто пропал, не семья же. Это я ненормальная, считаю, что о любых своих шагах, отлучках, изменившихся планах близкий круг нужно обязательно предупредить. И если кто-то пропадает без этих самых предупреждений, начинаю волноваться. Я понимаю, что это во мне человеческое. Это слабые бескрылые, имея множество опасностей, изобрели эти самые правила общинности, чтобы помочь в случае опасности. Один за всех и все за одного. Крылатого убить сложно, и, наверное, поэтому они каждый сам по себе, каждый за свой клан.

Я разворачиваюсь к тайной лестнице между этажами:

— Ок. Пойду разбужу.

Эту лестницу придумал Рик, когда встала проблема, как выводить от меня Майлза после рассвета. Придумал, получил от меня добро, и буквально в двое суток наши парни отжали себе комнаты по всем этажам под моими, до самой земли. В итоге получилось ещё одно удобство — наше внутреннее общее пространство, когда можно переходить из одной нашей гостиной в другую, не выходя в общие галереи.

Двери в комнаты Рика закрыты, но не на обереги. А это он меня научил, уходя обязательно закрывать свои комнаты на обереги от незваных гостей. Я толкаю двери пальцем, преобразуя, чтобы они открылись:

— Рик. Если я не вовремя и ты не один, ты сам будешь виноват, что не предупредил. Утро уже, сейчас Видар явится...

Я останавливаюсь на полуслове. С внутренним простран-

ством что-то не так. Оно словно смазано, подтёрто. Резьба на деревянных деталях словно оплыла, краска в орнаментах поблёкла. Что тут творится?!

Я быстро бросаюсь по комнатам:

— Рик! Какого чёрта?

Мой ликтор обнаруживается у себя в спальне, на огромной кровати с большими пуховыми подушками, в полубреду. У него явно лихорадка. Но крылатые ведь не болеют? Тогда как?

На мои крики прибегают несколько гномов. Я же творю холодной воды и платок, свернув из всего этого холодный компресс на лоб, да и просто обтираю лицо. Я мало смыслю в медицине, но таким образом как-то отхаживала тётку, когда она сильно простыла.

— Рик. Эй, давай хоть скажи что-нибудь. Ты чего это?

Парень под моими ладонями дёргается, трясётся, выгибается дугой и... распахивает крылья. Серые, кожистые, без единого пёрышка. Я выдыхаю, усмехнувшись:

— А, вот чего! — Поправляю одеяло. Усаживаюсь рядом на кровать. Беру Рика за руку. — Постарайся максимально расслабиться. И да, я в курсе, что тебе больно, просто во всём теле, в каждой клеточке сразу. Это мир пытается наполнить тебя энергией. И чтобы стало лучше, нужно именно расслабиться. Ещё помогает глубоко и размеренно дышать. Знаешь, как роженицам советуют: «уффф — уффф». Ты тоже в некотором смысле сейчас роженица, потому как совер-

шаешь акт рождения малого меча.

Видар меня там и находит. Является, осуждающе оглядывает картину: я, сидящая на кровати чужого мужчины, гномы, толпой собравшиеся вокруг в эдакую группу поддержки, Рик всё ещё в лихорадке, мокрый, но уже слабо улыбающийся на наши шуточки. Мой наставник хмыкает и всё-таки слегка улыбается:

— Поздравляю, Сварожич, мало кому удаётся сложить малый меч уже в твои годы.

60. Часть команды

Мягкие, тактичные разговоры с вдумчивыми объяснениями — не мой конёк. Уважаю тех, кто так умеет, но мне не дано. Я могу только прямо и честно. Так что, воспользовавшись тем, что сегодня в зале мы как раз с Видаром одни, первым делом я усаживаюсь на каменную тумбу и объявляю:

— Рагнвальд, в начале у меня есть к тебе разговор. Серьёзный. — Он вопросительно хмыкает, а я продолжаю. — Вчера ты устроил скандал в секторе демонов в обеденном зале, не согласовав со мной. Мне такое не нравится.

Ухмылка моего наставника становится злее:

— А я должен был спросить разрешения?

Я не ведусь:

— Ты должен был обсудить это со мной. Скоординировать наши планы. А так ты, мой клятвенник, явился с моими бойцами за спиной — кого, ты думаешь, объявят инициатором этой твоей проверки?

Он рычит:

— Было не до реверансов. Ты представляешь, как изменится твоя позиция, если меч сложит глубинный дон?! Единственный шанс пресечь такую ситуацию — это обнаружить его буквально только оперившимся и придушить.

Придушить... Чёрт! Я не смогу решить вопрос с мечами, пока не решу вопрос с войной оптиматов. Потому что пока действительно будет огромной головной болью, если какой-нибудь глубинный соберёт крылья. Во-первых, потому что он попытается меня убить. Во-вторых, будучи парнем, займёт в местном сенате намного более крепкую позицию, чем я. Но миру нужны мечи. И вероятность, что их соберут демоны, — процентов тридцать. Потому что именно столько составляют демоны в обществе крылатых. Но сейчас речь об ином.

— Рагнвальд, я не спорю, что собравшийся меч нужно найти. И если бы ты просто рассказал мне о том, что планируешь сделать, я бы, возможно, дала добро. Ну, или скорее придумала другой метод, менее прозрачный. Но ты ведь даже не задумался об этом, да? Ты действительно мой клятвенник, Рагнвальд? Часть моей команды? Или ты лишь приглядываешь за мной, как шпион от совета оптимата? — Я выдерживаю паузу, а потом машу рукой. — Подумай об этом на досуге. И, как члену моей команды, сообщаю тебе, что я планирую на днях устроить олимпиаду, для всех мужчин в академии. Как раз с целью выявления великого меча. Весело

и неочевидно.

Больше мы не разговариваем. Мой наставник, кажется, задумывается. А ближе к середине занятия его вообще отзывают — что-то там случилось у его людей.

Я немного гоняю в лёгком спарринге Паньгу, который сегодня отвечает за мою охрану. А когда он выдыхается и разваливается на ступенях, восстанавливая дыхание, принимаюсь от безысходности повторять связки. До обеда ещё часа полтора. Можно, конечно, заглянуть к Рику, поддержать его, с другой стороны — ему полезней сейчас спать, загляну перед обедом. Я вывожу удар в воздух в сторону Паньгу:

— Может, интересное что пока расскажешь? Какие-нибудь сплетни?

Он слегка задумывается, оглядывается на двери в зал, за которыми осталась остальная моя охрана, а потом произносит чуть тише:

— Болтают, что дон Драгон вновь начал ухаживать за донной, которая несколько месяцев назад порвала с ним помолвку, Халидой Иштар. Может, конечно, врут, но младший дон Тиамат в ярости. Он уже присматривал для себя эту донну.

Майлз? Принялся выписывать ритуальные танцы вокруг бывшей невесты? Иштар? Халида Иштар? Это она была в моём списке... Зачем Майлзу ухаживать за ней? Он же через слово зовёт меня невестой? Вроде как две невесты донам не полагается. Даже жену-смеску можно лишь через несколько лет взять. Тогда... видимо, интригу какую-то крутит? Прики-

нулся, что ухаживает, чтобы позлить этого Тиамат? Наверное.

— Покажешь мне эту донну Иштар, как будет случай? Хочу на неё посмотреть.

61. Судить по справедливости

Не знаю, чем бы я ещё занималась полтора часа в своём зале, но в какой-то момент со ступенек, со стороны тропинки стремительно прыгивает щуплый парень-смесок:

— Габриэль, Кейси просит твоей помощи. Доны драку устроили.

До обозначенного места крылья домтавляют нас буквально за пару минут. В одной из гостиных смесок действительно дерутся доны. Вернее, уже подрались. На полу, не подавая признаков жизни, валяется Агни, а с другой стороны на измазанную в крови руку дует чертёнок Карим, к боку которого отчаянно прижимается Шатха. Ликторы того и другого сверлят друг друга глазами, готовые в любой момент сцепиться.

— Отставить драку. Все сделали три шага назад.

Я подхожу, осматриваю Агни. Удар явно всего один, в нос. Но, видимо, прошёл как-то очень неудачно, так что парень вырубился. Большого не рассмотреть. Нос буквально всмятку. Всё лицо в крови. Амур оказывается опасным парнем. Ну и везучим.

Рядом со мной возле поверженного дона приседает Кейси. Я гляжу на неё:

— Ну и что здесь произошло?

Она хмыкает:

— Этот твой Агни поймал Шатху и что-то ей втирал со злобным видом. А Шатхин принц чуть раньше пришёл тащить её на обед, типа увидел всё это и тюкнул слегка Агни, чтоб не лез. А он вон хрупкий оказался.

Я встаю, поворачиваюсь к ликторам Агни, на вид выбираю самого смышлёного и, ткнув в него пальцем, спрашиваю уже громко:

— Что здесь произошло?

— Дон Агни хотел поговорить со смеской. Глубинный дон на него напал.

Ага, а два ликтора смотрели на это нападение и ждали? Скорее, встретившись возле одной смески, глубинный и восходный доны поругались. И в какой-то момент демонёнок врезал.

— Шатха, ты хотела поговорить с доном Агни?

Мне ничего не отвечают. Я поворачиваюсь к девчонке, всё ещё прижимающейся к боку своего демона. Он поясняет:

— Она не понимает ещё латыни.

До сих пор? Я с трудом вспоминаю язык, на котором она говорила, и повторяю вопрос:

— Ты хотела поговорить с доном Агни? Может, не хотела, но говорила ему, что согласна пообщаться?

Девчонка испуганно мотает головой.

Итого... по правилам крылатых я, наверное, должна защи-

щать Агни. И, наверное, если бы мне доложили именно о последствиях этой драки, я так бы и решила. Но тут... Какого чёрта Агни полез к чужой невесте? Демонёнок эту испуганную девицу уже четыре месяца прилежно с собой таскает, вся академия знает, что это его смеска. Да и девчонке Агни явно не нужен. Вон как она к Иштару жмётся. Агни и так перед ней виноват в прошлом. Не отпустило его, что ли? А демонёнка такое, конечно, разозлило. Тут я его понимаю. Ладно, в любом случае судить этот вопрос я собираюсь по справедливости, ну и так, чтобы смески не вышли виноватыми. Дон имеет право защищать свою женщину, даже если он глубинный:

— Ясно. Дон Агни приставал к чужой невесте, за что абсолютно справедливо получил в нос и, когда встанет на ноги, он, как требуют правила проигранной дуэли к тому же, извинится. Прошу простить за неудобства, дон Иштар. Мы можем считать конфликт исчерпанным?

Чертёнок оглядывается по сторонам и сверяется, казалось, с Лоренцо, прежде чем кивнуть. Я не заметила, когда смесок появился. В местном сообществе смески явно передают власть. По всем вопросам всё чаще отвечает Кейси, а Лоренцо лишь подтверждает её решения.

Ликторы Агни смотрят на меня удивлённо. Впрочем, ликтор Иштара тоже, даже при том, что по глаза замотан в тагельмуст, удивление в этих самых глазах состряпал очень выразительное.

62. Как?

Бездействие, наверное, самое сложное для меня занятие. Особенно когда перед тобой столько срочных и запутанных задач. Демонёнок с Шатхой удаляется, Агни ликторы утаскивают к лекарям, а я остаюсь в той самой гостинной смесок с идеей порыться в интернете. Ну... или хотя бы подумать.

Как можно объединить оптиматы? Чёрт с ними, с оптиматами, хотя бы нескольких ангелов и демонов заставить добровольно сотрудничать? Это заявление Видара о намерениях спешно убить новоявленный глубинный меч заставляет меня снова искать. Как? Как предотвратить вражду между мечами? Если не сейчас Океан, то в скором времени какой-нибудь другой меч, например из малого лика, обязательно окажется в руках демона. Просто по теории вероятности. И что я буду делать?

Я не хочу никого убивать. А миру очень нужны эти мечи, и армия способных их собрать за последние столетия изрядно истощилась. Убивать нельзя! Но... только не вырастет ли из него через полгода мой же лютый враг? Любой самый безобидный демон может проникнуться властью и испортиться. Ну, или просто поддаться чужому влиянию или чувствам. Вон, даже демонёнок оказался эффективным бойцом. А что будет с вот таким вот милым мальчиком, если он внезапно соберёт крылья? Или что может выдать боевик-старшекурсник? Ведь Океан — это боевик, а вероятнее всего, крылья соберёт именно старшекурсник.

И... значит, мне нужны хоть какие-то гарантии, что и этот самый глубинный меч не будет строить планов воткнуть мне нож в спину... А что такое гарантии у крылатых? У них нет веры на слово, так же как нет традиции держаться обещаний в изменившихся обстоятельствах. Только клятвы! Как бы меня ни воротило от такого способа наведения порядка, только они...

Второй моей проблемой являются женские мечи. Их абсолютно точно что-то блокирует. Этой блокировки нет у парней и у меня, что удивительно. Но она есть у всех донн последнего тысячелетия как минимум. И кто-то даже, наверное, знает, что именно блокирует сборку меча... как бы мне заставить его раскрыть этот секрет?

Передо мной опять рисуется Паньгу:

— Габриэль, я узнал, где находится донна Иштар. Если хочешь, она сейчас гуляет по побережью. Ты можешь посмотреть на неё с верхних террас, ну или поближе.

Донна Иштар... Ну да, ещё одна моя... не то чтобы проблема. Мой парень зачем-то крутит шашни с другой женщиной. Скорее всего, для каких-то совсем не любовных целей, опять же она сестра демонёнка... но...

— Отлично. Полетели. Хочу с ней поздороваться.

63. Рыжая донна

Донна Иштар оказывается рыжей. Такой же кудрявой, как демонёнок, но раскраски совсем другой, огненной. При этом вся такая сдержанная в каждом движении, аккуратная, пра-

вильная. И это у неё крылья Сатанаила? Хотя Сатанаил — это, получается, Вулкан? Ну, если подумать, вулканам свойственна сдержанность. Пока не рванёт.

Донна смотрит на меня и приземлившись за моей спиной гномов с выражением явного удивления. Именно не с удивлением, а с выражением. Смотрит и ждёт. А я тупо рассматриваю её.

Красивая. Хотя все крылатые красивы. И, скорее всего, такая же интриганка, как Майлз. Да и оптимата правильного. Хм... Не то чтобы я ревную... просто мне не нравится эта ситуация. Ну и что я буду делать? Держи друзей близко, а врагов ещё ближе.

— Донна Иштар, я пришла объявить тебе, что желаю видеть тебя в своей свите!

Вот теперь на её лице появляется именно удивление, а не выражение его:

— Меня? Разве это возможно?

— Конечно. Я решила, что в моей свите должны быть самые сильные донны всех четырёх оптиматов. Среди высокородных последнее время много фальшивок. Мне доложили, что максимально развитым узором среди глубинных женщин обладаешь ты и донна Намму. Честно говоря, с Намму я ещё не говорила. Ты постарше, а значит, по моей логике, должна быть и сильнее, и умнее. Я не права?

Да, стратегия таран, в лоб, громко и не снижая накала наглости. Но демоница удивляет меня. Она усмехается. Очень

сдержанно, но явно:

— И что же эти донны будут делать в этой самой свите? Развивать крылья?

При этом тон и мимика её такие, будто это самое «развивать крылья» — нечто аморальное и грязное. Словно я в бордель её зазываю.

— Про развитие крыльев речи не идёт. Мне не нравится малозначимая позиция женщин этого мира. Я хочу собрать вокруг себя самых сильных женщин и начать усиливать их влияние. Постепенно.

Вот этот удар попадает в яблочко. Рыжая донна задумывается. А я стараюсь не оставлять ей слишком много времени на эти самые раздумья:

— Сегодня за ужином я собираю за своим столом тех, кто станет основой этого круга. У тебя есть моё приглашение на эту встречу. Откажешься — я пойду искать себе другую, более амбициозную глубинную донну.

В глазах донны шок. А я уже начинаю разворачиваться, чтобы уйти.

— Но... Я же не могу прийти на ужин в небесный сектор! Я усмехаюсь:

— Почему? Твой младший брат нашёл возможность явиться на лекцию «претендующих на власть», которую вёл небесный сенатор. Явиться, да ещё и поучать на ней. А ты не найдёшь пары нейтральных сеньорит, которые бы могли выгодно оттенить тебя и дать, если понадобится, полезный

совет, и одного нейтрального же дона, который смог бы проводить тебя к моему столу и громко, с восхищением в глазах, представить присутствующим? У тебя не хватит на это смелости? — Я разворачиваюсь уходить. — Тогда я ничего не потеряю, если ты не придёшь.

64. Вьюноша с пейсами

Мой весь из себя официальный обед начинается с неожиданного. К моему столу является Игаль Кадеш. Идёт он ещё прихрамывая, да и под распахнутым жилетом затянут в сетку фиксирующей материи. Мы плохо с ним начали в начале этого года. Он показал себя отвратительным избалованным юнцом. Его свита подкидывала скорпиона Эсте в волосы. И я как-то совсем не верю, что, провалявшись четыре месяца в валетудинарии, этот дон сильно изменится. А значит, готовлю аргументы, чтобы отослать его прочь. Но...

Игаль спокойно салютует мне как старшему. Кивает донам, присутствующим за столом. А потом распахивает крылья и произносит:

— Габриэль, позволь присоединиться к твоему кругу. Я слышан, что ты ищешь тех, кто способен собрать меч, чтобы спасти этот мир. Мне кажется, это важная цель. И я хотел бы поучаствовать.

Как меня и предупреждали, на крыльях Игаля — узор Разиэль, процентов на восемьдесят пять. Солнечно-жёлтый вперемешку с лимонными пятнами. Учитывая, что он ещё только первокурсник, вероятность, что рано или поздно со-

берёт меч, очень-очень высокая. А учитывая потребность мира сейчас, почти абсолютная. Но...

Раньше Кадеш всё время подходил ко мне с эдакой усмешечкой. Эдаким гниlostным сарказмом. Сейчас дон серьёзен. Даже свита его смотрит на меня, кажется, с большим почтением. Длинный чернокожий дэв-старшекурсник и громила-асур в килте.

Его так сильно стукнули по голове, что он решил переосмыслить жизнь?

Потому что... Игаль никогда не производил впечатление интригана. Скорее дурака. Не рвался завоёвывать себе авторитет среди донов... хотя, конечно, может быть, после бы и начал, там же всего пара месяцев с начала учебного года было. Но о притворстве с его стороны я не думаю. Он не способен собрать информацию, придумать слова и сыграть. А значит, то, что я вижу, — это честность. И... Придётся принять. Видимо, мой меч и возможность с помощью меня пробиться к власти многое для этого парня изменили...

Ну да, принять, а потом выгнать с первым промахом. Не верится мне совсем, что он долго продержится без глупостей. Тем более я же убедила Видара, что приглядела себе этого выюношу с пейсами в женихи...

Моё приглашение к столу Игаль тоже принимает с серьёзностью и, кажется, благодарностью. И в беседе за столом участвует тоже сдержанно и по делу. Причём исключительно на политические темы.

65. Шоу

Я ломаю голову по поводу Кадеша, взвешивая его опасность для себя. Небесный дон, без невесты... Подставить меня так, чтобы я не то сказала, не то сделала, — легко. Это не Яннис, который честно пытается действительно стать самым удобным вариантом. Игаль и честность рядом не стояли. Хотя... думаю, его уберёт Яннис. Сам или, как с Гектором, создаст ситуацию, в которой я смогу этого дона Кадеша громко и заслуженно выставить. Да.

Но в какой-то момент, выдёргивая меня из всех этих мыслей, в белый сектор обеденного зала решительно врывается Видар. Быстрым, совсем не свойственным высокородным шагом и явно в гневе. За ним с трудом поспевает охрана — братья Ушас. Что-то произошло, причём настолько ужасное, что мой наставник полностью потерял самообладание.

Он останавливается в метре от моего стола, глядя именно на меня, именно в глаза, словно пытаясь там что-то отыскать. И до того как я успеваю что-нибудь спросить, громко и очень зло произносит:

— Габриэль, я хочу извиниться, я был не прав. Но я всё понял. Ты моя домина, и я твой клятвенник. И впредь я буду согласовывать с тобой все свои действия тут, в академии, которые могут иметь политические последствия. — А после добавляет тише: — Верни дядьку.

Я, надо сказать, слегка обалдеваю и от таких обвинений, и от вот такой публичности этих самых обвинений. Ну, чёрт

с ним, моя свита, их мотивы я хоть предположить могу, а остальные в обеденном зале? Да тут сейчас каждый дон и донна уже ваяют сообщение в клан с описанием этого скандала. И мой ответ запишут подробно, да ещё и приукрасят.

Потому для начала я, рыкнув, что приходится делать это самой, обвожу наш стол тонким барьером вакуума, чуть раздвигая воздух. А потом — так как я собираюсь говорить и следить за этим барьером, мне будет некогда — закрепляю его стенки матовым стеклом из того же воздуха. Получается эдакий купол метров пять в диаметре вокруг всего нашего стола. Эти свидетели хоть чуточку под контролем. Вот теперь можно ругаться:

— Отличное шоу, Рагнвальд. То есть нормально обсуждать вопрос наедине ты отказался? Зрителей не хватало? А, и да, по-твоему, после того как ты не стал со мной говорить, я пошла и тупо выкрала твоего родственника? Реально так считаешь?

Мой наставник немного смущается:

— Нет. Моего родственника выкрали раньше, ранним утром, за пару часов до того разговора. И по тому, насколько абсолютно все ничего не видели и даже говорить об этом боятся, сомнений нет — это твоих рук дело. Твоих и твоего ближнего круга «претендующих на власть».

Признаться, я разочарована:

— Рагнвальд, мне казалось, ты знаешь меня лучше. Я не краду невинных и не шантажирую родичами. Если бы я счи-

тала, что ты настолько балбес, что с тобой нельзя договориться иначе, я бы тебя избила. И ты знаешь это.

Решимость Видара, кажется, немного даёт трещину. Он некоторое время продолжает смотреть на меня. Я — на него.

— Асуров ко мне тоже, скажешь, не ты приставила?

Ворваться за купол, отгородивший подопечного, братья Ушас даже не пытаются. Значит, точно приставлены моему наставнику Риком. Хороший выбор. Со старшим из братьев я даже пару раз дралась. Отличные бойцы.

— Асуров, скорее всего, приставила я. Вернее, приставил их Рик, но я попросила его найти тебе независимую охрану. Моих парней ты втягиваешь куда не надо. А без охраны тебя, как показала практика, оставлять не стоит.

Видар ощутимо рычит. Ну да, он сильный воин, и ему унизительно, что его охраняют студенты. Но условия академии такие, что одного его быстро убьют.

Видар сильно нервничает. Видимо, родственник ему сильно дорог. С другой стороны, разве бывают не дорогие родственники? Мой наставник обводит злым взглядом парней за моим столом, потом снова переводит его на меня. И вдруг ядовито усмехается:

— Ну да, как я забыл. Грязную работу за донну всегда делают мужчины. Даже если она не просила. Ведь это обязанность мужчины защищать женщину.

Он напряжённо оглядывает окружающих меня донов, в конце концов останавливая пристальный взгляд на Яннисе:

— Дон Мойра?

Яннис лишь мягко улыбается:

— Я не трогал вашего родича, дон. — Потом он оглядывается на хмурую меня и добавляет: — И не приказывал и никак не мотивировал никого это сделать. Вы поступили глупо, дон, ворвавшись на территорию глубинных. Подвергли опасности Габриэль и нажили себе врагов. Но, полагаю, сеньор Сварожич думает так же и уже проинструктировал вашу новую охрану отступить в сторону, если вас вновь понесёт так грубо нарушать установленные порядки академии. В остальном я не знаю, кто выкрал, приказал или замотивировал выкрасть вашего родственника. Я узнал о пропаже лишь утром, когда вы начали громко его искать.

Видар ещё раз окидывает быстрым взглядом мою свиту:

— А где дон Агни?

— В валетудинарии. — Мой упрямый наставник оглядывается на меня с удивлением. Я пожимаю плечами. — Может, даже уже очнулся. — Но на вопросительные взгляды остальной свиты приходится пояснить: — Получил по физиономии за то, что полез к смеске, которая его не желала.

Уточнять, что ударил Агни демон, я, конечно, не стала. Только драки между оптиматами тут мне не хватало. А без этого уточнения звучит так, как будто ударившей была я. Ну и ладно. Потому как я уже невероятно зла, и вся эта ситуация мне до чёртиков надоела.

— Очень показательное поведение, дон Видар. Ты не ве-

ришь моему слову, ждёшь от меня гадостей и снова не обсуждаешь со мной своих проблем, не просишь помощи, а рвёшься как «самый взрослый» всё делать по-своему. Ну что стоишь? Беги, спрашивай! Я уже почти уверена, что работать в моей команде ты не способен. Сгинь с моих глаз!

И я испаряю свой купол, явно показывая, что разговор закончен.

66. Команда

Купол испаряется, Видар, рыкнув, разворачивается и покидает белый сектор так же стремительно, как и пришёл. А я... Кажется, мне до чёртиков уже надоели все эти пляски в стиле крылатых. Я нахожу глазами Эсту в секторе смесок. Она смотрит на меня обеспокоенно. Ну да, крики очередного небесного с извинениями, да ещё и купол. Мне очень не хватает её сейчас рядом. Ну, или хотя бы Рика.

Я медленно оглядываю свою свиту. Видар говорил так уверенно. И он, конечно, мог надумать лишнее — про меня ведь надумал, — но во всём ли?

— Сегодня утром я пыталась донести до дона Видара довольно простую, на мой взгляд, истину. Полагаю, вам всем тоже будет не лишним её услышать.

На меня смотрят очень разные взгляды. Яннис, как всегда, прячущий истинные эмоции за мягкой улыбкой, которую так любит Эста. Умный мальчик Амон, явно испытывающий сейчас стыд за происходящее. Гектор, который, кажется, ещё не понял, чего все так напряглись. Игаль, игру

которого не поняла я.

— Через два месяца моя учёба в академии закончится. А ещё вместе с ней закончится время детских целей, детских клятв и детских же критериев свой-чужой. Те, кто пойдут со мной в мою взрослую команду, должны понимать: я не терплю самоуправства за спиной. Если вы не можете согласовать со мной свои планы, аргументировать для меня их необходимость, то, видимо, эти планы задуманы во вред мне. Иначе я не вижу никакого объяснения подобным тайнам. И да, я знаю, что почти все из вас довольно часто мне лгут. Ну, или хотя бы вводят в заблуждение глобальными недомолвками. Тут так принято. Каждому тянуть одеяло на себя. Вы не задумываетесь об этом. О том, чтобы быть именно командой, а не свитой. Кулаком, который сможет что-то по-настоящему изменить, исправить. Сохранить мир, который сейчас буквально трещит по швам. Разве такое может сделать группа, где каждый в ворохе своих тайн? Нет. Я в этом убеждена! И времени запрыгнуть в уходящий поезд моей команды остаётся всё меньше и меньше.

Я щёлкаю пальцами, иницируя тарелку вместе с почти не тронутым мною блюдом раствориться в воздухе. Есть больше желания нет.

— И пусть те, кто замотивировали выкрасть родственника Видара, так же тихо замотивируют кого необходимо вернуть его обратно целым и невредимым. Так не строятся отношения в команде. Есть конфликт — озвучьте, найдите compro-

мисс. Придите ко мне и обсудите со мной. Или убедите меня, что ваш метод — лучшее решение.

Я встаю и, жестом велев донам оставаться на местах, двигаюсь прочь из зала. За мной следуют только ликторы.

Эста нагоняет меня почти сразу за галереей, выводящей на улицу. Она просто глядит на меня и молча обнимает. Так просто и в то же время... от её объятий верится, что вместе мы справимся.

67. Зорро

Эста поднимает на меня взгляд и улыбается:

— Помнишь, тебе даже нравилось, что он прямолинеен и не хитрец. Сейчас ему больно, его ударили в то единственное, что они здесь ценят: клан и родичей. И он, как кабан с подстреленной ягодицей, тупо ломится через лес.

Я тоже улыбаюсь в ответ на её улыбку и на её сравнение Видара с кабаном:

— Он взрослый! Сенатор!

Она кривится:

— Что значит «взрослый»? Это миф, что люди с достаточным опытом жизни готовы к любой ситуации. Нет, они просто лучше держат лицо. Что значит «сенатор»? Да, он десять лет глава своего рода и имеет место в сенате. Но он же был малым мечом при Разиэле. Ты до сих пор считаешь малый меч отдельно мыслящей фигурой? Мужик — отличный боец и тренер, не надо требовать с него лишнего. Да и ему всего тридцать пять лет. И в его жизни ещё ни разу власть вот так

вот нагло и неудержимо не утекала в руки кучки студентов. А он не оказывался, с одной стороны, наставником, а с другой — ни на что не влияющим клятвенником, который даже защитить себя сам не может. Это довольно стрессовая ситуация для мужчины, согласись. О чём конкретно-то ругались?

Мы идём по дорожке в сторону террасы деда Тоси, хотя ещё рано для его занятий. Гномы, как обычно, оттесняют в сторону от нас абсолютно всех, давая поговорить. Я пересказываю подруге разговор с Видаром и свитой. Выплёскиваю все свои возмущения по этому поводу:

— Ты понимаешь, четверых сенаторов убили вот тут, в академии. Ещё трое в тяжёлом состоянии восстанавливаются. И по всему выходит, что это дело моей свиты?

Эста хмыкает:

— Ну, ты же знала, что Яннис отгоняет от тебя женихов? И даже иногда пользовалась его услугами в этом вопросе. И ты не настолько наивна, чтобы думать, что он их отгоняет исключительно добрым словом. А чем сенаторы лучше? Вспомни по списку. Первым был старикашка-дэв, который кричал, что великий меч должен учиться дома, и жаждал отправить тебя, не знаю уж куда, но главное — подальше. Ну да, убийство, на мой вкус, тоже пахнет крайностью, но это иное общество с иными законами. Ты посмотри на результат: больше ни один даже не думал поднять этот вопрос. Второй сенатор пытался перестроить систему академии, ты выгоняла преподавателей за незнание предмета, а он пытал-

ся оставить их просто за титулы. Его один раз били — не помогло. Стал вторым трупом. Последний пытался давить на студентов через их родичей в подчинённых ему кланах, это тоже могло стать очень опасной тенденцией. Да и договороспособность у него была нулевая.

— А третий?

— Не знаю. — Эста пожимает плечами. — Но когда выяснишь, кто из твоей свиты его прибил, обязательно спроси. Уверена, он тоже как-то очень бесчестно посягал на твою власть.

Я вздыхаю:

— Ты знала об этом? О том, что это делает Яннис? Он тебе рассказал?

Подруга мотает головой:

— Нет, во-первых, я не спрашивала. Во-вторых, о некоторых случаях он сам очень уж активно меня расспрашивал, так что в тех ситуациях, думаю, это был не он. Но то, что некий кровавый «Зорро» старательно оберегает именно твою власть, по-моему, было понятно. И этот процесс не требовал вмешательства. Мы с тобой ни черта не понимаем в том, что творится в головах местного общества, а этот или эти «Зорро» понимают. Ты обратила внимание, как зал отреагировал сегодня на твой скандал с Видаром? Ещё пару месяцев назад они бы осудили тебя, возможно, даже вслух. А тут замерли и молчаливо осудили Видара. По-моему, тенденция правильная. Или ты хотела героически драться со

всем миром принципиально в одиночку?

Эста всегда обладала талантом заставить меня выдохнуть, задуматься или даже рассмеяться в самой паршивой ситуации.

— Нет. Не собиралась! Тогда получается, я не права, что так на всех спустила собак?

Она забавно приподнимает бровь:

— Почему не права? Очень даже. Во-первых, спускать собак — это важная часть твоего имиджа. Очень помогает держать в тонусе даже самых красивых и улыбочивых донов. А во-вторых, ведь твой основной посыл был не в том, что они так защищают тебя, а в том, что они не подконтрольны тебе в этом своём героизме. Пошли в бой, не отчитавшись начальству. И тут всё отлично. Ты уже достаточно сильна и требуешь большего подчинения. Всё правильно!

— Иногда я начинаю бояться этого своего «сильна»...

— И это тоже правильно. Это говорит о том, что в тебе присутствует чувство ответственности, а значит, у мира есть шанс.

68. Мотив победить

Мы усаживаемся на самом краю скалы, недалеко от террасы Тоси. Эста смотрит вдаль на море, которое сейчас переливается спокойной лазурью, и вот в этой части нашего разговора — в той, которая о мире людей, — она уже менее оптимистична:

— Ты знаешь, сейчас, наблюдая за миром бескрылых, мне

начинает казаться, что они сошли с ума. То, что они делают, — это действия суицидные. Они сами медленно, пока по мелочам, но абсолютно безвозвратно ломают свой сытый и комфортный мир. И единственное, что даёт мне надежду, — это твои крылья. Вернее, не совсем они, а понимание, что это всё только из-за нарушения равновесия этих самых крыльев. Что да, под крыльями войны людьми движет желание решительно менять то, что их не устраивает. Часто неразумное. А если в игру вступили ещё и крылья Океана, они начнут нести эти свои «правильные» изменения ещё и в чужие дела. Но как только мы уравновесим систему, соберём крылья Драгона — красоту, или Янниса — правду, или Десмы — знания, система сама придёт в равновесие и всё исправится.

Я тоже смотрю на море:

— Да, но только Драгон у нас демон — а значит, его крылья будут поводом для войны оптиматов. Яннис — сын сильного небесного клана, и его крылья приведут этот клан к власти, а мы с ним не в ладу. А Десма у нас нейтральна, и значит, может легко выбрать совсем не небесные флаги, тем более имя Азазель ей нравится больше.

Эста хмыкает и хлопает меня по плечу:

— А кто говорил, что будет легко? Я лично не говорила! Но ты справишься. И это ещё один аргумент, что власть тебе нужна, так что парни молодцы, что помогают. Ты и Янниса со всем его кланом на правильные рельсы поставишь, и Десму. Поназывается Вритиэлем — с неё не убудет. Она, кста-

ти, там очень увлечённо занялась подготовкой олимпиады в соответствии со всеми традициями древности. Я видела её в библиотеке. Она поздоровалась со мной. По-моему, отличная идея — вручить проведение этого мероприятия доннам. Сами они с женихами, но в их свитах полно сеньорит, ещё не определившихся с выбором. У парней-сеньоров будет мотив победить и произвести впечатление.

Я усмехаюсь:

— Ну, тогда я молодец, что позвала участвовать в этом деле ещё и донну Иштар. Демонам тоже надо на кого-то производить впечатление.

Эста косит на меня удивленный взгляд:

— Ты позвала к себе глубинную донну? Сестру Карима?

— Да, пригласила сегодня на ужин, даже с небольшой свитой.

Эста продолжает смотреть на меня вопросительно, и я нехотя добавляю:

— Ну, она бывшая невеста моего демона... И Паньгу тут всякие слухи рассказывает. Так что я решила занять девушку полезным, чтобы у неё банально времени на всякие глупости не было.

Эста усмехается:

— Ну, интересно будет на неё посмотреть. Карим часто о сестре рассказывает.

69. Аморальный секрет

От всех тяжёлых мыслей о ссоре с Видаром и ситуации у

бескрылых хочется переключиться на что-то попроще. Просто выдохнуть. Тем более задачек у меня множество:

— Кстати, эта самая донна Иштар очень любопытно отреагировала на саму идею собрать крылья. Знаешь... как будто это низость какая-то, аморальное и в принципе постыдное действие.

Эста пожимает плечами:

— Ну, воспитание — крайне мощная штука. И могу предположить, что, чтобы не пускать девушек к власти, им внушают, что эта самая власть и связанные с ней крылья всячески отвратительны.

— Я не об этом... Клан Иштар ведь уже показал себя очень осведомлённым, даже в том, что другие давно забыли? Демонёнок многое знает. А что, если тот секрет, который ищет Майя, Халиде известен? И в её понимании это действие, которого Майе не хватает для крыльев... аморально? Тем более что сама власть, судя по реакциям её как раз привлекает. Отвращение только на сборку крыльев.

Подруга поворачивается ко мне:

— Ты думаешь, дело в...

— А почему нет?! Что у местных высокородных юношей с девственностью?

Эста усмехается:

— А там, кстати, есть интересное. Девственности мальчишки, и не только доны, лишаются, можно сказать, целенаправленно. После шестнадцатилетия им находят для этого

бескрылую женщину. Так как этот вопрос можно отнести к культуре крылатых, Яннису пришлось отвечать на мои вопросы очень подробно. Он так мило смущается! А интересно тут то, что этот ритуал называется «инициация».

Я киваю:

— А высокородные девушки не знакомы даже с минимальными особенностями мужской анатомии, типа эрекции...

Этот занимательный факт местного образования мы выяснили ещё на первом курсе, общаясь как раз с Майей и её свитой. Не уверена, является ли подобный пробел в знаниях повсеместным, но как минимум донне Шакти было неизвестно, что член мужчины в принципе способен увеличиваться. Собственно, это было неудивительно, учитывая крайнее целомудрие местных традиций, что даже помолвленным можно лишь держаться за ручки, но тогда мы сочли этот факт просто забавным.

Эста с минуту обдумывает мою идею, после чего резюмирует:

— Ты знаешь, гипотеза получается очень стройная. Она отлично объясняет, почему ты оказалась исключением. А ещё, если подумать, под неё можно подтянуть и биологию. Впервые крылья раскрывают в подростковом возрасте. Причём не в определённый день, а как попало, плюс-минус год, даже внутри одного клана. А значит, это индивидуальный этап взросления организма. Влюблённость, тактильные удо-

вольствия, оргазм — это всё гормоны. И эти гормоны, несомненно, оказывают влияние на развитие взрослеющего крылатого. И ещё одно: шанс собрать крылья есть только у молодых, примерно до тридцати лет. И основано это «до тридцати», скорее всего, на истории одного-единственного Уриэля, который в пятом веке собрал великий меч в двадцать девять лет. В основном же в возрасте тех же двадцати девяти лет узор у большинства крылатых уже не развивается. А значит, это снова индивидуальные особенности организма, биология, период взросления. — Подруга ещё на минуту задумывается и добавляет: — Только вот как эту гипотезу проверить, ума не приложу. А с их отношением к близости и сексу что-то мне подсказывает, что ни один умник в своих мемуарах такого не описал.

Глава 12. Майлз. Катастрофа

70. Спешка

Признаться, я на взводе. Ночное примирение двух великих мечей, а потом довольно спонтанное покушение на небесного дона сильно выводят меня из равновесия. По-хорошему нужно поспать, но времени на это совсем нет. Над академией уже вовсю поднимается рассвет, моя Габриэль летит на свои тренировки, Лоренцо раскидывает слухи о её чувствительности ко лжи, пытаюсь погасить конфликт с небесными, Видар обнаруживает пропажу родственника, дабы перестать искать Валефара, Тиамат готовятся убрать меня от Халиды — и абсолютно всё это нужно держать под контролем.

Я стою у зеркала и в попытках успокоиться ваяю вышивку на брюках. Внутри зудит нехорошее чувство, что я что-то где-то всё-таки упустил. Операция с родственником Видара была слишком спонтанной. А ещё мне нужно в принципе утилизировать куда-то подозрения, что в академии собрался ещё один великий меч, в идеале — создать иллюзию, что этот самый меч отсюда бежал...

— Хм.

В дверях появляется Йокубас. Его взгляд скользит по мне сверху вниз, тут же делаясь масляным. Но даже на раздражение, кажется, нет сил. Просто усталая констатация факта: я

мог бы и раньше догадаться, что если на Эмилса не действует похоть, распространяемая Каримом, то крылья у него развиты сильнее, чем предполагается. А ещё интересно: теперь и крылья Эмилса как-то на всех окружающих влиять начнут?

Я прерываю этот хамский процесс разглядывания себя красивого и не слишком одетого:

— Докладывай уже!

— А... — Кузен Эмилса усмехается. — Там чёрный Офион явился. Отчитаться рвётся. Я думал, вы спать легли.

Думал, что я лёг спать, и без стука пришёл в мои комнаты? Отлично! Я быстро ваяю прямо на себе простую мягкую рубашку:

— Как видишь, я не сплю. Зови.

Дэв является крайне довольный собой:

— Мне даже уговаривать дона Кадеша особо не пришлось. Как услышал ваши условия, особенно что вы собираетесь ввести его в свиту Габриэль, тут же буквально на всё согласился. Только, доминус, я тут порасспросил и его самого, и тех, кто про него знает, — плохая он карта. Его свои же до конца года прибьют, особенно если он к Габриэль пролезет. Он нынешнему главе рода седьмая вода на киселе. При том что в клане наследников предостаточно и всего годом младше него подрастают сын главы и сын брата главы. И у всех троих солнечные крылья больше восьмидесяти процентов. Стоит ли на него ставить?

Я оглядываюсь. Йокубас стоит в дверях. Эмилс обычно

делает так же, когда возле меня посторонние, но Эмилс меня этим не раздражает.

— Йокубас, где боец, которого я велел найти?

Тот поднимает бровь:

— Асур? Тут. — В дверь, чуть нагибаясь, входит рыжий гигант. Судя по одежде, из клана Кернунн. Такие же отменные боевики, как Диевасы. И каким образом Эмилс со всеми ними договаривается, мне, по сути, не известно.

Я указываю Офиону на гиганта:

— Вот этот боец присмотрит, чтобы твоего подопечного, ну и тебя заодно, не прибили без моего на то прямого приказа. А ещё за тем, чтобы вы оба чётко выполняли то, что я вам велю. Причеши своего дона в приличного скромного юношу, пусть к обеду явится к столу Габриэль, покажет крылья и объявит, что жаждет спасти мир. И ещё один секрет. Пусть берёт пример с Мойры: на Габриэль — ни одного взгляда с вожделением, ни одного слова, только как к суровому доминусу — война и политика. К Эстеле, если встретится, — как к сеньорите, за спиной которой десяток братьев-воинов. Качественно растолкуй юноше, сколько костей Габриэль ломает тем, кто нарушает эти простые правила. Не жалея красок.

Дэв смотрит на гиганта-асура с опаской. На что рыжий, ещё и чтобы добавить драматичности моменту, оскаливается в кровожадной улыбке. И что я натворю с такой командой? Спешка меня погубит!

71. Во власти женщины

Новая свита Белого дона, обмениваясь многозначительными переглядываниями, наконец скрывается с моих глаз. В принципе это не имеет значения. Пусть крутят мальчишкой Кадешом как хотят, лишь бы дело делалось. Волноваться об этом у меня всё равно нет времени.

Сейчас нужно идти встречаться со всеми своими теньями, выяснять обстановку, но... Йокубас валится на колени:

— Дон, мой отец, Каюс Диевас, просит у вас помочь ему как можно быстрее попасть в академию, чтобы иметь возможность защищать и учить Валефара. Он готов принять любые ваши условия.

О как! Какая безграничная вера в мои возможности. И ведь это означает, что клан Диевасов уже не только знает о собранных крыльях Эмилса, но и о том, что я принял его и пообещал содействие. А ещё они, небезосновательно, уверены, что их великому мечу нужна защита, и попытаются прорваться в академию в любом случае.

— И как скоро он готов прибыть?

— Сразу, как я пришлю сообщение, что академия его впустит. Один или с несколькими воинами клана, если такое будет возможно.

И как я это сделаю? Нет, я уже в принципе придумал, как могу провести в академию старика Иштара — воспользоваться влиянием своего дяди, дона Тараниса. В конце концов, старик-дон, который, по словам Карима, уже и по лестнице с трудом спускается, не представляет никакой опасно-

сти и даже, думаю, не вызовет вопросов у небесных. Но Каюс Диевас, малый меч и знаменитый воин глубинных, да ещё и с отрядом, точно вызовет!

Так что я, не выражая никаких эмоций, просто киваю Йокубасу:

— Хорошо. Я скажу, когда этот вопрос будет решён.

Ещё до обеденного зала информация от теней и Лоренцо добавляет мне задач, закручивая события всё быстрее и неотвратимей. Да, Видар полностью переключается на поиск родича, забыв о всех попытках найти Валефара. Но! Сварожич, видимо, после вчерашнего выделил ему отдельную охрану. Разумно, не спору, если бы это не была та же троица асуров, которая для всех внимательных уже засветилась, защищая меня. Братья Ушас! И самое главное, что даже быстро намекнуть на это Сварожичу возможности нет, потому как уже к позднему завтраку вся академия знает, что данный сеньор собрал малый меч и в ближайшее время прикован к постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.